

Title	ロシア語テキスト
Author(s)	Канчуга, А.
Description	本文中のタイトル: Автобиографическая Повесть : Трилогия : Часть первая : Детство
Relation	アレクサンドル・カンチュガ著 ; 津曲敏郎編訳 = Aleksandr Kanchuga ; edited with a Japanese translation by Toshiro Tsumagari, ウデヘ語自伝テキスト = An Udehe autobiographical text with a Russian translation. 大阪学院大学情報学部, 2002.8, vi, 337p. (科学研究費補助金(特定領域研究(A))研究成果報告書, . 環太平洋の「消滅に瀕した言語」にかんする緊急調査研究) (ツングース言語文化論集, 17) (ELPR publication series, A2-019)
Citation	ツングース言語文化論集, 17, 251-377
Issue Date	2002-08-09
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/57408
Type	report
File Information	07RussianText.pdf

А. Канчуга: Автобиографическая Повесть

Трилогия

Часть первая: Детство

*Жене, другу, верной спутнице моей жизни
Фаине Николаевне Канчуга посвящаю!* А. Канчуга

I

Когда это было? Как будто вчера было. Когда я был маленьким, я много видел, какая жизнь была у старших поколений. В то время удэгейцы вступили в колхоз. Отец и мать не были в колхозе. Как жили в Каялу, я не помню.

Однажды (мне шёл третий год), наш бат остановился у какой-то косы. Я был около матери. (1/2) Мой отец и старшие братья куда-то исчезли. Куда ушли? Не знаю. Мать же, посадив меня на спину, куда-то понесла. Пройдя сколько-то, мы пришли к мосту. Выше этого моста была мельница. На мосту очень много детей кололи рыбу острогой. Я увидел старшего брата Петю. Он заколол хариуса. Перейдя мост, мать поставила меня на землю. (2/3)

— Не маленький, шагай сам, дошли, — сказала она, — Пойдёшь по этой дорожке, дойдёшь до дому.

Я увидел дорожку. Она шла вниз по течению. Пока я рассматривал, моя мать, бросив меня, побежала по дорожке. Упав на землю, я заплакал. Почему бросила меня мать? Петя, смеясь, сказал:

— Встань, не плачь. Прямо по дорожке иди. Дом недалеко. Быстро дойдёшь! (3/4)

Что делать? Ждать мать? Где же мои старшие братья Костя и Митя? Почему они за мной не идут. Они бы меня унесли на *тото* (на спине). Немного посидев, я встал. Прямо по дорожке пойду. Итак, пошёл. Кругом дорожки выросли высокие травы. Пройдя немного, я увидел дом. Близко был он. Никто не встретил меня. Я же представил себя сильным. (4/5)

Придя к дому, я увидел своих старших братьев. Костя и Митя с улыбкой смотрели на меня. Отец и мать находились в доме. Отец что-то делал, мать готовила еду. Я вошёл в дом. Он был узеньким. Мать сказала:

— В дальнейшем я тебя на спине не буду носить. Тяжело мне. Ходи своими ногами, большой же уже.

Почему она так сказала, я не знал. (5/6)

Так мы стали жить в этом доме. Возле дома росли картошка, фасоль, перец, брюква и кукуруза. Кто их посадил? Я об этом всё время спрашивал. Однажды я узнал, чей это был дом. Этот дом принадлежал китайцу. Его звали Вансили. Его вместе со всеми китайцами выселили в Китай. Это был 1937 год. (6/7) Мои отец и мать вступили в колхоз. Им отдали этот дом. Потому мы переехали из Каялу в Метакезу. Утром отец с матерью, взяв тяпки, пошли полоть колхозный огород. В дальнейшем я забыл, что происходило.

Наступила осень. Мы выкопали картошку, собрали фасоль. Красный перец заинтересовал меня. Петя запрещал мне трогать руками. Я насильно схватил, потом (7/8) размял.

— Вымой руки водой. Будет горько.

— Ничего, не будет горько, — ответил я.

После Костя вытащил брюкву, вычистил и отрезал мне кусок. Я схватил руками, начал есть её. Поев немного, я почувствовал, как во рту стало горько. Очень горько. Я крепко стал плакать. Старшие братья унесли меня к речке и стали промывать мне рот. (8/9) Не понял, почему стало горько во рту. Только потом я вспомнил это. Мятый перец прилип к руке. Кушая брюкву, я слизывал его со своих рук. Долго не проходило. А я всё плачу и плачу. Отец матери говорит:

— Дай ему пососать грудь, разве хорошо, когда долго плачет.

Присосавшись к груди, перестал плакать.

После этого стал часто сосать грудь. (9/10) Посторонние люди, увидев это, стыдили. Я не стыдился. Однажды мать говорит:

— Хватит сосать. Оставь младшему.

Что за младший? Никого же нет. Не знал я, что мать

скоро будет рожать. Однажды утром я услышал плач ребёнка.

— Брат младший родился, — говорит отец.

Завёрнутый в материю ребёнок плакал, мотая головой. (10/11)

Накормив меня, отправили во двор. На улице снег немного выпал. Протока покрылась льдом. Очень скользкий лёд. Стал я бегать по льду. Старшие братья стали кричать:

— Провалишься, провалишься! Вернись назад! Вода очень холодная!

Вдруг я провалился. Очень холодная вода просочилась к моим ногам. Дальше ничего не помню. (11/12)

После этого долго болел. Чуть не умер. Выздоровев, я увидел младшего брата уже большим мальчиком. Его назвали Павликом. Дальше расскажу позже о том, как кололи кету острой.

II

Мне пять лет. Мы в это время жили в другом доме. Тогда все люди из Метакезы переехали в Сяин. Дома все переплавили. Школьное здание и учительский дом оставались в Метакезе, их ещё не успели перевезти. Мы же и перебрались туда. От школы недалеко было до берега протоки Огзоноу. На берегу стояли два дома. Там жили Кукченко Лау и Куенка Лоболо. (1/2) От этого берега, если идти вверх по течению, начинается кривун. За кривуном было нерестилище кеты. Об этом мы с Митей узнали из разговоров взрослых. Кости в то время уже не было. Он умер в девять лет от судороги. Он учился во втором классе. После мать рассказывала, как сильно заболел он и умер от судорог. Я это не помню. Мать говорила, что я тогда болел корью. (2/3)

Однажды мы на оморочке поднялись туда. Увидели много кеты. Вернулись назад за острой. Снова поднялись. Митя начал колоть кету. Ему шёл восьмой год. Заколол трёх. Я всё время помогал ему вытаскивать кету. Я стал просить у него острогу. Митя дал мне попробовать. Я кольнул в

большого самца, но не пробила острога. (3/4) Ещё кольнул, опять не пробила. Чуть не заплакал. Забрал у меня острогу Митя. Заколол он этого самца. Сильно стала дрыгаться кета. Митя крепко держался за острожище. Кета, дрыгаясь, сильно потянула. Митя прыгнул в воду. Встал в воде по пояс. Очень хорошо, что там было мелко. К берегу потянул Митя. Я же на оморочке подъехал по ближе. (4/5)

— Бродом помощи! — крикнул Митя.

Я, по колено в воде, бросился помогать. Вдвоём мы вытащили того самца. Очень большой был. Вдвоём еле подняли его. Он перестал дрыгаться. Вода очень холодная. Стали мы дрожать. Давай, поехали! Спустились. На шестах мы принесли две кеты. Увидев нас мокрыми, мать стала журить нас. Мы же говорили:

— В оморочке ещё две кеты. (5/6)

Мать стала растапливать печку, чтобы мы согрелись. Затопив, пошла за двумя кетами. Так мы с Митей впервые добыли кету.

После этого мы много раз рыбачили на кету. Я же, из-за отсутствия силы, ни разу не пронзил острой кету. Узнав о наших интересах, отец сказал:

— Мать, поедем лучить и возьмём их с собой. Пусть смотрят, как ночью надо (6/7) колоть, чтобы знали.

Очень мы обрадовались. Отец сказал:

— Пойдём готовить смолу, жирную смолу, чтобы хорошо горела.

Тогда очень много кеты было. Нерестилища были повсюду. Сейчас же их очень мало. Скоро совсем не будет. Как лучили, расскажу позже. Вот это очень интересно!

III

«Лучим кету»

Заготовленную смолу мы перенесли на берег. Отец, наладив сплетённую из проволоки корзину, на палке прикрепил к бату.

Мать принесла на берег одеяло, постелила на дне бата, предварительно положив медвежью шкуру. Вечером направились на место нереста кеты. Отец с матерью нас всех забрали с собой. Митя, я, Павлик, накрывшись одеялом, сидели тихо. Пети с нами не было. Он учился в школе на Модигове. Отец и мать начали шестами толкать вверх по течению. Отец впереди, мать на руле. Недолго поднимались. Доехав до нерестилища, пристали мы к косе. (1/2)

Стемнело. Затем быстро наступила ночь. Отец положил в корзину смолы и зажёл. Смола быстро разгорелась. Стало светло. В воде всё видно. У косы виднеется рыба. Здесь ленок, таймешки, хариусы стоят тихо (не шевелясь).

— Давай, поехали, подруга, очень хорошо видно, — сказал отец.

Став на волнорез, оттолкнулся древком остроги. Впереди что-то плескалось; 'Цофо, цофо'. Это кета икру мечет. Отец ловко вонзил острогу в самца и сразу забросил в бат, отцепив об перекладину кету. Очень сильно начала она биться. В это время снова забились уже другая кета, так, раз за разом. Через немного времени бат заполнился кетой. (2/3)

Мне было очень интересно. Отец, прежде чем колоть, сначала слегка подпрыгивает, потом чуточку приседает, а потом колет. На волнорезе он стоит босиком, засучив брюки до колен. Вода на волнорезе перекачивается туда-сюда. Смола, прогорая, искрит, искры летят в разные стороны. Мать рулит веслом. Как говорит отец, так и направляет бат. Однажды отец промахнулся, потому крикнул:

— Как ты рулишь, мать сына, не видишь, куда бат направляется?

— Я ровно рулю.

— Не спорь. Видишь, я промазал.

— Сам виноват. Не нервничай. Других нет что ли?

Я сейчас это вспоминаю. (3/4) Как будто это было вчера.

— Отвезём кету на косу, — сказал отец.

Выгрузили кету на косе. Разожгли костёр и стали греться. Ноги отца стали красными. Он обул олочи. Так он греет ноги. Какая была ночь! Звёзды ярко виднелись. Луны нет.

Небо ясное. Морозно. Я до сих пор удивляюсь, как босиком стояли на волнорезе. Вода холодная, морозно и не простуживаются. Согрившись, снова лучим. Кеты очень много. Отец всё время колет. Быстро заполнил бат. Опять к кесе пристали, отгрузив кету, снова стали греться. Греться, мы незаметно уснули.

Утром я проснулся рано. Ресницы заиндевели. (4/5) Я, Митя, Павлик спали обнявшись. С обеих сторон спали отец и мать. Они собой согревали нас. Костёр погас. Подняв голову, я увидел на кесе много кеты.

— Всё уничтожили? — задумался я.

Об этом я спросил у отца и матери, когда они проснулись. Они стали громко смеяться.

— Ещё много осталось. Полно нерестятся. Мы и за пять лет не переколем их. Потом я вам покажу нерестилище, — сказал отец.

Разведя огонь, мать стала готовить еду. Мы же стали помогать отцу в устройстве *дэкэ* (приспособление для подвешивания разделанной рыбы). После еды мать и отец вдвоём стали резать кету на юколу, а мы развешивать на *дэкэ*. Они очень быстро резали ножом, что мы едва поспевали за ними. (5/6) Я тогда ещё не знал счёта, потому не знал, сколько же отец кеты заколол. Потом он мне сказал: около трёхсот было. Полный *дэкэ* мы навешали юколы. А скелеты высушили для корма собакам.

Прошло полдня. Отец, усадив Митю и меня, повёз на бату вверх показывать нерестилище. Павлик с матерью остались возле *дэкэ*. Немного поднявшись, мы увидели нерестилище. Там был настоящий водоворот. Кета телом и хвостом расплёскивает воду. Впервые увидел я столько много кеты. На месте где ночью кололи, было полным-полно кеты, даже не убавилось. Казалось, стало ещё больше. Впереди вода кипит будто. Это играет кета. Очень много кеты! (6/7) Я вижу, как кеты гоняются друг за другом. Почему гоняются? Зачем кусают друг друга? Затем вижу, как самка подрыла гальку, выпустила туда икру, а следом самец выпустил белую жидкость туда же. Не знал я, что так

нерестятся. После этого сразу же закапывают той же галькой.

До конца ещё далеко. Не видать. Поехали вниз к дэкэ. Мы спрашиваем:

— Отец, зачем они друг друга гонят, кусаясь?

— Место, где икру оставили, каралят, не пускают других. Другие после этого ищут место, где отложить икру. Так нерестятся. Долго каралят. Потом дряхлеют и умирают. Из икры появляются мальки кеты, питаются их мясом. (7/8)

— Зачем каралят? Почему не уходят в море?

— Пронерестившись, они никогда не возвращаются в море. Здесь умирают. А потому каралят, чтобы икру не съели ленки и хариусы. Потом увидите, как кета гонится за ленками и хариусами.

Приехав к дэкэ, мы выбросили в воду потрохи кеты. Мать говорит:

— Через некоторое время вы увидите очень много ленков и хариусов.

Кетовой головы нарезано много, есть и со спинным вырезом до плавника. Отец режет ножом и кормит нас. Как вкусна голова кеты! Лучшая еда удэгейца! Гости всегда потчуют кетовой головой. (8/9)

— Отец, ещё будем лучить? — спрашиваем мы.

— Сейчас нет. Хватит. Юкола подсохнет, перетаскаем в амбар. После мы с матерью вдвоём ещё раз получим. Вы дома будете спать. Ночью очень холодно.

— Есть ещё нерестилища в других местах? — опять задали вопрос мы.

— Везде его много. Раньше в протоках не было нерестилищ. Удэгейцы, где жили, там и создавали нерестилища, 'воруя' для этого в других нерестилищах. Потому везде их стало много. Вы на протоке Огзоноу кололи кету из 'ворованного' нерестилища. Придя на нерестилище, зачерпывают в туюсок гальку с икрой и везут на (9/10) места, где живут. Там выроют ямку на дне, пускают туда привезённую гальку с икрой. На четвёртый год сюда приходит кета нереститься. Так оно есть.

— Давайте мы тоже 'своруем'?

— Зачем? Мы скоро переедем в Сяин. Где мы сейчас живём, везде есть нерестилище. Идите вниз по протоке, там найдёте нерестилище. Так три года подряд 'воруют' нерестилище.
Продолжение следует.

IV

Прошла осень. Наступила зима. Выпал снег. Ночью очень холодно. Днём, после восхода солнца, становится теплее. В такой день мы втроём пошли вниз по Огзоноу, чтобы проверить, нерестится кета или нет. Так идя, мы услышали, как кто-то в воде барахтается. Мы подумали, что это купается медведь. 'Патаа, патаа!' — раздаётся.

— Ещё подойдём поближе, — говорит Митя.

Боясь, мы тихонько подошли поближе. Никакого медведя не увидели. А увидели в воде много кеты. Они нерестились.

— Интересно, почему они и зимой нерестятся? — подумали мы.
(1/2)

Мы долго смотрели, как нерестится кета. Прогнознув, мы пошли домой.

Вернувшись, мы рассказали отцу.

— Почему они зимой нерестятся? — спросили мы.

— Всякая есть кета. Первая кета всех раньше нерестится. Другая кета отстаёт по дороге, потому позже нерестится. Самая последняя к зиме подходит. Так и есть. Даже подо льдом нерестится, — сказал отец.

— Почему отстают?

— Кета, как человек. Есть сильные, есть слабые, а дорога длинная. Из моря она заходят в Амур и поднимается вверх. Долго поднимается по Амуру. После этого (2/3) по Усури поднимается. И там долг путь. По ходу в Хор, Бикин, Иман заходит. Течение здесь усиливается.

— Аа, поэтому кета приходит в разные сроки?

— Поэтому.

После этого мы ещё несколько раз ходили туда. Опять

нерестилась кета. На этот раз подо льдом.

Однажды зимой приехали русские на лошадях. Они побыли несколько дней и уехали. Отец сказал:

— Русские телефонную линию тянут на Хорскую сторону.

— Что такое Хор?

— Это такая же река, как Бикин. По ту сторону гор течёт.

— Ты был там?

— Да. Мы всей (3/4) семьёй были там. Раньше, когда мы были маленькими, нас увёл туда дед через Катэнский перевал. От хунхузов мы убежали. Они хотели нас уничтожить.

— Почему хотели уничтожить?

— Ээ, очень долго рассказывать.

— Расскажи немного.

«В то время хунхузы с винтовками наперевес прошли по Бикину. Мы, удэгейцы, жили, разрозненно. Поэтому не могли себя защитить. Придя к нам, они отобрали у моего брата Лэсинги жену. Мы удрали вверх на бату. Осенью они опять до нас дошли. Во время шуги, они потребовали отвезти на бату вниз. Мой брат Гулинэ повёз их. По дороге бат перевернулся. Два китайца утонули. Гулинэ пришёл домой. (4/5) Дед, узнав об этом послал Лэсингу на Хор к родственникам Кимонко. Наступила Зима. Хунхузы не приходили. Мы же всю зиму в тайге прятались. Как только растаял снег, мы тоже ушли на Хор через перевал на Катэн. Добравшись до Катэна, взрослые стали долбить баты. Трёх сделали за три дня. Нас было много. Женщины, дети, вещи. Три бата полных загрузили. Оттуда мы спустились до Кимонков. Жена деда была девушкой из Кимонко.

Приехав к ним, узнали, что Лэсингу убили. Убили Кялунзиги, чтобы следом хунхузы не пришли. Женщины с распущенными волосами, наклонив головы, плакали. Так они скорбели по Лэсингэ. Он был самый старший из нас. (5/6) Ему было двадцать пять лет. Дед, узнав об этом, заболел.

Кимонки ухаживали за нами. Позаботились, чтобы не уничтожили.

Позже они рассказали, как был убит Лэсингэ. Он пошёл к ним, чтобы сосватать их девушку за Зэмпу. Зэмпу старше меня на десять лет. Ему шёл двадцать второй год. Размышляя между собой, пришли к выводу: если отдать девушку за Канчуга, хунхузы придут и нас уничтожат. Плохо, так не будет. Убьём мы Лэсингу. Одна женщина, услышав это, сказала:

— Тебя хотят убить. Беги скорее.

Лэсингэ, надев лыжи, начал убегать. Снег очень глубокий. По его лыжне начали погоню. Догнали. Когда кололи копьём, сломал несколько копий. (6/7) Как медведь набросился парень на них. Поэтому убили. Убив, распорол грудью, вынули сердце. Разведя костёр, они жарили сердце, приговаривая:

— Жарим, чтобы Канчуги ослабели.

На Хору мы прожили до начала осени. С Кялунзигами помирились. Зэмпу женился на их девушке. Её имя Лускэ».

После, когда я учил детей, прочитал отцу книгу Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай». Дойдя до того места, я спросил:

— Какой такой Канчуга Мисинга купцом был? Правда ли, что он привёл на Хор китайцев?

Отец, ругаясь, ответил:

— Когда вы были маленькими, я рассказывал вам. Вспоминай хорошенько. (7/8) Как мы убежали, я же рассказывал. Через Катэнский Перевал. Тогда дед Лэсингу послал вперёд на Хор. Его-то и убили хорцы. Вспомнил? Зачем Джанси так написал? Солгал. Я с ним встречался в 1932 году. Тогда он сказал так: «Кялунзиги совершили преступление. Они испугались китайцев и убили. Я это всё знаю. Мне шёл семнадцатый год. Мы не успели спасти Лэсингу. Это наша вина». Так говорил Джанси Кимонко. А почему написал по другому? Я удивлён. В 1932 году в Улунге и Метакхезе была война. Жившие в

Улунге русские свергли советскую власть. (8/9) Чтобы подавить их, прибыли Красноармейцы. Командиром был Соколов Алексей. С ними вместе прибыл Джанси Кимонко. Меня Соколов попросил помочь ему. Так мы встретились с Джанси. Рассказывать ещё долго. Как-нибудь ещё расскажу. Джанси хорошо в своей книге описал, как жили удэгейцы. Только про Лэсингу неправда. Не так это было.

После этого я заинтересовался. Всё время спрашивал, когда он будет рассказывать дальше. Много раз рассказывал он каждый раз говорил:

— Ты всё запиши. У тебя тоже хорошая книга получится.

Я всё это старался записывать по-русски. (9/10) Но не получалось. Удэгейские слова, записанные на русском, не совпадали в смысле. Из-за нехватки времени не мог записать по-удэгейски. Отец всё рассказал, как доехали до Хабаровска. Сначала доехали до устья Хора, потом по Усури до Хабаровска.

Что было дальше, расскажу потом.

V

— Пап, ты обещал дальше рассказать. Вы доехали до устья Хора. Как вы спустились до Хабаровска?

«Мы на трёх батах на вёслах поехали по Усури, когда стемнело. Спускались посередине реки. Почему ночью поехали? А чтобы не видели ни китайцы, ни русские. Усури с двух сторон они сторожили. Когда наступал день, мы ночевали в заливах. Однажды, когда мы были близки к Хабаровску, кто-то вплавь добрался до наших батов. Дед велел быстрее грести к китайскому берегу. Человек ухватился за борт одного из батов. Поэтому Зэмпу, схватив ружьё, выстрелил. После этого мы очень быстро начали грести к берегу, находившемуся на китайской стороне. Вдоль него быстро убегали. Через некоторое время туда, где мы были, полилась пулемётная очередь со стороны Русских. Мы, не

отдыхая, быстро гребли до самого Хабаровска.

Там жил один богач нанаец, его фамилия Бельды. Он (1/2) хорошо знал деда. Раньше они жили на Анюе вместе, были друзьями. Узнав о нашей беде, спрятал нас. А баты все сжёг. На другой день пришёл один русский, спрашивал, не видел ли кто нас. Бельды говорит:

— Не видели никого. Сюда никто не приезжал. Наверное, их китайцы захватили.

— Правда, наверное, китайцы их арестовали. Они к их берегу поплыли. — ушёл русский.

Бельды оставил нас зимовать у себя. Мы осенью сетью наловили много кеты. В Хабаровске перезимовали, помогали в работе нанайцу.

Весной, как только уплыл лёд, дед заторопился на Анюю. Бельды отвёз нас на катере до самого устья Анюя. Там мы встретили удэгейцев, они нас увезли на место постоянного жительства. Так мы стали жить на Анюе. Деревню называли Бирой. На Анюе мы прожили шесть лет. Анюю такой же, как наш Бикин, течение сильное, (2/3) но поуже будет. Здесь мы потеряли деда, он, выдав замуж мою сестру, умер. Сестру звали Дэвэ. Она вышла замуж за Анюйского Кялундигу. Зимой, летом охотились, весной, осенью рыбачили. Так жили. Я, вырастая, окреп. Начал ходить в тайгу: кабана, медведя, сохатого, изюбря, белку, колонка, соболя мог добывать. Вот так и жили на Анюе.

Мне было семнадцать лет, когда пришёл этот Арсеньев. Нанаец Камбука сопровождал его. Он попросил нас помочь ему. Водили их на бату по Анюю. Арсеньев с нами говорил по-удэгейски:

— Останавливайтесь на высокой косе, чтобы меньше комаров было.

Мы его везли с истока Анюя. Он с моря перевалил на Анюю. Мы тогда там были, охотились на пантов. Чтобы мы его встретили, попросил Камбука. Арсеньев с моря хотел пройти по Анюю. Мы помогли. Встретили мы его. Это был высокий русский мужчина. Ему было лет

пятьдесят. (3/4) Умел говорить по-удэгейски. Наши фамилии, имена всё записал, по сколько лет нам тоже записал. Потом спросил:

— Какие ваши русские имена?

— У нас нет русских имён.

— Я дам вам русские имена?

— Называй русские имена.

— Запишу на бумаге, после государство вам выдаст документы. Ну, пишу. Ты Зэмпу — будешь Кузьмой, Гулино — Алексей, Зэнси — Александр, Диглино — Дмитрий. Запомнили? Имя вашего отца Пётр, а вы все Петровичи.

Так обрели русские имена. Потому я Александр Петрович стал. После всего этого Кузьма говорит:

— Поедем на свою родину. Сначала переберёмся в Иман. Там мы узнаем, бродят ли ещё хунхузы по Бикину.

Выехали мы оттуда, оставив Дэву. С Хабаровска до Имана на поезде (4/5) добрались. Оттуда до верховьев Имана поднялись на батах. Там перезимовали. Взрослые охотились, а женщины и дети жили в шалашах. Это было в тысяча девятьсот двадцать восьмом году.

Наступит лето, уедем на Бикин. Там никаких хунхузов не было. Мы об этом узнали от иманцев. В июле мы спустились до станции. Оттуда на поезде приехали в Бикин вместе с батами. Выгрузив баты, мы прожили в Бикине три дня. Набрав на дорогу продуктов, поехали на свою родину. До Верхнего Перевала поднялись на вёслах по Алчану. В тот день не стали перетаскивать баты на Бикин, переночевали под сопкой.

На другой день, утором, мы с Сактамой пошли в туалет. Комаров много. Сактама говорит:

— Комары кусают. Залезем вон на то наклонное дерево. Оттуда хорошо какать.

Влезши, только хотели присесть, как в это время увидели очень много женьшеней (5/6) в цвету. Спрыгнув, мы побежали на берег, крича:

— Женьшень, женьшень, очень много женьшеня цветёт!

— Что хулиганите, заячьи дети, где увидели женьшеня? — не верят нам.

— Быстрее пойдём копать! — зовём мы.

Все пошли за нами. Кузьма говорит:

— Правда, очень много женьшеня. Выкопаем сразу, увезём в Бикин, там Демидову продадим, он работает в 'Интеграле'.

Два дня копали, только крупных. Узнав, что мы нашли женьшень, пришёл один нанаец, спрашивал:

— Правда нашли женьшень?

— Правда, правда.

— Кому отвезёте?

— В Бикинский 'Интеграл'.

— Когда поедете?

— Завтра. Сейчас наступает ночь, темнеет. Куда поедешь ночью?

После того, как ушёл нанаец, поразмыслили. :

—Зачем приходил нанаец? Для чего расспрашивал? Наверное, хочет отнять. В Перевале жили нанайцы и корейцы. (6/7) Они нас караулить будут где-то. Уничтожив, заберут женьшень. Ну, давайте сейчас поедем. На рассвете доедем до Бикина. Они нас не успеют застать.

Потому мы сразу отправились, сильно гребли вёслами, привыкли ездить ночью.

После мы узнали, что так и было, как предполагали. Ночью пришли на наш табор. Лодок на Алчане у них не было, потому не пустились в погоню. Мы же на рассвете были уже в Бикине. Сразу нашли Демидова. Он на лошади привёз на взвешивание. Двадцать два килограмма было. Много денег мы получили. Каждому досталось больше двух тысяч рублей. Тогда это были большие деньги. За пять копеек можно было досыта пообедать. Много продуктов, одежды, материй накупили и поднялись по Бикину. Ночью проехали Верхний Перевал. У нас всякого оружия было полно, мы у Демидова купили, я же купил «Маузер». Не боялись мы никого. Почему ночью проехали мимо нанайцев и корейцев Перевала? А чтобы (7/8) никого не убивать.

Грех стрелять в людей.

Тогда удэгейцев собирали в деревни. Детей учили в школе, в большие города отправляли парней учиться русской грамоте. Меня тоже посылали, но старшие братья не отпустили. В тайгу в верховья Бикина уехали на охоту. До осени охотились, рыбачили. Когда наступила осень, поехали ловить кету. Много было кеты, накололи достаточно. С наступлением зимы в тайге охотились на кабанов, медведей, белок, выдру, колонков, изюбрей, косуль, соболей. Весной я уехал в Метакезу. Тогда приезжали люди из НКВД. Для работы в городе набирали. Когда я приехал, меня упростили. Оттуда вместе с ними уехал в Бикин. Остальные не захотели. Я один поехал с ними.

— Парень, ты не боишься ничего, — говорили взрослые.

Сначала работал в Бикине, выдали форму и наган. Есть фото.

(Я видел это фото. Отец сидит на табуретке (8/9) в руке держит наган, ремень широкий, через плечо ремень узкий, его надевают, чтобы держался наган. Фуражка белая, гимнастёрка, брюки галифе, сапоги, нога на ногу. К сожалению, это фото мои младшие братья сначала порвали, играя, а потом где-то потеряли.)

Через месяц меня направили в Хабаровск. Там я работал до лета. Мы китайских хунхузов разыскивали. Они ночью верёвочной петлёй ночных прохожих заарканивали, горло перерезали ножом. Деньги, одежду грабили. Мы же их всех арестовали, посадили в тюрьму. Меня тоже чуть не убили. Точно так же петлёй. Я вышел вперёд в двор, была ночь. Раньше нас учили, как от петли защищаться. Надо поднять левую руку перед лбом, правой держать наган. Когда накинута петля, левая рука защищает горло, поднимает петлю и выстреливают. Я сделал так, как учили. Меня таким образом хотели уничтожить. После моего выстрела мои товарищи зажгли фонари. (9/10) Одного китайца ранил в

живот. Остальных, пытавшихся бежать, арестовали.

Летом приехал старший брат Кузьма и, узнав страшное, забрал меня. Так я опять стал жить на своей родине.

После я ещё расскажу о чём-нибудь.»

Мы перезимовали в Метакхезе. Отец охотился в тайге. Перед новым годом домой приехал Петя. У него наступили зимние каникулы. Он учился в Модиговской школе в четвёртом классе. Он привёз очень красивую книгу, там было нарисовано много всякого. Он обо всём рассказывал, как учился на удэгейском и русском языках. Когда каникулы кончились, Петя снова уехал в школу. Прошла зима. Весной, когда растаял снег, у нас родилась девочка. Очень красивая девочка. Мамина первая девочка. Перед ней рождались одни мальчики.

Продолжение следует.

VI

Я после узнал: мама сначала вышла замуж за старшего брата отца. Во время восстания белогвардейцев, Найба (так его звали) спустился в Метакхезу, там его арестовали красноармейцы. Куда увезли, потом об этом никто не узнал, что с ним сделали, до сих пор неизвестно. Поэтому, по законам удэ, младший женился на его жене. Об этом после опишу.

Мы, мальчики, очень любили девочку, хорошо нянчили её. Очень умная девочка растёт. Имя Поля. Мы с Митей в тайге собирали орехи, чеснок. Клещей очень много. Придя домой, мы собирали их. Однажды отец, штук десять вытащил на моей голове. Даже боли не чувствовал. Однажды мама не пустила нас. После дождя подул сильный ветер.

— Деревья, их сучья ломаются. Не ходите, убьёт.

Только тогда я узнал, как страшно во время сильного ветра.
(1/2)

Наступило лето. Мы каждый день рыбачили удочкой. Гольянов, чебаков, ленков, ловили. Как хорошо было! Отец

весной ушёл в Сяин. Долго там был. Летом он на оморочке поднялся.

— В Сяин переедем. Меня выбрали председателем колхоза. Очень много кукурузы, картошки, сои посадили, — сказал он нам. На другой день начали вещи перетаскивать на берег. У нас было две собаки, одна кошка, пять кур, один петух. Один туес полный был яиц. Мама поручила мне нести на берег. Бережно неся, я упал в грязь. Половину яиц разбил вдребезги. Жаль! Как сглуповал я? Почему не увидел на дороге ямку? Сев на землю, я горько заплакал. В это время подошла мама, неся на руках Полю. Увидев меня, спросила:

— Почему плачешь? А-аа. Яйца разбил? Зачем тогда плачешь? Вернешь? Встань! Иди на берег. Скоро поедem. (2/3) Ничего в доме не осталось, всё забрали. Солнце высоко поднялось. Поторопись.

Отец, Митя, Павлик ушли вперёд. Они нас ждали на берегу. Сказав это, мама с девочкой пошла дальше. Я, схватив туес, побежал следом. На берегу нас ждали. Около нашего бата привязана чья-то оморочка. На косе около отца сидит какая-то женщина. Это Элунгэ. Её сын Лёня, большой мальчик, больше десяти лет. Они ждали на другом берегу. Эта женщина калека. Они вместе с нами переезжают в Сяин. Их фамилия тоже Канчуга.

— Ну, давай трогаем! — сев в оморочку, сказала Элунгэ.

Мама за рулём, отец впереди, мы же уселись втроём на середине: я, Митя, Павлик. Полю мама положила около себя в люльке. Собак усадили позади отца, кошку же возле (3/4) ящика с курами. Вещей полный бат. Оттолкнули бат на середину, направили волнорезом вперёд, поплыли вниз. Сначала отец грёб сильно, бат быстро разогнался. Элунгэ со своим сыном вместе гребли. Их оморочка быстрее разогналась, сразу опередила нас. Мама всё время поёт, укачивая Полю:

— Баа-а, баа-а, дорогая дочка, переезжаем в Сяин, не плачь, гунэ-э, гунэ-э. Вниз пльвём, вода быстро несёт. Твой отец впереди, братья на середине сидят смирно, улыбаясь, не плачут даже. И собаки есть, кошка тоже есть, пять, курочек есть,

петух поёт, евэ-э, евэ-э.

Очень хорошо поёт мама, кормя грудью девочку. Оморочку догнали под какой-то сопкой. Они собирали цветы. Два раза на косах останавливались, ходили по нужде. На какой-то косе жёлтую собаку увидели, хромая, она шла к воде. Это Симанчуков собака. Один раз мою задницу покусала. Вспомнив это, я сказал отцу:

— Не возьмём эту (4/5) злую собаку.

Отец смеётся:

— Куда посадим, места нет. Хозяин оставил, потому что раненая.

Долго плыли мы в тот день.

— Когда доедем до Сяина? — спрашиваем мы.

— Завтра, — отвечает отец.

На закате солнца мы остановились у берега. Отец натянул палатку. Мама сварила ужин. Как только кончили есть, стало темно. Постелив, легли спать. Чтобы ночью нас комары не ели, отец подымокурил.

Утром нас разбудила мама:

— Отсюда уже недалеко до Сяина.

Позавтракав, погрузили вещи в бат. А кошка вышла из ящика, увидев её, напали собаки, кошка залезла на дерево. Дерево было нетолстое. До самой вершины залезла. Звали, звали — не слезает. Митя же полез на дерево. Отец говорит:

— Слезай, не доберёшься до неё, упадёшь, разве не (5/6) видно, что оно тонкое?

— Что вы возитесь? — Элунгэ говорит, — Свалите дерево, собак уже привязали же.

Отец, схватив топор, быстро свалил дерево. Кошка же, как только вершина приблизилась к земле, прыгнула в траву. Митя, подбежав, схватил, засунув в ящик, закрыл дверцу. После этого поехали мы дальше. Немного проехав, увидели двух женщин, поднимающихся на бату.

— Здравствуйте! Куда поднимаетесь вы? — спросила Элунгэ.

— Поднимаемся в Тохоло. Сегодня вернёмся. Вас в Сяине встречают.

Солнце поднялось высоко, очень жарко. Мы пригоршнями черпаем воду и пьём. Спускаясь, заехали в устье протоки. В это время увидели много домов. Это был Сяин. На берегу много людей стояло. Все наши односельчане. Все они жили в Метакезе. (6/7)

Я их всех хорошо знаю.

— Митя! Андрей! Я здесь, скорей идите ко мне, я вам Сяин покажу! — так нас встретил Суанка Витя, наш друг.

Он весной приехал в Сяин. В это время кто-то скакал на коне лихо. Не доходя до берега, осадил резко коня, тот поднял передние ноги вверх, на задних встал на дыбы. Кто это? Да так мастерски! Ааа! Это же дядя Пакула (по-русски Николай). Он нас встречал вместе с Петей. Петя, запрягши другую лошадь в телегу, ехал на берег. Обняв нас, говорит:

— Идите к дому дяди Диглино, там будем жить. В глубине села находится. Вещи я сам с отцом погрузу.

Витя повёл нас.

— Видите, это магазин, там же живёт хозяин. Воон длинный дом-клуб, возле него — контора, напротив (7/8) — большой дом. Там живут Канчуги. В одной половине Инсан, в другой — Санкуй. Много людей там. Рядом Геонка Нядиги дом, там живёт старик, отец его жены, его имя Арсё, много, очень много лет. За конторой Канчуга Михаил живёт, он председатель сельсовета. Возле него русского Санегина дом, подальше Канчуга Лянкуй, за ним Канчуга Владимир, Фулян, эвенки Адяны. Мы по той дороге идём к дому, где будете жить. Это — Пианка Гягду, вон Кя Досун, севернее — Канчуга Силунгэ, её сын Вася с женой, Дусей зовут её, нога покалечена. А вот и дом Диглино, вы будете здесь жить. Ещё севернее Диглино — Сундига Динэ дом, оттуда ещё выше — Сигде Исула, дальше тайга. Позади Сигдэ ваш дядя Пакула живёт, оттуда (8/9) вниз — Куенка Лоболо, ещё ниже — Кукченко Лау. Отсюда не видно. За Силунгой — Суанковский дом, оттуда ещё ниже — Канчуга Лёня. Мы же живём южнее Санегина.

Вошли в дом. Мама, Павлик, Поля ещё не дошли. Дома были три девочки. Это наши сёстры. Самая старшая — Мила,

её сестра Таня — дети дяди Диглино. Их матери не стало. Дочь жены Гулино — Ганя. Дядя Гулино развёлся с тётёй Бомболо, женился на Лааяту, а тётя Бомболо вышла замуж за Аянку. У них один ребёнок — сын. Его звали Шуркой, а по-русски Володей. Он жил то у отца, то у матери. В доме очень много людей жило. Диглино — трое, Гулино — четверо, Кузьма — пятеро, мы — семеро. Так мы стали жить в Сяине. Отец работал, мама воспитывала нас.

Продолжение следует.

VII

Летом мы рыбачили удочкой на протоке. На берегу этой Сяинской протоки стояли два дома. В верхнем Симанчуки жили, чуть ниже — Кукченки. Эта протока, протекая, образует плёс, прямо идёт к берегу магазина, там сворачивает налево, образуя кривун. Там, встретившись с заливом, сворачивает вправо, плёсом выходит в Бикин. Напротив магазина — полуостров. Этот полуостров называют Камчаткой. Я после узнал карту земли. Узнал и про Камчатку. Правда, Сяинский полуостров похож на Камчатку. Потому, наверно, назвали Камчаткой. На Камчатской стороне, по протоке, ниже дома Кукченко Лянсо — Куенка Люца жил, от него ниже — русский Ульянов, ещё ниже, напротив магазина — Симанчуки. Чуть дальше, со стороны залива, Пианки на одной половине, на другой Симанчук Афанасий. (1/2) Немного выше, за Куенкой — конюшня, рядом построили дом для конюха. Туда позже переселился наш дядя Кузьма. Ульянов в конце залива строил новый дом.

Южнее конторы был сельсовет, дальше вглубь — школа, новую сделали, ещё дальше — здание Метакезской школы. Там стала телефонная станция. Там работают одни военные. Ниже магазина, в сторону Бикина, хлебопекарня, вглубь села два больших амбара. На самом устье протоки — кузница. От неё вглубь длинное здание — там всякие железяки, молотилка, другие колхозные вещи. Ещё дальше вглубь, через дорогу — огромный амбар. Там

очищенная кукуруза, соя хранится. А ещё южнее — колхозные поля. Вглубь — огороды людей. В конце данного нам огорода — пасека. Русский Чаусов ухаживает. Он совсем старый. (2/3) По дороге вниз пойдёшь — всюду колхозные поля: на Майтане и Сигове. Там раньше жили китайцы с удэгейскими жёнами. В тот год, когда мы приехали в Сяин, ни одного китайца не было. Их всех выселили в Китай и другие места. Их жёны остались. Все они стали жить в Олоне.

Так жили в доме Диглино: летом в шалаше, зимой, осенью, весной — в доме. На следующее лето мы перешли в другой шалаш, он стоял за домом Канчуга Леонида. Там прожили до самой осени. Летом немцы напали на Советское государство все мужчины уехали в военкомат. Наш отец тоже уехал. Кого-то сразу отправили на фронт, других вернули домой. Наш отец тоже приехал. Осенью снова других отправили на войну. Нашего отца отправили назад, чтобы передал колхоз другому человеку. В ту осень собирали с полей урожай. (3/4) Очень много сои, кукурузы было. Сою молотилкой молотили. Две лошади, запряжённые, по кругу тащили длинный железный стержень, а внутри всякие приспособления крутились, и соя сыпалась вниз. Их женщины деревянной лопатой отгребали в стороны, в кучу.

Мы, мальчишки, каждый день рыбачили на протоке. Маленькой острой гольянов, вьюнов, бычков, выгнав из-под камней, кололи. Камни раскидывали древком остроги, там прячутся. эти рыбы. Под камнями бычки, вьюны прячутся. Гольяны не прячутся там. Так тренировались колоть мастерски. Чтобы так колоть, делаем разные игрушки, бросаем в воду, колем. В то лето я стал колоть хорошо. Играли в игру 'таймень'. Эта игрушка делается из травы, острога — из палки, с крюком. Сделав пять-шесть 'тайменей', бросаем противнику. Их налету колешь острой. Сколько заколол, (4/5) столько территорий забираешь. Очень хорошо научился я играть в эту игру.

Осенью мы переселились в бывшую контору, в одну половину; а на другой половине стал жить русский. Он был

бухгалтером. Его семья: жена, трое дочерей, один сын, самый младший, его звали Валентином; девочки — его старшие сёстры. Самую старшую сестру звали Галей, среднюю — Настей, а самую младшую сестру — Марусей. Митя с Настей учились вместе в одном классе. Эта девочка всегда приходила к нам: сказки рассказывала, книги читала, помогала нашей матери что-нибудь делать. Меня в школу не пустили: ещё маленький, сказали, тебе ещё нет семи лет. Русские девочки посмеялись. Тем не менее учили, как правильно говорить по-русски. По-русски я говорил очень плохо. В то время Петя учился на Нижнем Перевале (5/6) в пятом классе. Он там жил в интернате. Когда опали листья, отец забрал его оттуда.

— Они там сильно голодные, — сказал.

Петя очень сильно похудел.

— Больше не поеду туда учиться, буду охотиться, — говорил он.

После этого отец ушёл в отпуск. Собрался на охоту и взял нас всех с собой. На бату и оморочке поднялись мы до Дямчигу. Там натянули палатку. Большая была палатка. На другой день отец с Петей вдвоём пошли в тайгу, захватив с собой собак. Вечером, когда стемнело, пришли, неся мясо кабана на *сина*. (Сина — это приспособление из рогулек). Убили двух кабанов. Очень жирные кабаны. Мы же собирали кедровые шишки, а мама их шелушила. Больше мешка получилось. Отец с Петей перетаскивали мясо. Митя один раз ходил с ним вместе. Меня не взяли, маленький, говорили. (6/7)

В Сяине жил один русский. Его фамилия Щетинин, с женой, тёщей, тремя сыновьями. Самого старшего звать Ваня, среднего Шурка, младшего Вовка. Они жили на 'Камчатке' возле Пианковских. Однажды, где мы жили, приехали этот Щетинин, жена Куенка Люцы, Пианка Егор. Егор и Щетинин пошли на охоту, а жена Люцы стала помогать маме топить сало кабанье. Полный котёл нарезали. Затопив огонь, повесили котёл. Очень тяжёлый, едва подняли, мы с Митей помогали. Когда нагревается котёл, сало топится. Потом ели жмыхи. Очень вкусные! Много нельзя есть — тошнит. Потому мама много не даёт. Отец с

Петей ещё убили одного кабана, одного белогрудого медведя. Были очень жирные. Перетаскивать их я тоже пошёл. Мне отец заколотил полребра. До берега было недалеко. Два раза (7/8) отдохнув, добрались до палатки. Егор с Щетининым уехали домой, добыв одного кабана и одну косулю. Перед этим русский каждое утро смотрел вниз, стоя у самой воды. Над этим женщины смеялись:

— Жену захотел.

Отец говорил Егору:

— Вези его скорей, разве не видишь, как он держится за яйца.

Егор сильно засмеялся. На другой день они уехали. Жена Люцы (я забыл, как её звали) ждала, когда её муж вернётся сверху. Мы же, после Егора, побыв ещё два дня (перетаскивали мясо) уехали домой.

Приехав домой, мы с Митей вместе и другими ребятами побежали к молотилке, там много сои намолотили. Подойдя к одной куче, начали совать в карманы семена сои. Потому Санегин заметил (он был бригадиром), (8/9) побежав, начал кричать:

— Зачем воруете государственный продукт, сейчас я вам набью! Убегайте скорее!

Мы, увидев его, спрятались в кустах. Вечером на плите изжарили сою. Очень вкусно было! Отец, придя, отругал нас:

— Ещё своруете, ремнём по заднице набью.

Стыдно было!

Отец, получив деньги, отдал маме, чтобы купила продукты, материю, нам ботинки. Очень красивые были ботинки! Мы с Митей, придя на речку, бродили в воде. Долго бродили, очень холодная вода. Пошли домой мы. По дороге наши ботинки развалились. Наверное, части были связаны клеем. Мама очень сильно рассердилась на нас, этими ботинками побила нас, говоря:

— Где я возьму деньги? Ходите босиком!

Очень сильно плакали мы. Маленькие были, глупые.

Настя каждый вечер приходила рассказывать сказки и читать книги. (9/10) Наша Поля большая красивая девочка стала.

Павлик хорошо играет с ней, заботится. Петя работал, Митя учился, я же ничего не делал. Иногда помогал маме. Она была снова беременна. Отец работал в колхозе. В ноябре его снова вызывали в военкомат. Опять отправили домой. После этого с Петей вдвоём ушли на охоту. В марте только отправят на фронт. Перед Новым годом мама родила. У нас появилась ещё одна девочка. Когда отец с Петей вернулись, девочку назвали Зиной.

После напишу, как отца отправили на фронт, как жили во время войны.

VIII

Мама, выздоровев, мне говорит:

— Сходи к тётке Чунде, принеси сало, я у неё осенью оставляла. У меня молока мало, девочка сильно просит есть. Размешаю с зактой, выпью бульон, тогда появится молоко.

Я сразу отправился.

— Тетя, мама сало просит.

— Какое сало просит? Нету, всё кончила, — рассердившись, отвечала Чунде. Со слезами я пошёл домой. Рассказал, как Чунде не отдала сало. Мама ничего не сказала. Через некоторое время пришла тётка Хауенка. Она принесла риса, чтобы сварить закту. Девочка плачет, просит есть. Мама посадила её в люльку, поёт:

— Баю-бай! Немного погоди, сейчас выпью закты, тебя покормлю. Хауенка варит картошку и закту, запаривает кету. (1/2)

Мама, закончив есть, уснула. Мы нянчили девочку. Она тоже уснула. Поспав, мама проснулась, взяв девочку на руки, начала кормить грудью. Так начала жизнь девочка. После Нового года отец и Петя прибыли на нартах. Много мяса привезли.

Прошла зима. В марте месяце отца отправили на фронт. Они, шестеро мужчин из Сяина, трое — с Олона, надев лыжи, ушли в военкомат. Мама и другие женщины проводили своих

мужей до Олона. После этого женщины, придя в гости, всё время спрашивали у меня:

— Куда ушёл твой отец?

Я отвечал:

— Воевать.

Однажды мне всё это надоело. Я нарочно сказал:

— Умирать.

— Хайе, грех, так нельзя говорить.

После этого перестали спрашивать. Мама говорит:

— Ваш отец не погибнет, война кончится, он вернётся. Я верю. (2/3)

Через некоторое время пришло от отца письмо. Он писать не умел хорошо, поэтому попросил написать русского. Пишет, что ещё не отправили на фронт, учат, как пользоваться ружьём, как колоть штыком. Он находился в Спасске, вместе с ним Гулино, Хайсун, Цайсун, Михаил и другие удэгейцы. Кто находился в Спасске из удэгейцев, все отправились воевать с немцем. Кто вперёд ушёл, уже воевал с немцами.

Мой дядя Кузьма защищал Москву. Он там получил медаль «За Отвагу». Об этом мы узнали позже. Его жена, дети уехали жить на Перевал. Тётя Луска поступила работать у корозаготовителей бархатного дерева. В доме, где они жили, поселилась жена русского Доронина. У неё трое сыновей, мать. Доронин недавно привёз их в Сяин, оставив, сам ушёл на войну. Щетинин же свою семью увёз в Бикин. (3/4) Жена Доронина стала работать конюхом. В Сяине жил ещё один русский. Он был каким-то начальником. Я тогда не знал, что это был за начальник. Его фамилия Мармурик, имя Иосиф Кузьмич. Очень толстый мужчина, жирный, как свинья. Его почему-то не отправили на фронт. Его жена Уля — Ульянова первая жена. У этой женщины четверо детей: три сына, одна дочь. От Мармурика она ни одного не родила. С ней жили младшие дети: Юра, на год моложе меня, Аля — младшая. Их дом находился южнее клуба. Когда мы из Метакезы приехали, Элунга с сыном жили в палатке возле их дома. Осенью Элунга умерла, а сына к себе забрал Канчуга Инсан. Потому

Трофим стал жить в большом доме.

Наступило лето. Мы посадили большой огород. Больше кукурузы, меньше — картошки, тыквы, огурцов, фасоли, мама и табак посадила. Вечерами очень темно. (4/5) Свет зажжешь — комары налетают, потому после ужина ложимся спать. Иногда-иногда мама что-нибудь рассказывает, сказки говорит. Осенью на огороде собрали кукурузу, картошку, фасоль. Меня мама не пустила в школу. Нет рубашки, брюк. Я опять не начал учиться. Осенью Петя поехал на кетовку со стариками. Много привёз ююлы, малы, скелетов, солонины. Митя ходил в школу, я, Павлик ухаживали, нянчили сестрёнок.

Выпал снег. Наступила зима. Петя ушёл в тайгу на охоту вместе с другими парнями и дедами.

— Хотите на улице поиграть? — спрашивает мама.

— Очень хотим, — говорим мы.

— А как босиком пойдёте? Ну, давайте, чтобы я сшила олочи, помнём кожу.

— Давай быстрее мять, мама! — радуемся мы.

Вот, мы начали мять кожу. Мама села на *каинку*. Мы мнём. Ручки, бока *каинку* сделаны, как зубья пилы. (5/6) *Каинку* срублена из ясеня. Кожа ложится на зубья обеих боков поперёк, ручка надавливает между боками на кожу. Когда поднимаем ручку вверх, мама переворачивает кожу, мы опять давим. Так много раз. Пока кожа не нагреется. Два-три вечера так работаем; устанем — отдохнём, снова работаем, обливаясь потом. Мама рассказывает сказки. Много сказок она рассказала. Много знала, но я много позабыл.

Закончили мять. Кожа обработана. Мама, скроив, сплетя из изюбриных жил нитки, начала шить олочи специальной иглой. Потом прокоптила дымом, чтобы не растягивалась кожа от влаги. Специальную иглу делает сама из обыкновенной. Нагрев на огне, расплющивает молотком, а потом обрабатывает напильником. После копчения к олочам пришивает коврик из материи и нанизывает верёвку. (6/7) Настелив хайктой, надевает нам олочи, завязав верёвкой. (*Хайкта* — мягкая, тёплая трава, растущая у прилеска мари. Собирают осенью впрок, чтобы на всю зиму хватило.)

Ну вот, тепло ногам, выйдя на улицу, стали мы с Павликом бегать по снегу. Одежда рваная, но тем не менее интересно, хотя немного холодновато. Что холод, когда бегаешь на воле. Быстро вспотели. Потными нельзя стоять, плохо, сразу мерзнуть начинаешь, потому бегаем, пока не покраснеет лицо. Придя домой, спросили у мамы:

— Почему мы быстро вспотели бегавши? Сердца сильно стучат.

— Потому быстро вспотели, а сердца задрожали, что долго на улицу не выходили, не бегали. Так бывает. Бегайте всё время, чтобы сердце привыкло, ходите.

Аа, это так. После этого мы каждый день бегали. Мы же с Митей ещё начали возить дрова на нартах, запрягши собаку. Так перезимовали. Три пары олочей износили. Весной, когда таял снег, мало выходили на улицу. Снег тает, воды много, ноги мокнут. (7/8) Можно простыть.

Растаял снег. Днём стало тепло, а по ночам маломальские заморозки. Первого мая празднуют. Люди прихорашивают в домах, надевают красивую одежду. Мама сшила нам рубашки из белой материи. Мы, надев, думали, наверное, мы самые красивые. После праздника мы снова стали работать на огороде. Прошлогодние кукурузные палки сжигали, чтобы огород вспахали на лошади. Возле дома мы копали мотыгой, здесь посадили разные овощи. На большом огороде большей частью посеяли кукурузу, в конце посадили картошку. После мама обработала землю на месте пасеки, а её перевезли в Сигоу. Чаусов там стал жить вместе с одним стариком. Его фамилия Татаренко. Мама опять посадила картошку, вместе с ней тыкву, вогу. Мама и в колхозе работала. Мы с Митей ухаживали за младшими. Зину постоянно носили на спине с собой. (8/9) Мама с женщинами начинали работу с восходом солнца. Свою долю еды она приносила нам и кормила нас. Одинокие отдавали ей свою пищу. Так жили, с голоду не умерли.

Днём мы жили на большой косе; все дети Сяина, рыбака, находились там. В жаркую погоду купались. Я плавать ещё не умел. У косы на мели ползал. Вместе со мной другие дети

купались. Они тоже не умели плавать. Полю, Зину мы укладывали под тальником, накрыв своей одеждой. Митя едва научился плавать, по-собачьи. Чуть постарше ребята курили. Они приносили с собой самосад. Дым очень имел вкусный запах. Мы просим. Не дали.

— Ваши мамы будут ругать, — говорят.

Мы воровали и понемногу курили. Так и научился я курить. Мама не знала. Я очень привык курить. Мама, узнав, запретила. Я украдкой всё равно курил. (9/10)

В это лето я научился плавать. По-собачьи. В воде хорошо держался. Мы иногда купались возле кузницы. Много ребятшек, которые ещё не умели плавать, бродили по горло. На дне лежало бревно, по нему ходили. Я однажды поскользнулся с бревна, за ним на голову глубже. Я же стал тонуть. Солнце только заходило. Хотел встать на бревно, но всё время поскользывался. Прыгнул, голова вышла из воды, крикнул. Старшие мальчики сидят на перевёрнутом бату. Они начеку видят, как я тону. Я же упорно хочу встать на бревно, потому голова появляется над водой. Поэтому они не вытаскивают меня. Сколько раз я прыгал, не знаю. Вдруг я сообразил: нырнуть, руками ухватиться за бревно, так и вылезти на мель. Так и сделал. Уйдя под воду, начал руками шевелить, ногами дрыгать. (10/11) Прошёл бревно, начал вставать. Стало душно. В это время старшие мальчики, подбежав, в воде схватили меня, когда я уже вставал. Засмеялся.

— Не балуйся больше. Утонешь, — сказали весело.

— Не утону, я научился плавать.

— Покажи.

Я на берег поплыл по-собачьи. Два-три шага проплыл, ушёл под воду, потом встал.

— Молодец, молодец, мальчик, — удивляются.

IX

Я потом узнал, почему старшие мальчики так следили за

малыми детьми. Мамы, взрослые завещали, чтобы были начеку, когда купаются малыши. Летом мы два раза пропололи огород, а потом окучивали. Закончив свой огород, мы пошли работать к зажиточным, они давали нам еду. Зажиточные — это семьи, где есть мужчины, не ушедшие на войну. У таких всякие болезни: хромые, косые, калеки, старики. Они все могли охотиться, рыбачить. Потому они жили зажиточно. У них детей мало: по одному.

Наступила середина августа. В этом году я иду в школу учиться. Мама сшила рубашку, брюки мне. Мне скоро исполнится девять лет. Среди тех, кто будет со мной учиться в первом классе, одна русская девочка и я самые старшие. Девочку звали Ниной, фамилия Долгборец, отец Иван. (1/2) Её сестра Тоня, младшие одни девочки, две девочки. Имя одной девочки помню: Тома, самую младшую позабыл. Они недавно приехали в Сяин. Котовского забрали на войну, вместо него приехал Долгборец. Он проработал бухгалтером недолго. Завмаг русский Кирикович уехал, поэтому за него стал работать Долгборец. Они сразу перешли в магазин. Вместе со мной будет учиться одна латышская девочка, имя Айна, фамилия Берзиньш, отца звать Альберт Петрович. Его прислали в школу учить военному делу. Старшая сестра Айны — Мирта, имя их матери не помню. Очень высокая девочка. Айна на год моложе меня, а Мирта старше на два года. Она с Митей будет учиться в третьем классе. В это лето ещё один русский стал жить в Сяине, фамилия Сердюк. Он построил домик у шалаша, где мы жили. Строить быстро закончил, благодаря помощи других. Через немного времени его отправили на фронт. (2/3) Дочь, жену оставил в Сяине. Этой девочке было семь лет. Она должна была учиться вместе со мной. Побродив по ключевой воде, простыла. Недолго проболев, умерла. Жалко! Фельдшер сказал: «Менингит». Фамилию фельдшера не помню, а имя Мефодий. Жена Сердюка сразу уехала в Бикин, похоронив дочку.

Мы, дети, играли у конюшни в прятки. Потом играли в лапту. Выше залива был яр. Наверху была чья-то могила.

Наш Петя, Симанчук Митя зачем-то встали там. Вдруг провалились в могилу. По колено. Выйдя оттуда, увидели гроб. Испугавшись, поспешно убежали, крича:

— Могила, могила!

Услышав это, мы тоже побежали. Убегая, они, засмеявшись, остановились:

— Куда бежим, дураки, зачем убегаем, если чёрт есть, догонит.

Мы тоже остановились, сразу стали играть в лапту. (3/4) После мы ходили смотреть могилу: виден гроб. Узнав об этом, мама пожурела Петю, взяла какую-то еду, сходила помолиться за ошибку детей. Мама всегда нам говорила, чтобы мы не ходили у самого берега у обрыва:

— Провалится, упадёте в воду.

Прошло лето. Первого сентября я пошёл в школу. Возле школы было много детей. Увидев меня, побежали навстречу, крича:

— Андрей, Андрей, иди скорей, скоро колокольчик зазвенит на урок!

Мне почему-то стало боязно. Дети схватили меня за руки, побежали, я тоже побежал. Через некоторое время зазвенел колокольчик. Мы вошли в класс, сели за парты. Я как-то сел с Ниной Долгоборец. Дети засмеялись:

— Мальчик-девочка! Стыдно!

Я собрался сесть за другую парту, а в это время вошёл учитель. Все встали возле парты. Я один стоял в стороне. Нина смеётся.

— Ты почему стоишь в стороне? (4/5) — спрашивает учитель.

— Я с девочкой не буду сидеть, стыдно.

— Хэй, так не говори. Хорошо, я всех посажу мальчик-девочка сейчас же. Ты, Витя, с Марусей сядь, ты, Костя, вдвоём с Айной, ты...

Так всех рассадил учитель. Она женщина, дочь Симанчук Афанасия, училась в Ленинграде, стала учителем, сейчас третий год работает. Зовут Надежда Афанасьевна.

Я сначала долго не понимал, какая буква, как называется.

Через два месяца букву А одолел. В нашем классе были и второгодники, которые за год не осилили ни письма, ни чтения. Таким был Канчуга Толя. Его младший брат начал учиться вместе с ним в первом классе. Его звать Витя. В декабре я как-то сразу всё стал понимать. Писал, читал. Хорошо стал учиться. После нового, 1944, года, я уже прочитал все книги для первого класса. Читал наизусть из других (5/6) книг. Моя память стала очень цепкая. Поэтому стало скучно. Я думал:

— Всё уже знаю, зачем учиться?

Но в школу ходил.

Я сейчас размышляю: «Почему не перевели во второй класс? Мне лет много: девять, учился бы во втором. Потому, наверное, я начал плохо учиться во втором классе». Об этом я напишу позже.

Вместе со мной учился Костя Иванов. Он жил с отцом, матерью, братьями, сестрой в Амбе. Там находился телефонный пост. Костя жил сейчас у Ульянова. Мы подружились с Олегом Геонка. Он старше меня на год. Он учился во втором классе. Крепкий-крепкий мальчик, сильный. Бороться с ним не мог никто. Один приём — сразу падают (летят). На мне он не применял приём, просто поднимал, потом тихо ставил на ноги. Его отец тоже сильный человек, сейчас он на фронте, дед очень старый, девяносто с лишним лет, так он говорит. (6/7) Звать Арсё. Почему такое имя? Родился он на Амуре, там рос, на Анюе, потому назвали нанайским именем. В молодости был очень сильным человеком. Он много рассказывал о своей жизни. Откуда произошли мои предки, подробно рассказывал. Я об этом слышал после ещё от многих стариков. Эти рассказы я записал отдельно. Олег меня часто звал домой. Его мама ходила до Перевала обозом на лошади. Летом же на бату возила груз с другими женщинами. У этого Арсё жена была моложе на двадцать лет. Мы с Олегом ходили рыбачить на протоку. Он хорошо колол острогой. Я, в сравнении с ним, хуже. Через некоторое время я тоже колол хорошо.

У них было много табаку. Мы много курили, потому я был худым, да ещё сильно кашлял. Когда закашляю, мне

давали соснуть из трубки дыма.

Кашель прекращался. Так каждый день. Домой я приходил ночью. (7/8) Мама вначале спрашивала, где я был. Я отвечал, где. Ночью, когда я кашлял, думая, что простыл, щипала мне шею, грудь. Как щиплют? Двумя пальцами выхватывают кожу и дёргают, намочив водой или слюной. Когда побагровеет (так под кожей кровь расходитя) прекращают. Так много раз. Я всё время ходил с пощипанными шеей, грудью. Мама ещё не знала, что я курю. Иногда украдкой курил дома. Однажды мама застала меня:

— Давно куришь?

— Полгода.

— Ты потому худой, плохо ешь, поэтому сильно кашляешь. Не кури, брось, заболеешь, умрёшь. Что я скажу отцу? «Почему не смотрела?» — разве не скажет?

Я на это не отреагировал. Даже не прочувствовал. Что такое «умрёшь?»

Отец иногда писал. Сначала написал перед отправкой на фронт: их грузят в эшелон. Это было летом, в июле. После пришло ещё письмо. В каком-то Сталинграде воюет. (8/9) После этого написал: его ранило, лечится в Красноярске. Ранен в ногу.

Вот и зима проходит. Снег начал таять. Мама говорит:

— Сегодня Канчуга Инсан будет шаманить. Он зимой убил жирного медведя. Сварив сало, вынув из кипящего котла руками, будет прикладывать ко лбу мальчикам. Пойдёте?

— Пойдём!

Я пойду впервые. Павлик тоже пойдёт впервые. Митя уже ходил несколько раз, потому знает, как бывает. Пошли все в дом Диглино. В связи с болезнью его не отправили на фронт. Дом полон людей. Детей много. Везде сидят. На печке большой котёл, в нём варится сало медвежье.

Вот, Инсан сел с бубном, перед ним горит огонь, туда бросают листья багульника, чтобы запах был приятный. Закрыв глаза, дед молчит, держа бубен левой рукой, а правой — ударник. Долго сидел, шевеля что-то губами. Притянув бубен к лицу, тихо ударил. (9/10) Бубен зазвенел. Потом ещё. Следом ещё.

Что-то заговорил. Я совсем не разобрал, что. Долго что-то говорил. После этого резко встал. Стоя, сильно потряс поясницей. Погремушки на поясе загремели. Так, подпрыгивая, стал шаманить. Потом медленно прекратил. Положив бубен, подбежал к котлу, схватил оттуда руками сало, стал прикладывать ко лбам мальчиков, они смеются, не отворачиваются.

Мне стало страшно, потому спрятался под кровать. Мама, заметив это, за шиворот вытащила назад; в это время к моему лбу прикоснулось что-то ледяное. Дед побежал уже к другим мальчикам. Павлик, глядя на меня, смеялся:

— Стыдно, чего боишься? Как лёд холодный.

— Я думал, что сильно горячее, потому хотел спрятаться.

Об этом я до сих пор думаю:

— Почему холодное было, как лёд? Он же (10/11) вынимал из кипящего котла.

До сих пор для меня загадка.

После всего этого нас угощали салом, нарезав на куски. Митя с Павликом ели с удовольствием, я же, немного поев, не стал больше, потому что подташнивало. Очень жирный был медведь, сало толщиной пальца четыре с лишним, наверное. После я ещё ходил раза два, было очень интересно.

Продолжение следует!

Х

Весной, первого мая, праздновали: пели, играли в клубе. Закончив посадку огородов, прекратили занятия в школе: Наступили каникулы, целое лето будем отдыхать. Очень хорошо! Я всё время хотел записать рассказ Арсё. Он говорил мне:

— Ты, мальчик, являешься внуком русского.

— Откуда взял? — поинтересовался я.

— Я расскажу об этом, твой отец и дяди все знают. Я лет на пятьдесят-шестьдесят старше них. Их отец даже был моложе меня. Деда твоего отца я тоже знал. Крепкий был человек, высокий, очень сильный, волосы огненные, борода

чёрно-красная, вздыбленная, лицо всё в бороде (волосах). Слушай, рассказываю.

Я этот рассказ позже ещё слышал не раз: от деда Исулы, от дяди (1/2) Гулино, косоного, своего отца. Об этом знают все удэгейцы-старожилы.

Я записал об этом на отдельной бумаге, здесь не буду писать. Пусть будет отдельно записан.

Летом мы опять жили на большой косе. Полю мама оставляла у Аванки (тёти). Аванка с косым жили без детей. Их дети, только родившись, тут же умирали. Почему-то не выживали. Поэтому Аванка попросила маму оставить у неё на лето. Мы с Митей таскали Зину на спине. Павлик самостоятельно играл с другими детьми. Петя стал работать в экспедиции. Уехали куда-то вверх работать. Геологическая экспедиция. Железо, золото, серебро искали в тайге.

В Сяине была одна молодая лошадь. По-русски 'жеребец'. Летом его не выпускали на волю. (2/3) Его каждый день гоняли по кругу, привязав длинной верёвкой, потом ставили в конюшню, сначала дав отдохнуть. Его готовили для фронта, в кавалерию. Я раз чуть не был убит. Мы играли в прятки около конюшни. Я, нырнув в дверь, хотел спрятаться в том месте, где стоял жеребец (конь). Я забыл, что летом там находился жеребец. Когда я бежал, что-то затопало передо мной. Я резко развернулся назад, убегая, в это время по моему левому локтю кто-то ударил. Я полетел в другую сторону. Встав, я оглянулся назад: на меня смотрели испуганные глаза жеребца. Говорю:

— Ты не сердись, я нечаянно забыл, что ты здесь, больше не приду, другим тоже скажу. Тебе спасибо, что сразу не лягнул, убил бы меня сразу.

Говоря это, я почувствовал, как мне стало жутко. Выйдя оттуда, я сел (3/4) около мальчика, считающего, закрыв глаза:

— ...Тридцать один, тридцать два, тридцать три, тридцать четыре, тридцать пять. Я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват!

Открыв глаза, увидел меня:

— Тук-тук, Андрей, я нашёл тебя!

— Я не играю. — тихо говорю я ему.

Взглянув на моё лицо, испугался:

— Что, чёрта видел?

— Другое. Чуть не был убит лошадьё. Побежал к стоящей задом. Сразу не лягнула, сначала вздрогнула, рванулась вперёд, когда стало некуда идти, лягнула, а я в это время успел удрать. Потому она задела по моему левому локтю вскользь.

После мы осмотрели локоть. Правда, покраснел, немного распух.

— Больно? — спрашивает.

— Щиплет, — говорю я. (4/5)

Этого мальчика звали Гена. Он, увидев моё побледневшее лицо, испугался. Другие мальчики все собрались. Гена не пошёл их искать. Мы пошли посмотреть на жеребца. Увидев нас, он скосил глаза.

— Стой спокойно. Мы к тебе не подойдём.

Залезли наверх, сидели тихо. Другие мальчики, подходя, спрашивали:

— Почему не ищешь?

— Не хочу, ленюсь, — смеётся Гена.

— Едри твою мать, — ругают они его.

Я говорю:

— Внутри не ходите, убьёт лошадь.

И рассказал им всё.

Кличка этого жеребца была Левко. Мармурик так назвал. Когда наступит зима, уведут в военкомат.

В августе месяце утонула Поля. Я рыбачил удочкой за кривунам на Симанчуковском берегу. (5/6) Три девочки играли на косе у магазинского берега. Из-за кривуна они видны не были. Немножко вода прибыла. Поля, Ира, Зина играли, когда я рыбачил около них. Потом, удя рыбу, я ушёл за поворот. Вода похолодала. Мы в это время уже не купались. Девочкам тоже сказал, чтобы не купались, холодно, вода прибыла. Возле косы перекатик, оттуда обрыв под водой. Удя рыбу, я слышал:

— Поля, Поля, ха-ха, зачем так делаешь ты? — Так смеясь,

говорит Ира.

Чебак хорошо стал клевать, потому я не обратил внимания.

— Наверное, играют, — думаю я.

Немного погодя, бежит мама, спрашивая:

— Где Поля, ааа!

Потом побежала к устью протоки. Я быстро вернулся. Зина показывает в воду. Откуда-то прибежали взрослые быстро. Меня, бегущего (6/7) в воду, схватили, отправили вверх. Дядя Фулян, войдя по грудь, нашёл девочку. Держа вниз головой, вынес на берег. Дядя косой, взяв её за ноги, начал трясти, чтобы вышла вода из лёгких. Потом начала капать вода. В это время откуда-то прибежал фельдшер (его имя помню я) Мефодий. Выхватив девочку, он развернул лицом вверх, открыв рот, начал совать птичье перо в горло. Ему говорят:

— Разверни голову вниз, чтобы вода выливалась.

— Молчите. Я сам знаю, как надо делать.

Я слышал, как Поля издала стон, потом, дёрнувшись, замолкла. Потом фельдшер, положив девочку на землю, сказал:

— Умерла. (7/8)

Мы заплакали. Мама, целуя, рвёт волосы на своей голове. Внутри стало душно, дышать тяжело. Мама, обняв девочку руками, унесла домой. Жалко красивую, умную девочку! Но что поделаешь, коль так случилось?

Хоронить ходили только взрослые. Детей никого не пустили. Погодя, отец прислал письмо. Спрашивает:

— Кто умер? Я видел сон, что Андрей утонул. Вправду именно он утонул?

Написали, что утонула Поля. После этого долго не было писем от отца. После пришло. Получил ранение в голову, долго лечил контузию. Говорить не мог ничего. Сейчас немного выздоровел, всё ещё находится в госпитале. (8/9) После лечения опять пойдёт воевать. Сейчас лечится на Украине.

Я начал учиться во втором классе. На второй год остались трое. Это Канчуга Витя, Канчуга Толя, Котовская Маруся. Очень плохо учились. Ничего не понимают. В сентябре собирали урожай: собрали кукурузу, выкопали картошку, скосили сою,

фасоль — всё убрали. Хороший урожай. Но почему-то всего этого до лета не хватало и кукурузы, и картошки. Весной кончается всё. Потому голодно. Но мама всегда находила нас чем покормить. Так мы каждую весну голодали. Когда лёд растает, оживали: питались рыбой. Когда я был голоден, никогда не просил есть. Лежал молча. Другие всё время просили:

— Дай кушать, желудок голодный. (9/10)

Тогда мама идёт в гости к богатым, приходя домой, что-то приносит. Если принесёт кукурузу, говорит:

— Собирайте щепки быстрее, нажарю.

Нажарив кукурузы, кормит нас.

Весной, летом рыбой, мясом, кто даст, питались. Мама, работая в колхозе, утром и вечером приносила свою норму еды. А когда поспеет урожай, мама варит полную большую кастрюлю вкусной еды. Мы очень много едим, животы переполняются. После болят животы, мы поносим. На это Симанчуки смеялись:

— Нинины дети все рахиты, животы пузатые, ноги тонюсенькие.

Узнав про это, мама очень рассердилась. Увидев Бёвду, сказала:

— Никто не знает, что дальше будет. Поживём, увидим, чьи дети вырастут настоящими людьми.

Х I

Сейчас все видят, какими людьми выросли Нинины дети, какими Симанчуковы дети. Так оно и есть:

— Не плюй в колодец, пригодится воды напиться.

Берзиньш нас обучал военному делу. Его Айна очень быстро росла. Стала выше меня на целую голову.

Летом, когда спеет кукуруза, вороны много склёвывают. На колхозных полях, черным-черно усевшись, уничтожают кукурузу. Поэтому Мармурик попросил ребят отстреливать их. Порох, у кого было ружьё, выдал вместе с дробью.

Однажды Кя Боря позвал меня к себе домой:

— Пойдём ко мне, бабушка напарила кукурузы, покушаем.

Я пошёл. Вечерело. Мы покушали кукурузы. После этого Боря зарядил дробь, получился всего один патрон. (1/2) Зарядив ружьё, направились на берег. Я зашёл домой. Мама меня накормила ужином. Немного погодя, пришёл Митя, следом зашёл Боря, говоря:

— Вот, Суанка Витя чего натворил.

Мама спрашивает:

— Чего натворил?

— Витя из моего ружья Ульянова Юру нечаянно застрелил.

Мама быстро побежала к клубу. Мы, испуганные, сидели тихо. Стало темно. Что будет Вите?

Погодя, пришла мама. Говорит, что Юра убит наповал, застрелен прямо в глаз.

— Его мама унесла домой, я помогла ей. Ночью пойду к Уле, чтобы не была одна, отцу не сказали, дадут знать утром.

Я утром пошёл к клубу, там увидел много крови, стало тошно, я убежал домой. (2/3)

Позже я спросил у Вити, как получилось. Он рассказал так:

— Мы играли в войну. Направив на человека деревянный пистолет, говорили: «Руки вверх!» потом спускали курок. В это время я увидел у дровяника ружьё. Думал, что не заряжено. Откуда-то ваш Митя появился. Направив на него ружье, говорю: «Руки вверх!» Он сразу нырнул в дровяник. Вдруг откуда-то Юра появился. Я направил на него ружьё, говоря: «Руки вверх!» Он сразу поднял, я нажал на курок, проговорил «Бах!» В это самое время и выстрелил дробовик, я вздрогнул. Почему выстрелил? Не бросив ружья, убежал. Куда убежал, даже не знаю.

На другой день мы, много ребят, ходили посмотреть на Юру. Он был накрыт белой тканью. (3/4) Один глаз зиял чёрной дырой. С близкого расстояния был выстрел. Дробь, как пуля прошла в глаз, его закрыли тряпочкой. Пришёл Суанка Витя. Юрина мама говорит:

— Ты бандит, зачем ты его убил? Что плохого он тебе

сделал?

Витя молча подошёл, поднял тряпочку. Долго смотрел. Так же молча вышел на улицу. Юру хоронили на 'Камчатке', в верхней её части, там были похоронены и другие.

Я забыл написать о том, как мы питались гнилой картошкой, пучками, папоротником, гусиными лапками, лесным чесноком, дудником. Потому не умерли с голоду. Весной мама нас с собой водила в огород, в лес, чтобы собирать перечисленные продукты. Петя всё ещё работал в экспедиции. Осенью Петя уволился с работы, (4/5) поехал вверх ловить кету. Десять дней кетовал. Много юколы, малы, солонины привёз.

Через некоторое время пришла повестка из военкомата. Петя, его сверстники, должны идти на войну. Им только-только исполнилось по семнадцать. В ноябре отправились парни. Я заплакал перед тем, как Пете отправиться. Видя это, смеясь, он сказал:

— Зачем плачешь. Я не умирать иду, не пройдёт и года, как я вернусь. Война-то заканчивается. Ничего, улыбайся.

И вправду, война закончилась в мае, Петя летом приезжал домой. После этого уехал и шесть лет ещё отслужил в армии. Ну вот, мы остались без Пети. Отец писал, что воюет на польской земле. Петя находится в Имане. Их обучают для разведки на китайской территории. Он вместе с нашими взрослыми: его (5/6) командир Сундига Алексей. Он живёт возле Диглино.

Так было тогда. Зимой мы, дети, любили встречать обоз. До самого Сигова доходили. Сев на сани, мы возвращались назад. Однажды почему-то обоз стал ходить в Бикин. Русские ту дорогу называли 'Царской дорогой'. Однажды мы пошли встречать, долго шагали. Обоза ещё нет. Солнце заходило. Вдруг услышали: «Но-оо», следом матерщину. Увидев лошадь, мы спрыгнули с дороги в сторону. Мимо нас пробежала лошадь. Двое старших ребят сели на сани. Ребята садились на последующие сани. Я никак не могу успеть на посадку. Митя сядет, сразу слезает, не бросает меня. Ну вот, все проехали. Мы побежали вслед за санями, не догнали, остановившись, я

заплакал. (6/7) Испугался, что назад не дойдём, замёрзнем. Митя говорит:

— Не плачь. Кто-нибудь вернётся, чтобы забрать нас.

Когда это он сказал, я услышал, что идёт лошадь. Поравнявшись с нами, остановилась. Женский голос говорит:

— Садитесь скорее, я отстала маленько, сейчас их догоним. Замёрзли? Натё, укройте себя шубой.

Это была русская женщина. Она жила в Олоне, имя Маруся, Фамилия Егоровская. Очень она нас уважала. Сейчас говорит:

— Как не боится Нина, так далеко отпускать детей?

— Она не знает, — говорим мы.

— Почему не говорите маме? Плохо так.

— Мы думали, что недалеко встретим.

— Кто знает, что в дороге может быть. Сейчас опоздали, потому что на ключе лошадь провалилась. Чтобы нога не сломалась, мы распрягли сани. Только тогда осторожно вынули ногу. (7/8) Хорошенько проверили, никаких ранений не получила. Потому на час с лишним задержались.

Быстро догнали передних. Лошади пошли шагом. Я незаметно уснул. Когда проснулся, уже Сяин был. Поблагодарив, мы побежали домой.

Новый, тысяча девятьсот сорок пятый год уже наступил. Наш Берзиньш, повесив карту, отметил красными флажками линию фронта.

— Наша армия уже на немецкой земле. Скоро война кончится. Гитлер капут! — так говорил Альберт Петрович. Построив нас по порядку, велел маршировать, считая:

— Раз, два, три! Лево́й, лево́й, — раз, два, три! Кругом — раз, два, три! Правое плечо вперёд! — Раз...раз...раз! На месте стой! — раз, два! Ложись! Раз, два. Встать! Раз, два! Бегом марш! (8/9)

Сначала ходили очень плохо. Шагая так каждый день, научились.

Вот и зима проходит. Мама с другими женщинами пошли вывозить мясо. Дядя Фулян убил много кабанов, сказал нашей

маме, чтобы с женщинами шли вывозить это мясо. Шесть-семь женщин на нартах отправились прямо по Фуляновой тропе. Кто с собакой, кто без повёз нарты. Мама пошла без собаки. Добравшись, загрузили, кто сколько хотел. Кто-то погрузил двух кабанов. Конечно, каждая думала о своих детях! Вот и тронулись. Сначала было легко, так как ещё свежи были силы. Дорога шла вниз по косогору. После косогора равнины, горочки, кочки начались. Здесь-то и начали расходовать силы больше. Потому стали уставать, а пот градом. Чаше стали отдыхать. Немного поев, выпив воды из ключа, двинулись дальше. После тётя Дуся (9/10) об этом добрыми словами вспоминала нашу маму.

— Очень сильно устали мы. Едва-едва везли. Кто с собакой, тем чуть легче. Но всё равно устали. Вот и совсем стало тяжело. Силы покинули нас. Часто отдохнуть хочется. Только ваша мама упорно тащит нарты, говоря нам: «Пожалуйста, не останавливайтесь, тяните потихоньку. Остановитесь, не сдвинете нарты с места. Ну, мать сына, ну крепче!» Приговаривая так, движется вперёд. «Скоро дойдём, собаки близко лают, молодец-молодец, мать!» У нас откуда-то прибавились силы. Мы все довели своих кабанов. Войдя в дом, попадали. Если бы не было вашей мамы, бросили бы мы нарты, не дотянули бы до дому. Благодаря нашей старшей сестре мы добрались.

Х II

Я помню это. Когда мама подходила, наступала ночь. Ей везти было дальше всех. Я с Митей и Павликом всё время выходили на улицу, слушали, не скрипят ли полозья нарты по снегу. Затем Митя побежал навстречу, мы с Павликом вдвоём, постояв немного, тоже побежали. Пробегая, слышали голоса женщин:

— Спасибо, мать сына, счастливого пути. Мы не помогаем, сил уже нет.

Мы втроём стали сильно толкать нарты, она разогналась.

— Толкайте тише, я бежать не могу, побегу, — упаду.

Тогда Митя, забрав лямку у мамы, повёз, мы же ещё сильней стали толкать, мама отошла в сторону, пропуская нас вперёд. Мы бегом добрались до дому. Митя нас с Павликом отправил встретить маму. Сам же стал развязывать верёвку. Мы встретили маму. Она сидела на снегу, проливая слёзы. (1/2) Мы её подхватили и привели домой. Митя, развязав верёвку, выгрузил одного кабана, пытаясь затащить домой. Посадив маму на табуретку, пошли на помощь Мите. Втроём мы заволокли кабанов домой. Зина уже сидела на коленях у мамы. Митя забрал её:

— Разве не видишь, что мама устала, пусть отдохнёт немного.

Мы помогли маме снять олочи и верхнюю одежду. Немного полежав, помыла лицо и руки. Митя налил сперва ей чаю. Мама попила с сахаром. Потом мы все вместе сели ужинать. Перед этим Митя сварил цазу, картошку и рыбу. Вот когда мы досыта наелись мяса. После Пети.

В ту зиму я услышал очень много сказок и былей. Дед Арсё каждый вечер рассказывал, но ещё больше, больше ста, нам (2/3) рассказала тётя Тангуни. Она жила в Олоне, была слепая. В Сяин приходила часто вместе с другими женщинами в гости. Она останавливалась у матери Олеги. Много я позабыл этих сказок. Много и сейчас помню. Как-нибудь отдельно их запишу. Я и сейчас вижу эту Тангуни. Прикурив трубку, посасывая раз-раз, рассказывает. Всегда начинает:

— Айиэ! Давным-давно, давным-давно это было. Никто не знает, когда это было, но тем не менее так было. Ну, слушайте, юноши...

С этого момента всю ночь напролёт.

Тогда ещё было много больших шаманов. Только у Канчугов их было трое-четверо: Инсан, Тайтун, Сангуй; Сигде Исула, Суанка Исула, Чунде, Лоуйту, наша бабушка, тётя Бомболо. Везде слышен звук бубна: там «дэн», тут «дэн». Шаманят, чтобы излечить болезни людей. (3/4) Мы с Митей всё время просили маму отпустить нас, чтобы посмотреть. Мама не пускала:

— Грех! Детям грех! Там не играют.

Из-за того, что был грех, мы не ходили на этот обряд. Мама иногда ходила одна.

Наступила весна. Мы опять собираем гнилую картошку, различные травы, так питаемся. С Митей на бату ездим рыбачить сетью. Была у нас старая сеть. Ею мы ловили кое-какую рыбу, кололи острой. И ружьё было, Петя оставил. Мы им стреляли в уток. Больше Митя стрелял. Я один раз попробовал. На плечо не приложил, зажал рукой приклад к боку. Когда я выстрелил, отдачей мне вскользь задело курком. Ободрало кожу на груди. Митя сказал:

— Больше не проси, приклад до твоего плеча недостаёт.

Но тем не менее нечаянно убил утку. (4/5) Её Митя достал вплавь. А у меня кровь сочится помаленьку, запачкала рубашку. Митя убил четырёх уток. Домой принесли пять штук, все селезни кряквы.

Наш отец написал с немецкой земли. Вот-вот возьмут Берлин. Сейчас он в тридцати километрах с Первым Украинским Фронтом, его главнокомандующий Конев. Он стал им после гибели Ватутина. Ватутин освободил Киев, в ноябре. Днепр форсировали вплавь. Сначала переправлялись на лодках, при попадании снарядов, разлетелись вдребезги, при этом погибло много народу. Кто жив был, плыл дальше в сторону Киева. Шла немного шуга. Невзирая на холод, отец вместе с другими солдатами плыл. Добравшись до берега, начали стрелять. Так прогнали немцев из Киева. (5/6) Сейчас пишет, что его фронт окружил с юга Берлин, а с севера Первый Белорусский фронт окружил. Отец этот город почему-то называл Кёнигсбергом. Я потом узнал, что его настоящее название был Кёнигсдорф. Оттуда вправду тридцать километров. Там готовились к штурму Берлина. После этого мы уже не получали ни одного письма. Мы думали: наверное, пуля или осколок убил нашего отца. Ведь раньше он уже был четырежды ранен. Мама говорит:

— Не погиб ваш отец, он болеет, наверное. Я сон видела, он живой.

Прошло первое мая. Мы продолжаем учиться. Мама каждый день ходит на огород, убирает граблями прошлогодний мусор.

Однажды утром, мы заканчивали второй урок занятия, когда пришёл один солдат и сказал:

— Кончайте занятия! (6/7) Война кончилась. Мы победили! Встаньте колонной, с пионерским знаменем идите к посту.

Мы без разрешения учителя встали:

— Ура! Ура! Ура! — кричали. Надежда Афанасьевна радовалась. Мы встали колонной, пионерское знамя взял в руки Пианка Нил, поднял вверх, пошёл впереди. Он был старше всех нас. Ему было восемнадцать лет. Его не взяли в армию: в его документах он записан на два года моложе, потому в его паспорте написано, что он двадцать девятого года рождения. Ему разрешили закончить четвёртый класс. От школы пошли к посту. Туда уже собрались взрослые, большинство женщины. Наша мама с двумя женщинами шли на огород с граблями. Все начали говорить:

— Куда вы идёте, разве не знаете, что война кончилась? Мы победили! (7/8) Давайте праздновать.

Женщины остановились, потом подошли к нам. Один солдат очень хорошо играл на гармошке. Русские женщины вместе с ним пели частушки и танцевали. Я тогда услышал много частушек. Со временем многих позабыл, но нецензурные частушки до сих помню. Вот одна частушка:

«Эх, немцу пиздец, уже не бабахнет.

Скоро миленький приедет, через жопу трахнет»

Такие ещё есть. Когда я рассказываю про это своей жене, она, смеясь, говорит:

— Как так, только это и помнишь. Наверное, из-за того, что нецензурные.

Мы очень думали, когда же наш отец придёт. Если жив, скоро придёт. Все дети ждут своих отцов. С наступлением лета стали возвращаться с запада. С восточного фронта ещё никого не было. (8/9) Их ещё держали на границе с Китаем. Наш Петя тоже не пришёл. В конце июня пришла повестка: Дядя Пакула пропал без вести. С ним вместе Аянка Юцай пропал. Вместе ушли на китайскую сторону, с тех пор ни слуху ни духу. Получив повестку, сильно плакала тётя Бомболо.

Тётя Паша говорит ей:

— Зачем плачешь? В повестке же не сказано, что погибли, а пропали без вести. Живые они. Наверное, в плену.

Старшая тётя отвечает:

— Я чувствую, что Юцай не выживет! Хэрээ, хэрээ, эе-ей, эе-ей! Сердце болит! Хэ-э-э.

Тётя Паша говорит:

— Не верю, что Пакула погиб. Жив мой муж.

Кто остался в живых, все вернулись. На погибших пришли повестки. На войне погибли: Адян Дмитрий, Канчуга Михаил, Канчуга Костя, Канчуга Александр (он был хромой, но ушёл добровольцем (9/10) на фронт), Канчуга Хайсун, Канчуга Цайсун, Геонка Нядига, Канчуга Владимир, Куенка Владимир, Кукченко Ефрем, Суанка Дингуй, Суанка Николай (не помню удэгэйское имя), Кя Дэсун, Кукченко Семён и другие. Все, кто был жив, вернулись, только нашего отца нет, ничего о нём не знаем. Где находится? В плену? Нет повестки. Если погиб, почему никто не даёт знать.

Прошёл июль. Наступил август. Раз мы заигрались до полуночи. Тогда мы все спали на чердаке. Я только влез на чердак, лёг спать. Другие ребята ещё играли. Вдруг наш брат Володя (сын Гулино) стал кричать:

— Дядя пришёл, тётя, дядя пришёл! Слезайте скорей!

Мама, вскочив, начала спрашивать:

— Где, где, где пришёл!

Быстро сошла вниз. Мы с Павликом тихо лежали. (10/11)
Не поверили! Немного погодя, мама говорит:

— Почему не встречаете отца?

Я сказал Павлику:

— Девочку не буди, пусть спит, ещё маленькая, она не знает отца.

Потом слезли вниз. Я сошёл впереди Павлика. Митя в ту ночь спал у тёти Аванки. Я, зайдя в дом, бросился к отцу, крепко-крепко обнял его. Вслед за мной вбежал Павлик, сразу же бросился. Отец нас крепко-крепко обнял, начал целовать.

Продолжение есть!

Х Ш

Посидев немного, мы с Володей пошли за Митей. Проснувшись, Митя спросил:

— Чего кричите, разве не видите, что сплю?

— Папа пришёл. Пойдём домой.

— Врёте!

— Правда, пришёл? — спросила тётя Аванка.

— Правда, правда.

Митя, одевшись, вышел. Вместе с нами пошла и тётя Аванка. Войдя в дом, Митя обнял отца.

— Ае, очень большой уже стал ты, сын. Совсем вырос.

Посадил он Митю на колени к себе. Зину мы не стали будить, потому что маленькая. Мама быстро сготовила ужин. Отец, чуть поев, стал отдавать нам еду. Мы не стали есть. Он только пришёл, устал, пусть досыта поест. Мы с Митей вышли на улицу. Павлик остался. Он маленький. Пусть побудет (1/2) около отца. Тем временем Зина (мы её называли 'адига'), проснувшись, заплакала. Мы забрали её и спустили вниз, принесли папе. Она, когда он начал её целовать, ещё больше заплакала. Мама обняла девочку. Она же смотрела на отца, полная слёз. Почему же не будет плакать? Она его не знает, только увидела. Когда отец уходил на войну, ей было больше двух месяцев. Откуда будет знать?

Утром я услышал звук гармошки. Это Митя, проснувшись рано, играл на губной гармошке, которую привёз отец.

— Дай, брат, мне немножко подуть, — прошу я.

— Подожди немножко, я малость подую и отдам. Отец её привез тебе. А мне ножик подарил.

Я без конца дул. Потом надоело, отдал Павлику. У него получалось лучше. (2/3)

Утром к отцу пришёл дядя Фулян. Пригласил к себе выпить немного водки. Мы тоже пошли с отцом. На столе мы увидели много еды. Отец пить водку не стал, немного

поел пельменей и заторопился домой. Придя домой, он сказал маме:

— Как будут жить дети без мяса. Я послезавтра поеду на охоту. Деда эвенка попрошу.

— Что торопишься? Кушать есть что. В огороде всё поспело. Дети не голодны, — говорит мама.

— Хочу, чтобы мяса досыта поели. Все такие худые.

Тогда сразу пошёл к старику эвенку. Эвенк — Адян Пётр. Его сыны погибли в Сталинграде. Жив один сын, его зовут Илья. Он с немцами не воевал, находился у границы с Китаем. А другом отца был сын старика Дмитрий. (3/4) Дмитрия называли ещё Сатаной. Наверное, это имя было эвенкийское. Старик очень обрадовался, увидев моего отца. Долго сидели, беседуя. Отец рассказывал, как потерялся его друг Дмитрий:

— Вместе сидели в окопе, все наши. Самолёты стали бросать бомбы, ребята с испуганным видом стали выбегать из окопов. Отец успел схватить за штаны Михаила и Хайсуна, затащить назад. В это время туда упала бомба. Их окопу засыпало землёй. После бомбёжки вышли наверх. Все, кто из окопов выскочил, были убиты или ранены. Дмитрий и другие потерялись, их нигде не нашли.

Слушая такой печальный рассказ, старик прослезился. Его сын даже могилы не имеет. Он получал повестку о Дмитрие, без вести пропавшем. Сейчас из рассказа отца убедился, что это так. (4/5)

Когда пришли от старика, увидели много людей, пришедших встречать моего отца, мужчины и женщины. Женщины говорят:

— Золотой Зуб целёхоньким пришёл, счастливый.

— Он пришёл, когда вылезился от раны. Мы так слышали, — сказали мужчины. Почему Золотой Зуб? Перед войной отец вставил золотую коронку, потому и стали называть золотым зубом. Обнимали, целовали отца встречающие, спрашивая:

— Зажила рана?

— Ничего, не болит, — отвечает отец. До самого вечера шли люди встречать отца. В то время я часто слышал слово:

'Фронтовик'.

Я забыл раньше записать, что в марте в Сяин приехал новый учитель. Он поселился у Геонка Олега. Его имя Дункай Соза Семёнович, безногий. Защищая Ленинград, он получил ранение в ногу. Потому он ходил с протезом. (5/6) Он тоже пришёл вечером. Спросил, из какого места приехал наш отец.

— В Польском городе. Название города Ченстохова. Туда меня привезли из-под Берлина.

— Я же ушёл добровольцем защищать Ленинград. В первом же бою пуля разбила лодыжку вдребезги. Потому и отрезали ногу. Вас где ранило?

— Я ранен пять раз. Сначала в Сталинграде ногу ранило. Осколок вскользь задел кость лодыжки. Лечился в Красноярске. После этого на Курской дуге рёбра переломало. Новосибирский госпиталь. Потом под Корсунь-Шевченко артиллерийский снаряд попал точно в нашу гаубицу. Я один уцелел. Меня послали за снарядом. В это время снаряд разбил вдребезги нашу пушку, людей, я же взлетел вверх, упал, задел головой железо. (6/7) Потерял сознание. Долго говорить не мог, словно глухой, ничего не слышал. В Украинском городе Харькове лечился. После этого меня лейтенант забрал в дом одной украинки. Там долго лежал. Я не пью водку. Он же настаивал выпить самогон. Я не стал пить. «Домой отправьте», — говорю я (показываю руками). «Как отправить тебя глухонемого. Пей, говорю, быстрее вылечишься, опять воевать пойдёшь». Думал, думал! Так плохо, эдак плохо. Выпил я. Через некоторое время я уснул. Долго, наверное, спал. стакан с лишним выпил. Когда я проснулся, он налил полстакана. Опять выпил. снова уснул. На другой день, проснувшись, я услышал далёкий какой-то звук. Лейтенант говорит: «Боевой-боевой! Дальше ты оживёшь, будешь слышать, говорить». Я стал слышать, но говорить ещё не мог. (7/8) Лейтенант оставил свой адрес, уехал на фронт. С полмесяца я выздоравливал, потом поехал к лейтенанту.

Его гаубица уже была в Польше. Оттуда мы помогали Польше. Осенью 44 года наш фронт стал окружать Берлин с юга. От Берлина в тридцати километрах был городок, название

его Кёнигсберг (я после узнал, что отец немного неправильно назвал, но город был Кёнигсдорф). Долго там были. Готовились к штурму Берлина. Прошёл и новый год. Наступила весна. Однажды я нёс два котелка с завтраком для друга, в это время миномёт попал в наше расположение. Я упал без чувств. Когда очнулся, военврач говорит: «Ты очень везучий. Осколок попал тебе в грудь плашмя». (8/9) Грудную клетку вдавил. Повредил лёгкое немного. Тебя отправим в госпиталь. Лечить придётся долго. Ты Берлин штурмовать не будешь.

Посадили в санпоезд и увезли в Ченстохова. Пока там лечился, война кончилась, после этого я ещё два месяца лечился, домой ехал больше месяца. В дороге, в вагоне, мои вещи выкрали. Хорошо хоть не убили.

— Ничего не стоило убить.

— Голова цела и ладно.

Когда ушёл Соза, отец стал собираться в тайгу. После он подробно рассказал, как у него выкрали чемодан, вещмешок. Я об этом напишу позже.

Утром пришёл эвенк. Он отнёс на берег палатку, постель, накомарник. Отец тоже взял постель, накомарник, одеяло байковое, продукты. Ружья перед уходом на войну он все сдал государству. (9/10) На бату эвенка двинулись вверх по течению.

Наша мама говорит:

— Даже не отдохнул ваш отец. Не может, когда люди едят мясо, а он без дела сидит, потому поехал сам добывать.

— Мама, отец не забыл, как охотиться?

— Как забудет? Он же с детства охотился.

— Долго будут?

— Не знаю. Убьют, приедут. Кто знает, когда будет удача. Сегодня они доедут до залива, проверят, вышли звери к нему или нет. Если вышли, будут караулить ночью.

— Как они увидят ночью?

— Они знают, как точно выстрелить в зверя.

Мы стали ждать. На другой день были на берегу, купались. Вода уже похолодала. Мама говорит:

— Кукурузу, что возле дома, надо ещё раз прополоть. Очень

много травы. (10/11)

— Мы ждём отца.

— Сегодня он не приедет. Что, так быстро добудут, привязанные?

На другой день я один полел кукурузу. Сделав половину, я прекратил, стало лень. Пошёл на берег, немного искупался, потом до вечера сидели с Митей вдвоём. Когда стемнело, мы пошли домой, после ужина нас мама послала на берег встречать отца. Пришли на берег, никого нет. Тогда стали смотреть на устье протоки, куда сверху по Бикину, в устье протоки, должен завернуть бат. Через некоторое время услышали, что сверху по протоке спускается бат. Это отец с эвенком поехали через исток протока. Очень обрадовались мы. Когда причалил бат, мы бродом подошли к бату. Полный бат мяса привезли. Обрадованные, мы сразу начали перетаскивать домой мясо.

XIV

Мама сразу стала варить мясо. Нарезала полную кастрюлю. Досыта наелись мяса. Стало интереснее жить. Отец даже не отдыхает. Вместе со мной полел кукурузу. Он немного подзабыл полоть. Вместе с травой иногда режет кукурузу. Вот и смеётся:

— Ха-хай (восхищу)! Опять срубил кукурузу, ты, сын, очень быстро полешь, я не успеваю. Молодец-молодец!

Я весной, сам обработав землю, посадил табак. Летом, когда он созрел, старики всё время приходили ко мне курить. Я, вспоминая сейчас, вижу себя. Лицо отёчное, но всё же сижу, курю свой табак. Около меня курят старики. Мне девять лет, я же такой же старик, сильно кашляю, глаза гноятся. Мама рассказала отцу, что я курю. Отец говорит:

— Брось курить, разве не видишь себя, какой ты есть? (1/2)
Если не бросишь, я ремнём буду бить по заднице.

Я перестал дома курить. С пацанами мало-мальски покуривал украдкой.

В августе, во второй половине, отец уехал в Бурлит устраиваться на работу у корозаготовителей. Колхоза не стало в Сяине. Он не захотел восстанавливать колхоз заново. Мама нас готовила к школе. Брюки, рубашки нам сшила. В этом году мы втроём идём в школу. Митя не хочет, с отцом, говорит, буду охотиться. Отец говорит:

— Учитесь, охотой не будете жить, всегда успеете в тайгу сходить. Хорошо учитесь, десять классов кончайте. В Германии хорошо живут, очень чисто. Чтобы жить так учитесь.

Отец из Бурлита приехал, поступил там на работу. (2/3) Он будет охотиться, сдавать мясо. Для охоты ему выдали: ружьё, патроны, камин, палатку, продукты. Рис, муку привёз в мешках. Прошло лето. Отец ещё два раза съездил на охоту. Привёз много мяса. Сделал бат и оморочку.

Первое сентября. Мы пошли в школу. Павлик стал учиться в первом классе, я в третьем. Тогда первый и третий класс занимались вместе. Мы, третий класс, с одной стороны, они, первый класс, с другой стороны. Мы с Павликом учились в одном классе. Убрал огород, стали ждать прихода кеты. Стало холодно. Отец стал готовить для кетовки бат, оморочку, остроги. На Вомбозе они с дядей Пакулой будут рыбачить. Он недавно приехал. Без вести пропавшего летом нашли на Китайской стороне. У дяди на затылке большая рана. (3/4)

Мы тоже бегали в Сигоу колоть кету. Вот и осень прошла. Отец привёз много кеты. Наступила зима. Выпал снег. Мы, мальчики, катались по льду на коньках. Отец собрался уехать в тайгу. Он должен сдать мясо в контору корозаготовителей. Опять уйдёт с дядей Пакула на охоту. Перед тем, как отцу уйти на охоту, мама говорит:

— Отец сына, я беременна. Весной я рожу ребёнка.

— Это очень хорошо. Пусть у нас будет много детей. Рожай больше. Как-нибудь вырастим.

Так я узнал, что у нас скоро родится маленький ребёнок. После того как отец ушёл, мы с Митей вдвоём стали готовить дрова. У нас были маленькие сани, на них и возили дрова. (4/5) У мамы растёт живот. Однажды у неё так разболелся

живот. Дома я был один. Зина ещё мала, ничего не понимала, Митя с Павликом где-то играли. Мама очень сильно стонала, потом закрыла глаза, затихла. Я испугался. Начал ей открывать глаза, плача.

— Мама, не умирай, пожалуйста, подожди немного, я позову тётю Дидунку.

— Иди скорее, сынок.

Одевшись, я бегом отправился к эвенкам. Дидунка жила со стариком-эвенком. Привёл я её скоро. Дидунка хорошим лекарем была. Она на животе мамы иглой обколола кругом, выдавливая кровь. После дала какое-то лекарство, напоила зактой. Мама уснула. Проснувшись, улыбнулась. (5/6) После я спросил у мамы, почему у неё тогда болел живот.

— Пятый год идёт, как я не была беременна. Поэтому болел.

Больше ничего не сказала.

Вечерами мы мяли кожу, чтобы мама шила олочи. Она садилась около нас и рассказывала сказки. Очень много сказок рассказала. Вот одна из них:

«Ээ, давным-давно, жил один парень. Каждый день охотился. Очень сильный был человек. Однажды задумался:

— Почему я один? Если никого нет, откуда я родился? Пойду-ка я искать других людей.

Утром, надев лыжи, побежал на юг. Скоро бежал. Летя на лыжах, увидел сохатого.

— Убью его, чтобы здесь переночевать.

Пустил стрелу, убил сохатого. Ободрав, мясо изжарил на костре. Сделав большой костёр, (6/7) уснул, на лапники постелив шкуру сохатого. Сквозь сон слышит: прилетели три сороки, превратились в девушек. Сидя у костра, начали есть мясо, разговаривая между собой:

— Этот парень берестяной человек. Когда он был маленьким, на их народ напали враги, многих уничтожили на их земле. Мать укрыла берестяной веялкой его, потому остался жив. А его младшего брата по дороге укрыла

чугунным котлом, потому он стал железным человеком. Мать и отца враги держат у себя в тюрьме. Парень завтра встретится с младшим братом, железным человеком.

Сказав это, доев мясо, превратившись в сорок, улетели. Проснувшись, подумал:

— Что это было? Приснилось? Тогда почему мясо съедено? Скорее всего, правда.

Встав, побежал дальше. (7/8) Скоро бежал. Сопки, распадки сквозь проскакивал.

(Здесь мама пела. Я точно не помню, но примерно так)

Я парень, берестяной человек, бегу на юг,

Младшего искать, сопки, распадки петуу, петуу!

(Что такое *петуу*? Я предполагаю, наверное, это припевки типа: *гунээ, гунээ, гунэми дээлэ, евээ, евээ*)

Так мчась, увидел шалаш. Вошёл во внутрь. Там один парень лежит и играет на кункае (музыкальный инструмент).

— Кто ты? Зачем пришёл? Бороться будем? — спрашивает этот парень.

— Я твой старший брат. Братишка, я нашёл тебя! — говорит берестяной человек.

— Откуда ты знаешь об этом? Сорока сказала? Мне тоже говорила, когда я спал. Я думал, вижу сон.

— Нет, не сон. Это правда. Пойдём спасать мать, отца и других людей. (8/9)

— Ну пойдём! Сначала надо добыть зверя и наестся досыта.

— Пойдём, добудем.

Побежали в тайгу. Двух изюбрей убили. Наевшись досыта, двинулись. Так на лыжах добрались до двух девушек. Спрашивают:

— Вы знаете, где находятся наши враги?

— Знаем. Нашу маму, отца арестовали, в свою страну увели, там держат в тюрьме. Мы ходили туда, дорогу знаем, с вами вместе пойдём. Меня зовут Пуди, а эта моя

младшая сестра Адига. Как вас зовут?

— Я берестяной человек, а этот мой младший брат железный человек.

Пошли дальше вчетвером. Так добрались до моря. Там была большая лодка, она дожидалась их. Погрузившись, двинулись по морю. Гребя вёслами, добрались до устья большой реки и вошли в неё. Немного поднялись, лодка застряла, словно прилипшая. (9/10)

— Под водой железная сетка натянута, чтобы никто вверх не поднялся, — говорит Пуди.

— Что делать? — спрашивает Талумэни.

— Пусть Сэлэмэни нырнёт и разобьёт эту сетку.

— Правда, братишка, разорви железную сетку.

Прыгнул в воду Сэлэмэни, нырнув, увидел железную сетку. Руками всю разорвал эту сетку, освободив лодку от неё. Когда снова сел в лодку, сказал:

— Враги нас боятся. Знают, что мы придём мстить им, поэтому закрыли устье реки железной сеткой.

Вчетвером гребли вверх по течению. Сэлэмэни полюбил Адигу, всё на неё смотрит. А Талумэни смотрит на Пуди. Поднимаясь вверх, доехали до большого города. Там люди бегают туда-сюда. Девушки говорят:

— Испугались, увидев вас, потому забегали. (10/11)

В это время враги пустили стрелы. Сэлэмэни говорит:

— Вы встаньте за моей спиной, а я их стрелы ладонью буду назад отправлять, так я вас уберегу. Меня никакая стрела не возьмёт.

Сэлэмэни, выставив обе кисти, стал направлять стрелы в обратную сторону, стрелы, возвратившись назад, стали поражать своих хозяев. Вскоре все люди на вражьей стороне были уничтожены собственными стрелами. Путь свободен! Пристав к берегу, побежали к тюрьме. Парни все двери переломали руками, нашли своих маму, папу. Девушки тоже нашли своих маму, папу.

— Мама, папа, мы ваши дети, пришли вас спасти, враги все погибли от собственных стрел. А этот ваш младший

сын, Сэлэмэни.

Глазами рады, но говорить не могут. (11/12)

— Почему они не могут говорить? — спрашивает Сэлэмэни.

— Откройте рты, — говорит Талумэни. Когда были открыты рты, увидели во рту множество гвоздей. Быстро их повыдергали парни.

— Дети, мы очень долго ждали вас, знали, что вы придёте нас спасти. В наш рот каждый год забивали по одному гвоздю.

Сосчитали гвозди. По двадцать гвоздей. Значит, прошло двадцать лет.

— Как позволили спокойно вас схватить?

— Мы спали. Они ночью напали. Ничего не успели сделать.

— Врагов не стало, а их земля пустовать будет. Кто будет жить здесь?

— Мы с Адигой вдвоём здесь станем жить, — говорит Сэлэмэни, держа за руку Адигу.

— Хорошо, пусть так будет. Живите здесь. (12/13)

— Мы с Пуди, матерями, отцами вернёмся домой. Пуди выйдет за меня замуж. Много детей родим.

Железный человек с Адигой остались на земле врагов. Остальные вернулись на родину. Хорошо, долго жили. Много детей у них было. Счастливо жили. Так было!»

XV

Так и жили. Днём учились, вечером кожу мяли, кукурузу шелушили, потом мололи. Потом мама веялкой отделяла от плевел. Получалась крупа. Мама варила цазу, Туда добавляла картошку, фасоль, всё это варилось. Этим кормила. Зима проходит. Отец пришёл. Убил только одного кабана. Очень большого, чуть ли с нарту длиной. Матери рассказывает:

— Не пойму никак. Не могу подкрасться к зверю. Когда (1/2) убегает, не замечаю. Что за дьявольщина во мне

поселилась?

— Ты воевал, кровь людей пролил, вот эта дьявольщина и осела. Нужно пошаманить.

— Что ты говоришь? Как осела? Я что, нарочно проливал кровь людей? Я с врагами воевал.

— Потому у нас, удэгейцев, всё оседает. Пошаманим.

— Что хочешь, то и делай.

Мама попросила Инсана. Вечером они ходили к нему. Пошаманили.

Наступала весна. Отец зимой отдал секача одному русскому, приехавшему на коне. После этого там работать не стал. Весной в Сяин приехал на жительство один метис (смесь китайца и нанайки) со своей семьёй. У него жена, тёща, четверо детей: две дочки, два сына. Сыны младшие. Сяинцы говорили:

— Зачем (2/3) приехал этот китаец сюда? Мы разве не сможем без него прожить?

Поэтому никто не принял этого пришельца.

Весной, в конце апреля, мама родила мальчика. Это было двадцать восьмого апреля. Перед родами мама привязала лямку к потолку, после этого нас отправила гулять до вечера. Отец на бату уехал вверх на охоту. Дома только Адига осталась. Мама потом, смеясь, рассказывала:

— Я схватилась за лямку, напряглась, а когда родился мальчик, Адига мне говорит: «Айя-я, айя-я» — отворачиваясь. Мне больно и смешно было. Я думала, что она маленькая, потому не отправила её с вами.

Очень худенький мальчик родился, лицо морщинистое. (3/4) Я говорю маме:

— Когда из такого худенького выйдет человек? Вон большедомовский мальчик упитанный какой!

— Погоди немножко, через три месяца увидим, каким станет наш мальчик, — ответила мама. Но мы полюбили его. Особенно Митя был рад, очень полюбил нашего братишку. Когда отец приехал, дали имя. Лёвой назвали.

С наступлением лета отец с Сундига Алексеем начал пилить

доски. Мы часто ходили к ним. Отец наверху стоит, тянет пилу вверх, снизу ему Алексей помогает. Сверху отец, чуть коснувшись бревна, опускает пилу вниз. Алексей тянет пилу вниз. Так всё время. За день два-три бревна распиливают. Распиленные доски складывают треугольником. Так каждый день.

Летом мы с Митей вдвоём (4/5) рыбачили. У нас были сетка, остроги (*зогбо* — на веревке). Ездили на бату. Я всё время был рулевым, Митя передним, он ставил сетку, колол рыбу. В сетку попадалась всякая рыба: ленок, чебак, таймень, щука, краснопёрка, хариус, другая рыба. Летом отец часто уезжал на охоту: изюбра, косулю, сохатого добудет и везёт полный бат. После этого снова пилил доски.

Закончив пилить доски, отец взял нас с Митей в тайгу искать корень женьшень. Фангсан — слово китайское, так называется период поиска женьшеня. Мы на двух батах поднялись до Горелого: мы втроём на своём, Куенка Серди с женой (Чунде), дядя Пакула, дядя Динглино. Отец натянул палатку, внутри накомарник. Они же сделали шалаш. Отец с нами ходил отдельно от них. Мы (5/6) взяли с собой двух собак. Сначала собаки за всеми гонялись. Один раз они сильно залаяли. Мы побежали. Обнаружив ежа, они пытались прокусить его. Рты все в крови, укололись об иголки ежа. Собаки впервые увидели ежа, потому не понимали, почему не могут укусить накрепко. Отец со смехом сказал:

— Да, ещё дети вы, глуповатые. Пойдём в другое место, ищите барсуков, их мясо вкусное.

Пошли дальше, ищем женьшень.

— Увидите красные ягоды, зовите меня, я скажу, что это такое. Ягоды его похожи на ягоды бузины, только крупнее, по форме напоминает ягоду фосоли.

Так шли потихоньку, внимательно всматриваясь. Вдруг! Опять собаки залаяли. Мы с Митей побежали. Отец отстал. Добежав до места, где лаяли, увидели: собаки барсука кусают. (6/7) Мы начали палкой бить барсука. Собаки встали смирно. Барсук быстро побежал вниз по склону. Собаки скоро настигли, схватили. Барсук одной собаке за нос укусил. Собака завизжала.

Другая перенесла челюсти к затылку и начала сильно трясти голову. Барсук, сразу отпустив, стал царапать когтями собаку. Другая собака схватила его за горло и опрокинула навзничь. Накрепко держа за горло, не отпускала. Барсук стал еле шевелить ногами. Через некоторое время совсем затих. Мы отогнали собак, тронули палкой. Не шевелится. Отец, подойдя, сказал:

— Помер. Горло перегрызли. Немного подождите. Остынет маленько, тогда обдерёте.

— Почему нельзя горячего обдирать?

— Крови много. Пусть остынет.

Собаки зализывали прокушенные места на своём теле. (7/8) Немного отдохнув, ободрали барсука. Очень жирный был.

— Сегодня вечером придём, сварим барсучье мясо, очень вкусное, — говорит отец.

— Я не буду кушать. Очень жирный, не люблю сало, — так говорю я.

— Ха-хай, какой ты дурачок. Вкуснее этого мяса нет ничего, нигде.

— Я буду есть сало, очень люблю жирное мясо, — обрадовался Митя.

— Дети, наступает вечер, пойдём на берег. Кто скажет, в какую сторону пойдём?

— Туда, — показал я, — Туда, откуда пришли.

— Нет, туда мы пойдём вглубь, а вот туда мы выйдем на берег, — сказал Митя.

— Правильно Митя сказал, туда на берег пойдём, — подтвердил отец.

— Ты, Андрей, когда идёшь, запоминай, запоминай хорошо, иначе будешь часто блуждать. (8/9) Я заспорил:

— Почему туда? Мы всё время шли в одном направлении, повернём назад, пойдём на берег.

— Вы за барсуком бежали, ты и не заметил, как купол обогнули. Потому говорю, внимательно наблюдайте местность, как бы ни торопились.

Чтобы это хорошо понять, я пошёл по следам назад.

Правда, мы обогнули купол по склону. Придя обратно, я сказал им:

— Понял. Впредь буду повнимательней.

Каждый день отец спрашивал нас, в какую сторону идти, чтобы выйти на берег. Мы ни разу не ошиблись. Так учили взрослые детей. Полмесяца искали женьшень, ничего не нашли. Ходили все вместе, мы втроём отдельно, нет, попусту. Когда кончились продукты, мы приехали домой, добыв немного мяса. (9/10)

Мы не узнали Лёву: большой мальчик стал, красивый. Мама говорит:

— Наш мальчик быстро оброс мясом. (Такое выражение у удэгейцев, когда человек поправляется). Твой бракованный мальчик растёт очень красивым.

Отец снова стал пилить доски. Мы с Митей рыбачили. Так жили тогда. Недалеко от нашего дома Мунов начал строить себе дом. Его назначили парторгом. Его не воспринимал никто. Русские уехали в Бикин. Туда переехали жить. В Сяине продолжали жить Берзиньш, Санегин, в Сигове два старика: Чаусов и Татаренко. Мармурик переехал в Хабаровск. Ульянов на Камчатской стороне, в начале залива, построил новый дом. Симанчуки переехали в Улунгу. Канчуга Михаил стал председателем сельсовета. Берзиньш стал работать в магазине. (10/11) Из Силана в Сяин переехал Болдин с женой, двумя сыновьями, двумя дочерьми. Самый старший Толя, ему было четырнадцать лет, его сестры Тома, Рая и самый младший Гена. Тома стала учиться со мной в одном классе, Рая — с Павликом. Гена ещё мал был для школы. Толя в Силане закончил четыре класса, потому не учился, а с отцом работал на конюшне.

Первое сентября! Снова пошли в школу. Я начал учиться в четвёртом классе. Нас учил Соза Семёнович. Павлика оставили в первом классе, очень плохо учился. Митю насильно отправили в школу. Он ни за что не хотел дальше учиться.

— Я всё равно с отцом пойду в тайгу охотиться, не буду учиться, — каждый день говорил он. Отец всё время твердил:

— Когда не успеешь охотиться? Ты сначала закончи четыре

класса.

Однажды Митя побил Берзиньш Мирту. За это его Соза Семёнович исключил (11/12) из школы совсем. Отец, мать начали журить, а он говорит:

— Не хочу, чтобы отец один мучился в тайге. Я ему буду помогать. Мне скоро пятнадцать лет, я совсем взрослый, так что не журите меня, мама, папа. Я очень обрадовался.

Что говорить зря! Пусть будет так! В ту же осень Митя с отцом вдвоём поехали ловить кету, никого отец не пригласил, Митя не захотел ни с кем рыбачить. Очень много кеты было в ту осень. Отец с Митей много привезли кеты, два раза ездили за ней.

У нас была корова. Заготовленное летом сено мы привезли с Митей на нарте по снегу. Когда стала река, отец с Митей ушли в Малое Тохоло на охоту. Митя, запрягши двух собак, повёз нарту. На нарте продукты, одеяла, палатка, камин погружены. Полная нарта. (12/13) Митя её с двумя собаками легко потащил. Лыжи тоже погрузили на нарты. Отец с палкой сзади подталкивает, когда одолевается горочка. Другие тоже вместе с ними ушли на места своей охоты.

Я сначала не знал, как находят, где охотиться. В ту зиму я узнал. Охотники по окончании сезона возвращаются домой. Потом каждый вечер идут в гости друг к другу и ночи напролёт рассказывают об охоте. Сегодня два-три человека рассказывают, на другой день столько же и так каждый день. У рассказчика спрашивают, куда он думает в будущем сезоне идти. Так каждый называет место, где будет охотиться. Никто не возражал, никто не ругался, никто не оспаривал место охоты. Так было. И сейчас отец, прибыв из тайги, ждал остальных у себя.

XVI

Отец с Митей много кабанов убили, вывозить их я тоже ходил на каникулах весной. Двух белорудых медведей, трёх

изюбрей, двести с лишним белок, сорок колонков, десяток соболей привезли домой.

Мы с Митей отправились на нарте, запрягши двух собак. Тогда в Тохоле был пост, военные обслуживали телефонную линию. Мы, дойдя до них, пообедали, отдохнув немного, двинулись дальше к Малому Тохоло. Добрались до палатки перед заходом солнца. Растопив огонь, Митя начал варить мясо. Поужинав, легли спать, накрывшись одеялом. В камине горели дрова, когда мы засыпали. Ночью я проснулся, потому что уши замёрзли. Сразу разбудил Митю. Он, встав, бросил в камин дрова. Быстро в палатке стало тепло. Опять заснули. Ночью просыпались ещё раз три-четыре. (1/2)

Проснувшись утром рано, Митя сварил. Позавтракав, погрузили одного кабана на нарту. Запрягли собак, Митя впрягся в ляжку и с восходом солнца двинулись. Митя тянет, собаки тянут, я толкаю сзади нарту. Собаки резво потянули, Митя побежал за ними следом. Я тоже побежал просто. Устав бежать, я отстал. Митя с собаками ушёл далеко. Я же шагал устало. Вот и скрылся за поворотом зад нарты, я зашагал резвее, потом побежал, опять устал, медленно зашагал. Долго так шёл, солнце высоко поднялось, стало теплее. Шагая так, увидел нарту. Никого нет. Подойдя ближе, увидел: верёвка с собачьей упряжкой порвалась, собаки убежали сразу. Митя, наверное, звал их. (2/3) Собаки даже не остановились. Митя побежал следом, зовя их. Я стал ждать. Когда прошёл пот, стал мёрзнуть. Потому впрягся в ляжку, потащил нарту. Даже не тяжело было, нарты легко скользили. Наверное, метров двести я протянул нарту, устал. Остановившись, стал, тяжело дыша, очень сильно вспотел. Прошло немного, Митя возвратился, ведя собак.

— Как догнал? — спросил я.

— Я бежал следом за ними, зовя их. Даже не останавливаются. Добежав до плёса, подумал. Не останавливаются. Что делать? Науськаю я, убегая назад. Зюк, зюк, зюк, так уськая, побежал назад не оглядываясь. Через некоторое время, опережая меня, промчались собаки. Я сразу схватился за верёвку.

(3/4) Ты зачем один тащил, тяжело же?

— Я замёрз, ожидая тебя. Поэтому погрелся вот так. Сейчас опять замерзаю, пот остывает. Поехали. Привяжи собачью упряжь. Я повезу.

Митя быстро привязал, попробовал на прочность. Тогда мы быстро побежали. Я сначала думал: почему Митя долго не устаёт, бежавши с нартой? Сейчас узнал. Собаки сильно тянут, я же держась за ручку нарты, бегу. Собаки помогают. Митя тоже отстал. Так добрался до поста. Здесь стал ждать Митю. Солдаты зовут в дом. Я же жду. Тут же догнал Митя нас. Тогда мы зашли к солдатам. Отдохнув немного, покушали у них. Оттуда быстро двинулись. (4/5)

До Бикина дошли быстро. Здесь нас ждали отец с дядей Пакулой, чтобы переправить нас через прогалину. Лёд со стороны берега растаял. Приблизительно с метр там текла вода. Только вчера было нормально, это на солнце быстро растаял. Поверх воды они положили тальники, как мост. По нему отец переправил нашу нарту.

— Дальше до самого дома хорошо. Счастливого пути! Мы снимем палатку и придём дней через пять, — сказал отец. В это время дядя Пакула со своей нартой пошёл дальше. У него тоже две большие собаки. Мы оттуда пошли по Тохолинскому плёсу. Очень длинный этот плёс: больше трёх километров. (5/6) Идти по этому плёсу очень тяжело: ветром дорогу засугробило, нарта движется тяжело. Три раза отдыхали. Когда кончается плёс, сразу начинается Модигу, здесь раньше жили люди. Оттуда, за сопкой, поднимаешься на остров, там дорога твёрдая. По этой дороге мы побежали быстро, домой добрались перед заходом солнца. Я сильно устал, ноги болят, даже есть не стал. Поел, когда немного поспал. Я тогда впервые ходил в тайгу. Митя-то ничего, он уже привык.

В ту зиму он добыл трёх кабанов. Совсем стал охотником. Отдохнув два дня, мы пошли в Олон, отвезли мясо родным тёте, дядям, двоюродным братьям — родственникам мамы. Мы отправились утром рано, опять к нарте запрягши двух собак. (6/7) Санная дорога днём на солнце немного подтаяла, а ночью

крепко подморозилась. Легко двинулись, всё бегом. Если я устану, Митя бежит сзади, устанет он, я бегу позади. Так быстро мы одолели пятнадцать километров. Сначала мы к двоюродному брату заехали, он в Олоне работал председателем сельсовета. Это нашей родной тёти сын. А тётю за что-то посадили в тюрьму на десять лет. Оттуда мы приехали к бабушке. Везде нас хорошо кормили. Ночевали у дяди. Его сын ожёг себе висок, упав на плиту нечаянно, ему шёл всего третий год. Утром, накормив нас досыта, отправил домой. Мы с Олона везли домой картошку, кукурузу, муку. (7/8) Быстро добрались до Сяина. Я опять устал, но не сильно, привык уже бегать.

После этого соревновались в лыжных гонках. Я с пацанами бежал три километра. Меня опередил только Олег Геонка, но он старше меня, потому и сильней. Митя на спортивных лыжах опередил всех юношей. Среди взрослых победил Пианка Александр. А Чунде была быстрее всех женщин. Так соревновались.

Я забыл написать, как зимой солнце таяло, как видел падающую звезду. Сначала о солнце. Однажды я, придя на большой перемене, дома завтракал. Что-то начали кричать люди, затем стучать по жестянке, железу, стрелять в воздух. Что такое? Почему-то, заметил, стало темнеть. (8/9) Выйдя на улицу, спросил у взрослых (они бегали туда-сюда, что-то крича):

— Что такое?

— Солнце небесная собака съедает, выгоняем его. Смотри, солнце тает, половина кончилась.

— Спасёте?

— Аа. Спасли. Солнце перестало таять. Выгнали собаку. Убежала.

Я потом узнал это явление. По-русски называется затмение солнца. У луны тоже бывает затмение, по-удэгейски, наверное, тень земли закрывает солнце, луну. Так и есть.

То ли после этого, то ли перед этим, забыл, я опять на большой перемене бежал домой. Идя навстречу мне, Тяньсю что-то показывает и кричит мне:

— Смотри, смотри! Оглянись назад!

— Что хорошего увидел?

Тут же оглянулся назад. (9/10) В это время что-то громыхнуло. Я увидел чёрный дым, раскинувшийся столбом от земли до неба. И это я тогда не знал.

— Что это было? — спросил я у Тяньсю.

— Не знаю. Я видел, как что-то блестящее быстро падало, за ним шлейф чёрного дыма.

— Жаль, я не видел.

Я сказать-то не успел, как на землю грохнулось.

Я после узнал, что же это было. Его по-русски называют метеорит. Где-то в районе Силана упал. До сих пор находят куски 'Сихотэалинского метеорита'.

Я тогда ещё не бросил курить. Украдкой с пацанами вместе покуривал. Потому ночами сильно кашлял.

XVII

Раз мне Митя говорит:

— Что хорошего в курении твоём? Бросай, совсем слабаком станешь.

— Я мало курю. Понемногу у Олега дымлю.

— Ты сильно кашляешь поэтому. Не кури больше.

— Ладно.

Как прихожу к Олегу, начинаю курить. В их доме все курят, потому и я закуриваю. Однажды Соза Семёнович проверил наши пальцы. У курящих пальцы становятся жёлто-коричневыми от табачного дыма.

— Когда курил?

— Пять дней назад.

— Сейчас не куришь?

— Нет.

Потому он усмехнулся:

— Брось. Отцу расскажу.

— Не говорите, я сейчас не курю.

— Не верю. (1/2)

Один раз мы пришли с Олегом после большой перемены на урок. Соза Семёнович сказал:

— Дыхните на меня.

— Зачем ?

— Я проверю, курили или нет.

Дыхнули.

— Курили ! — говорит Соза Семёнович.

— Нет.

— Почему табачный запах?

— Кетовую юколу кушали. Это не табачный запах.

Глядя на нас, учитель смеялся. Так жили.

Растаял снег. Мы заканчиваем учёбу, будем сдавать экзамены.

Во время сева начались экзамены.

Четыре экзамена: 1) русский язык (изложение); 2) русский язык (устно), правила; 3-4) арифметика: устно, письменно. Такие экзамены за окончание четвёртого класса. (2/3)

Посадив огород, отец с Пианка Миливаном поехали на Сивантае собирать черемшу. Митю, Миливанова пасынка (его звать Суанка Боря) оставили, чтобы меня подождали, пока я сдам экзамены. Как только я сдам экзамены, на второй день втроём на бату уедем в Сивантай. Ну вот, сдал я последний экзамен. Все экзамены я сдал на 'пять'. На второй день мы выехали вверх. Боря рулил, Митя впереди, я на середине толкал. Быстро поднимались. В тот день мы доехали до Горелого, там на косе переночевали. Ночью прохладно. Потому разожгли костёр и легли спать, укрывшись ватным одеялом. Как хорошо в конце мая спать на косе. Нет комаров!

Утром рано Митя с Борей стали варить. Мне же так сильно спалось. (3/4) Сквозь сон слышу, как они разговаривают.

— Сеткой порыбачим на Мальдинском заливе, — говорит Митя.

— Там и таймень должен быть. Ты будь начеку, там какой-нибудь зверь должен быть, — сказал Боря.

— Ладно. У меня патронов много.

— Андрея не будем будить. Пусть спит. Сварится еда, разбудим.

Мне так хорошо! Моё лицо, волосы ветерок слегка щекочет, поэтому не хочу вставать.

— Мальчик, вставай, давай быстрее завтракать, поедем быстрее, по дороге порыбачим.

— Не хочу, кушайте сами.

— Не спорь, вставай. Боря уже наливает.

Митя, сказав это, поднял одеяло. Я начал надевать брюки, рубашку, обувать олочи (мы все обували олочи). Закончив завтрак, поехали. Недолго поднимались, доехали до залива Мальды. (4/5)

Поставив сетку, мы тихо протолкались к истоку. Там Митя увидел следы бурого медведя.

— Что будем делать? Проверим, где остался?

— Проверим, — подтвердил Боря. Они с ружьями, я без ружья. Они меня поставили позади себя. Пошли на остров. Где наступал лапой, земля провалилась на три-пять сантиметров. Очень крупный был бурый. До Бикина проверили, там он переплыл на другую сторону. Мы вернулись к бату. Когда я вспоминаю про это, становится ужасно. Три пацана с какими-то задрипанными ружьями следили за огромным медведем.

С истока мы начали шестом по воде колотить, выгонять рыбу. Когда рыба попадает в сетку, видно. Мы к сетке потихоньку движемся, бьём шестом по воде, тычем в дно. Вдруг в сетке что-то сильно (5/6) стало биться. До самой сетки тыкали мы шестом. Сетка вся утонула. Рыба билась, отливаясь серебром. Много рыбы взяли. Таймени, таймешки, ленки, щуки, краснопёрки попались. Оттуда резво рванулись к Сивантаю. Сначала добрались до Амбы, немного отдохнули. Дотуда мы немного помучились. Поднимаясь вверх, надо держаться со стороны косы. Кончается коса переплывают на противоположную. Со стороны яра глубоко, течение сильное, шест еле достаёт дна. Так и мы поднимались.

Однажды в одном месте мы не успели на другую косу пристать, потому нас отнесло к яру. Оттуда пришлось плыть назад на косу. Так мы раза три-четыре пытались, но течение сильное, глубоко, шесты не достают до дна. Что делать? Боря

говорит:

— Митя, Андрей, возьмите по остроге, приколите к дереву и подтянитесь. (6/7) Поднимемся по яровской стороне дальше, потом на ту сторону гребанём.

— Давай попробуем так. — проговорил Митя, схватив острогу. Я тоже взял острогу. Митя, кольнув, начал подтаскивать к себе, я ждал, потом тоже уколол, Митя вытащил острогу. Я стал подтягивать. Так мы протянули пятнадцать метров. Только тогда, сильно оттолкнувшись, сразу стали грести вёслами. Едва уцепились за конец косы, оттуда продолжали толкать дальше. Когда проехали Амбинский плёс, за кривуном я увидел скалу. Они говорят:

— Вот здесь, воон на том камне молельный домик, ему, кто желает, тот молится.

— Мы будем молиться? — спрашиваю я.

— Нет. Мы не знаем, как молиться, что говорить. Взрослые уже помолились, может. (7/8)

Оттуда повернув на левый кривун, увидели палатку:

— Это Сивантай. Воон палатка, наши отцы натянули. Наверное, убили мясо. Сейчас заталахоним.

— Я не талахоню. — говорю я.

— Мы поталахоним.

Так переговариваясь, толкались шестом. Доехав, мы не застали их, наверное, собирают черемшу. Даже не разгрузив вещи, они, достав из воды какое-то мясо, начали талахонить. Мне стало тошно. Я не ем талу. Чем-то пахнет. Наевшись досыта, они, разгрузив вещи, стали варить, я же стал собирать дрова. Дальше Митя стал сам варить, мы с Борей начали чистить рыбу. Только кончили, как отцы по Сивантайской протоке спустились. Полный бат черемши насобирали. Увидев нас, обрадовались. (8/9) Мы с Борей быстро разгрузили черемшу.

— Папа, что вы убили ?

— Медведя убили.

— Митя с Борей талахонили.

— Ха-хай, что, не заметили, что это медвежье мясо? Не тошнит?

— Ничего, всё нормально.

Посмеявшись, стали есть, что сварено. Во время еды отец говорил:

— Завтра внутри этой протоки будем собирать черемшу. Миливан на оморочке поедет вверх, проверит заливы. Рыбу подсолите, а утром развесьте на лабазе.

Утром рано нас разбудил отец. Сварив завтрак, поев, отправились по протоке. Доехав до черемши, отец сказал нам:

— Дети, здесь собирайте черемшу, не кричите, захотите в туалет, сходите к воде. Здесь изюбрь ходит, ночью буду караулить. Пожалуйста, не писайте, не какайте здесь, делайте всё в воду. (9/10) Вы сами собирайте здесь черемшу, я поднимусь чуть вверх, там посмотрю черемшу.

Мы начали собирать. Много собрали. Связав в пучки, относили на берег. Поели взятую с собой еду, снова стали собирать. Всё перетаскав, стали ждать отца. Приехав, отец сказал:

— Везде искал, мало в тех местах черемши, здесь больше. Завтра, послезавтра пособираем, поедем домой, отвезём черемшу. Миливан с Борей останутся, будут охотиться. Мы после опять приедем.

— Ещё будем собирать черемшу?

— Нет. Будем пантовать.

Ещё два дня собирали. Миливан убил одного изюбря. Погрузив его и черемшу, мы отправились домой.

Побыв дома около недели, мы снова поехали в Сивантай. В Горелом, где охотился дядя Пакула, переночевали. На второй день, рыбача по пути, мы поднялись до Сивантая. (10/11) Там никого не было. Оморочки тоже нет. Наверное, Миливан вверх поехал, помучившись здесь. Он знает, что вверху больше зверей. Как охотиться без оморочки? Ночью попробовали караулить на бату. Никто не вышел. Утром отец говорит:

— Звери ушли в тайгу. Три-пять дней будут, придут. Мы к Пакуле спустимся, там порыбачим, вернёмся назад. Миливан оморочку привезёт.

Спустились к Горелому. Дядя Пакула рассказал отцу, как

сегодня утром ранил бурого. Мы с Митей предположили, что это тот самый медведь. Поехали посмотреть. Медведь влез на тот самый берег, докуда мы тогда дошли. Этот самый медведь. Отец с Пакулой пошли по следу, когда я в траве нашёл кровь. Они пошли по следу: отец впереди, дядя сзади. Оба имели хорошие ружья. Трава очень выросла, густые заросли. Летом очень опасно следить за раненым медведем.

XVIII

Мы спустились на косу. Женщины, сварив еду, стали ждать отца и дядю. Через определённое время, пришили, с той стороны стали звать, чтобы мы перевезли их.

— Отец, дядя, добились медведя? — спрашиваем мы.

— Добились. Очень большой медведь. Выстрелил прямо в лоб, сразу издох. После еды, пойдём вытаскивать мясо. Ничего, с голоду не умрём, — отвечает отец. После обеда отправились все: — отец, дядя, Митя, Олег, его мать, тётя Паша, я. Сквозь кусты и травы шли; медведь, получив ранение, убегая, всё время ложился от боли. Я насчитал десяток лёжек: пятнадцать-двадцать метров пройдя, ложился, серьёзное ранение получил, поэтому не напал. Отец стрелял с близкого расстояния прямо в лоб. Дядя чуть сзади стоял, направив ружьё. (1/2)

Мужчины начали обдирать, мы, пацаны, помогать. Ободрав, расчленили. Справный был этот медведь. Сало отделили. Наверное, килограммов двадцать было, его Митя закотомил. Мне же отец полноги увязал на сина, килограммов пятнадцать было, очень тяжёлый, едва поднял. Всё забрали, оставили только желудок и кишки. До берега было недалеко. Наверное, было метров двести. Отдохнув один раз, добрались до берега. Я дважды чуть не упал, качался-качался, но не упал, устоял. В тот же день дядя уехал домой, чтобы не сгноить мясо.

Мы, переночевав, утром поехали рыбачить: отец колот ленок, пожиравших мелких рыбок. Поставив бат под перекатом, отец высматривал в воде ленок, увидев, колот. (2/3) Под перекатом

рыбёшки нерестятся. Очень красивыми становятся в эту пору, разноцветными — красные, зелёные, белые, чёрные, синие, коричневые. Их поедают ленки, ленков — таймени. Отец, увидев тайменя, колет зогбом. У зогбо закорючков много, прикрепляется к острожище, держится на бечёвке. Когда попадает, зогбо отцепляется, а бечева держит, как удочка. Шесть ленков, одного тайменя добыв, начали подниматься к Сивантаю.

— Там ещё много было ленков и тайменей, почему больше не колол, отец? — спрашиваем мы с Митей.

— Зачем же? Сгноить? Сейчас жарко становится, быстро сгниёт. У нас соли мало, — объясняет отец. Пристав к косе, мы наломали веток тальника, чтобы накрыть рыбу.

В это время спускаются Миливан с Борей, мяса полный бат, поверху загружена оморочка. (3/4) Увидев нас, пристали к нам.

— Ээ, дядя, не сердись на меня. Здесь я не смог добыть, потому мы уехали вверх, — говорит Миливан.

— Почему я должен сердиться? Хорошо, мясо везёте, дома голодают. Мы ничего. Пакула ранил медведя, добили, он вчера спустился домой, — говорит отец, смеясь.

— Возьмите мяса поесть.

— Немножко отрежь. У нас рыба есть, с голоду не умрём.

Отец забрал оморочку, на ней стал подниматься, проверял заливы. Мы с Митей поехали на бату. Я стал рулить, он толкался впереди.

Отец начал охотиться на пантача, днём и ночью ездит на оморочке. Простые изюбри встречаются, а рогач ещё не выходил. Одного убил на пропитание. Мы с Митей каждый день ездим на бату. (4/5) Раз, отец, приехав, говорит:

— На этой протоке большой рогач вышел, ночью буду караулить, сейчас посплю, перед заходом солнца разбудите меня.

— Мы тоже ночью поедem караулить, — говорит Митя.

— Никуда не ходите. Если я вспугну рогача, выеду через заход, оттуда буду заезжать в каждый залив. Спите спокойно.

Отец лёг спать, мы же пошли в тальник рубить шесты. Десять штук срубили, всех ошкурили, заострили, связали по пять штук, поставили на просушку. Митя, напарив рыбы, взялся

варить закту. Я же стал ходить по косе, собирая камушки. Солнце начало закатываться. Мы разбудили отца. Он, открыв глаза, лежал тихо, о чём-то думал. Наверное, как будет подкрадываться. Ночью темно, ничего не видно, но всё равно подкрадываются (5/6) вплотную. После того, как пошаманили, мама заставила отца сделать серебряного человечка. Отец не верил в это. Потому не носил его на груди. Тем не менее после этого всегда добывал зверя, пустым не приходил из тайги.

Когда пришёл вечер, поужинали. Отец, столкнув оморочку, уехал по протоке. Мы долго не ложились спать: слушали ружейный выстрел. Но никакого выстрела не было. Натянув накомарник, легли спать. Утром проснулись оттого, что будил отец. Солнце поднялось высоко. Отец, растопив очаг, курил, сидя возле него. Вот интересно! Я ни разу не закурил, даже курить не хотелось. Глядя на курящего отца, я думал: что хорошего в курении? Но почему-то с другими ребятами я курю. Почему так происходит? (6/7)

Разогрев вечернюю еду, мы позавтракали.

— Не вышел пантач, папа? — спрашиваем мы.

— Вышел. Но почему-то убежал, дойдя до берега. То ли учуял, то ли что-то другое напугало, не знаю я. В других местах тоже нет.

— Что будем делать?

— Будем охотиться. Разве зверь один? Сегодня езжайте вниз, посмотрите, я опять вверх поднимусь, до Ульмы доберусь. Сейчас посплю. Разбудите, когда будете уезжать. Пока отец спал, мы съездили за черемшой. Сварили кукурузный суп с мясом, заправили черемшой. Очень вкусная еда получилась! Немного полежав, разбудили отца. Когда он проснулся, накормили сваренным супом.

— Аа, за черемшой ездили. Спасибо, спасибо, мальчики, наемся досыта, с собой захвачу немного. (7/8)

Поплыли мы вниз. Ниже богомола, на противоположной стороне, есть протока, по ней спустились, оттуда попали в какую-то другую протоку. По ней поднялись вверх, внимательно проверяя заливы. Зверь ещё не вышел здесь. Следы все

старые.

— Брат (старший), воон косуля пасётся в заливе.

— Пусть пасётся. Не будем стрелять. Разве не слышал слова отца: «Пожалуйста, не шумите, не стреляйте. Слышали, дети?»

— Прогоним.

— Сама убежит. Как только мы приблизимся, быстро убежит.

Мы тихо толкались. Косуля всё время посматривала на нашу сторону. Сначала не беспокоилась. Когда мы подъехали поближе, сразу спрыгнула на берег. Стоя в тальниках, поглядывала на нас. Мы сразу поехали дальше. (8/9)

Доехав до завала, остановились. Митя, взяв ружьё, пошёл по берегу дальше. Я остался на бату. Вернулся очень быстро.

— Поедем назад. Здесь тигр сегодня утром ходил. Наверное, это он всех зверей разогнал.

— А почему не угнал косулю?

— Косуля только что пришла, когда тигра уже здесь не было.

Мы быстро удрали на Бикин.

Переехав на косу, мы начали купаться. Солнце сильно начало пригревать. Искупавшись, легли на солнце. Как хорошо! Только комары беспокоят.

— Интересно, молится кто-нибудь этому богу?

— Конечно, молится. Взрослые молятся, прося удачи. Скажем отцу, чтобы помолился.

— Не пойдёт молиться он, ничему не верит. (9/10)

— Попробуем сказать.

— Ладно. Поднимемся к палатке.

Утром отец опять приехал пустой. Лицо, лоб все искусаны комарами.

— Дети, снова от меня на Ульме бык убежал. Когда заметил меня? Почему стал невезучим? Сегодня отдыхаем, никуда не поедем.

— Папа, на протоке Амба тигр ходил вчера утром.

— Не бойтесь. Ушёл оттуда. Я видел, когда поднимался вверх. В сторону Сивантайского купола переплыл, оттуда вверх

пошёл в сторону Метахезы. Сюда долго не придёт, проверяет свою территорию.

XIX

Днём отец уснул, мы поехали на рыбалку. Поехали вверх. Заехали в какую-то протоку, там был небольшой пережат, а там полно ленков, жрут рыбёшек, поедают последних нерестящих рыбочек. Мелко, всё видно. Когда бросается ленок, рыбёшки разбегаются кто-куда, из воды выпрыгивают вверх. Ну, Митя стал ленков колоть. Я тоже, схватив другую острогу, начал колоть. Заколов трёх штук, вспомнил, что говорил отец: «Много не колите, сгноите, соли нет, а всё сразу съесть не сможем». Потому я перестал колоть. Хотя хотел бы ещё. Митя же много добыл, наверное, штук двадцать.

— Хватит, брат, соли нет, всё испортится. Когда успеем всё съесть?

— Очень интересно! Ещё поколю.

— Хватит, папа ругаться будет.

Только после этого Митя перестал колоть ленков. (1/2)

Поехали к палатке. Отец ещё спал. Мы быстро начали чистить, разрезая пополам продольно. Пока мы разделявали, начали мухи летать. Мы развели дымокур. Когда закончили чистить, проснулся отец.

— Что делаете?

— Ленков чистим.

— Молодцы, мальчики, где кололи?

— На верхней протоке рыбёшек пожирали.

Подойдя к нам, увидел много ленков. Сначала почесал затылок, потом поцарапал живот, начал нас журить.

— Зачем столько закололи? Разве я вам не говорил? Чтобы не пропали, съешьте всё, заячьи дети. В дальнейшем так не делайте.

— Дальше так не будем делать, когда не будет соли.

— Развесьте всё, чтобы сушилось на солнце. Внизу разведите

дымокур, чтобы мухи не загадили. (2/3)

Так учил нас отец. Это было правдой. Сколько сможешь съесть, столько и добывай.

Повесив всё на лабазе (мы с Митей сами сделали, отца не просили), дымарили до вечера. Ни одна муха не села на ленков. Вечером отец, столкнув оморочку, стал подниматься вверх.

— Папа, ты куда поехал?

— Панты караулить. Почему я должен бездельничать? Вы ложитесь спать. Утром не забудьте развести дымокур, чтобы мухи не успели напачкать.

— Ладно, папа. Привези утром панты.

— Попытаюсь.

Проснувшись рано утром, Митя развёл дымокур под лабазом. Я ещё спал. Митя пожалел меня будить. Но я во сне всё слышал. Наверно, спал чутко, некрепко. Я слышу, как Митя зажигает спичку, как набирает воду для варки, как режет мясо, как отец, приехав, вытаскивает оморочку. (3/4) Наверное, опять пустой приехал.

— Мальчик, вставай, помогай брату, я отдохну. Позже езжайте, ленков заколите. Много не надо, — трёх.

— Зачем же?

— Чего спрашиваете вы? Хочу использовать.

Мы размышляем: использовать — молиться. Разве будет отец молиться? Будет молиться, он знает, как надо делать. Сколько можно мучиться?

Покушав, поехали мы на ту протоку. Заканчивали рыбёшки нерест, потому ленков стало меньше. Мы добыли трёх, снова поднялись вверх. Выехав на Бикин, спустились. Отец ещё спал. Мы вычистили рыбу, замочили в воде. Разведя очаг, начали печь лепёшки. Когда закончили, проснулся отец.

— Ленков ездили колоть?

— Привезли трёх. Вычистили и отпустили в воду. (4/5)

— Оо, очень хорошо! Я у бога буду просить удачи, у меня есть немного водки, мама ваша дала для дела. Покушаю, поеду на оморочке. Вы отдыхайте, я сам.

Отец пищу, талу из ленков, водку, кружку погрузив в

оморочку, уехал к богомолу.

Мы стали ждать его. Всё время дымарили повешенных ленков. Начали спеть, от дыма пожелтели. Митя всё время пробует, отрывая кусочки от ленков. Он очень любит всё сырое: будь то мясо или рыба, а варёное сало ест с удовольствием. Я не люблю сырое, сало варёное ем немного: тошнит.

— Как ты без соли ешь?

— Без соли-то как раз и хорошо! Попробуй.

— Не вкусно, *туйтавае* (удэгейское восклицание).

Так разговаривали мы с братом. Он очень уважал меня, жалел, а я его любил сильно. (5/6)

Всё время посматривали вниз, ожидая отца. Почему мы смотрим вниз? Богомол внизу, значит, помолившись, будет подниматься вверх. Сейчас почему-то долго не едет. Посматривали бы вверх! Мы не смотрели. Тем не менее услышали, как к косе оморочка пристала. Смотрим: отец же приехал. Забыли мы, что подниматься будет по противоположной протоке. Выехав из протоки, спустился. Мы подбежали к нему. Отец, обняв нас, говорит:

— Дети, я помолившись, поднялся по протоке, там в эту ночь большой пантач пасса. Ночью поеду караулить. А в эту ночь я снова вспугнул рогача. Когда он меня учуял, не знаю, учуять не мог, ветер дул на меня. Помолился я: водкой, едой, талой угостил. Кружку уронил в воду, там очень глубоко. (6/7) Бог взял. Попробую сегодня ночью обидеть этого пантача.

— Папа, в Сяине, в Олоне много Канчугов, почему так? Расскажи нам о дедах, кто они такие? Мы не знаем ни о дедах, ни о бабушках. Кузьма, Алексей, Дмитрий твои старшие братья, дядя Пакула твой младший брат, это мы знаем. Кто ещё наши родственники?

— Ээ, вправду, пришло время мне рассказывать. Вы уже большие, всё поймёте. Слушайте мой рассказ, ваш дед рассказывал мне, ему его отец рассказал, так было. Сейчас наступила пора мне рассказать. Откуда мы стали Канчуга? Давным-давно, все удэгейцы жили на берегу моря. Фамилии

приобрели позже, охотясь по долинам рек. По названиям рек обрели себе фамилии. Другие от названия зверей, птиц обрели фамилии, другие (7/8) от других вещей. Удэгейцев раньше было очень много.

— Почему сейчас стало мало?

— Кто-то из Китая принёс большую болезнь — оспу. Удэгейцы никогда не болели той болезнью, потому много умерло, не справившись с этой болезнью. Наши предки жили и охотились на реке Кау с семьями. Их стали называть Каудига. Так и стали Каудига. После русские, записывая в документах, записали Канчуга. Так мы стали Канчуга. Почему стало нас много? Много детей нарожали женщины, большинство мальчиков. Мальчики, став взрослыми, женились, их жёны тоже родили много мальчиков. Так стало много Канчуга. Нашего прадеда отец был не Канчуга. Был какой-то русский. Я об этом расскажу вам позже. (8/9)

(Я этот рассказ записал на другой бумаге. Там собрано всё, что рассказали отец, дед Арсё, дед Исула, другие, дядя Гулино, дядя Косой и многие другие).

— Папа, потому у Гулино дяди, у тебя борода чёрно-красная, густая?

— Потому, наверное.

— У меня тоже будет такая борода?

— Не знаю. Может, будет такая, может, и нет.

— Аа, не хочу я, чтобы такая была борода: красная, густая, — говорю я. Митя посмеивается.

— поживём, увидим, — говорит отец. В тот день мы обо всём спрашивали отца. Всё рассказал, но как воевал, категорически не стал.

— Потом как-нибудь расскажу, сейчас очень жутко вспоминать, — говорит он грустно.

Наступает вечер. Отец, чтобы (9/10) лежать в оморочке ночью, одеяло, брезент положил на дно. Оттолкнувшись, поехал вверх, наверное, через заход поедет на протоку Амба. На нашем лабазе ленки хорошо высохли. Чтобы довершить готовность, разожгли костёр под лабазом. Стало темно, наступила

ночь. Где-то птица закричала. В моём ухе слышатся: «Сивантай, сивантай сивантай». Сначала медленно, потом быстрее, торопясь, захлёбывается: «Сивантай... кёкёкё, хиа...» Ночью слышишь голоса разных птиц. Сегодня мы долго не засыпали, ждали звука выстрела. Какая-то птица кричит так: «Топтёо, топтёо, топтёо». Ещё другая птица издаёт так: «Конголё, конголё, конголё...» А сейчас: «Ук-уук, ук-уук, ук-уук». Если ночью не спать, услышишь крики всяких птиц: «Хуу-ху-хуу! Хуу-ху-хуу!» Так кричит филин. А сова подражает разным голосам: лает как собака плачет, как дитя, пищит как мышь, мяукает кошкой. (10/11) Если это кто-то услышит впервые, пугаются. Я не испугался, мне Митя об этом давно сказал: ночью слышны голоса всяких птиц. Так, слушая ночные звуки, разговаривая между собой, мы внезапно уснули.

Х Х

Утром мы вскочили с восходом солнца, выйдя наружу, разожгли огонь. Только собрались варить, как сверху отец спускается. Смотрим, не верим: в оморочке рога торчком стоят вместе с головой. Сильно обрадовавшись, побежали мы к воде, войдя в неё, схватили оморочку, потянули на косу, любуясь рогами. Пять концов! Крупный зверь! Отец сразу опустил их в холодную воду.

— Ну, дети, пришло к нам счастье. Услышал бог. Варите скорее, поедим, поедим за мясом. Сейчас я немного посплю, разбудите.

Закончив варить, подождав немного, разбудили отца. Он сразу проснулся.

— Давайте поедим да поскорее поедим обдирать. Вороньё быстро найдёт. Рога привяжите лыком, чтобы не уплыли.

— Ветками тоже прикрыть? (1/2)

— Молодцы, молодцы, закройте.

Я сходил за ветками, прикрыл рога. Митя разлил завтрак. Кушая, отец рассказывал:

— Долго ждал я его. Подойдя к берегу, он очень долго

стоял. Гнус кусается, но я сижу неподвижно, жду. Вдруг пантач прыгнул в воду. После этого, немного постояв, начал есть водоросли в воде. Голову всё время "суа!" поднимал. Подкрадывался к нему по самой кромке берега. Близко подъехал, на рассвете хорошо видно. Только сунул голову в воду, в это время я выстрелил. Резко вспрыгнул он на берег. По тому, как он прыгнул, я понял, что попал. На берегу, пробежав немного, "пэх" упал. Стало тихо. «Помер», — обрадовался я. После зари стало совсем светло. Ну, пошёл глянуть, метров двадцать пять пробежал, потом упал. (2/3) Отрезав голову, привёз.

Ножи, топор, таз погрузив в бат, поехали вниз. Отец на оморочке спускается. Проезжая мимо богомола, отец говорит:

— Спасибо, бог, так всегда посылай удачи, оплатим сегодня.

Поднялись по противоположной протоке, где ехали позавчера. Отец показывал нам, где стоял, бык. На глубоком месте стоял, наверное, выше колена была вода изюбрю. Получив рану, резко прыгнул на берег. Так бежал, что сбивал валёжины и сухие деревца. Так во время бега и упал. Хорошо, очень большой изюбрь. Повернув навзничь, начали обдирать. Сняв кожу, отец начал расчленять. Расчленённые куски мы с Митей перетаскивали на берег, нанизав на шест. Внутренности живота все перенесли на реку, чтобы не сгноить на берегу. Там желудок, кишечник, сердце, лёгкие, почки, (3/4) печень, внутреннее сало. Всё это отец погрузил в оморочку, чтобы вывезти на косу, а там, промыв, бросить в воду, чтобы уплыли. Очень жирный был бык. Сало отдельно срезали, килограммов двадцать было, на бёдрах пальца четыре толщиной. На Бикине выгрузили с оморочки все внутренности. Отец, Митя начали промывать желудок, сначала разрезали, выпустили навоз, стали промывать водой. Его хорошо моют, потом талахонят. Разрезав сердце, отец пьёт кровь, даёт нам попробовать. Кровь солоноватая. Всё убрав, мы поднялись к палатке, там накрыли ветками мясо. Немного передохнув, покушали, после этого начали снимать палатку. Едем домой!

— Митя, ты поедешь на оморочке до Тохоло. Там мы оставим её. Мы с твоим братиком (4/5) спустимся на бату.

— Ладно, папа. Я немного впереди буду ехать, может, зверя какого увижу.

— Хорошо, сын, спускайся впереди. Будь начеку, медведя не бей. Зачем летом его мясо.

Поехали мы, полный бат мяса, рыбы загрузили. Митя впереди спускается, я всё время вижу его. Никакой зверь не встретился. Я забыл написать, как богу отплатили. Остановившись у богомола, от мяса, сердца, лёгких, сала, желудка, печени отрезав по кусочку накормили, кланяясь.

Доехав по Тохолинского плёса, в кустах, напротив сопки, спрятали оморочку, дальше втроём на бату поехали, а я сразу в середине уснул. У круговой протоки, возле мари, я проснулся.

— Ниже Моголинку есть проточка, по ней на Модиговскую протоку выедем, оттуда вечером спустимся в сумерках. (5/6)

Остановились выше Симанчуковского дома. Отец говорит:

— Как только станет темно, спускайтесь, я буду дома ждать.

— Мы сами спустимся?

— Здесь нет завалов, течения сильного тоже нет. Чего боитесь?

— Мы никогда ночью не ездили на бату.

— Ничего, привыкайте.

Когда стемнело, поехали. Было темно, по плёсу ехать хорошо, в конце плёса немного перекатики, там мелко, потому, бродом перетянули бат. Доехав до своего берега, Митя пошёл за всеми, мы жили недалеко от пристани. Дома очень обрадовались.

На другой день мама наварила полную кастрюлю мяса. Наелись досыта. Потом мы помогали маме, нарезанные ею кусочки мяса засолили, ленточкой изрезанное мясо повесили вялить на солнце, сало мама растопила. Сало изюбря застывает крепко белым цветом. Отец, отрезав у лба рога, поместил (6/7) в родниковой воде, в заливе Сигоу.

Мы два дня ничего не делали. Потом начали полоть огород. Закончив полоть, отец увёз нас на Горелый (Панчилаза). Вместе с нами взял и Павлика. Однажды мы втроём поехали лучить. Павлика оставили в палатке. Отец говорит ему:

— Сынок, на этой оморочке поезжай по противоположной протоке, там проверишь залив, потом уснёшь. Мы, закончив лучить, ночью приедем. Не будешь бояться?

— Почему я должен бояться? Вы не боитесь, я тоже не буду бояться.

Заготовив смолы, поехали мы вверх. Доехав до Амбы, стали ждать ночи. Когда стало совсем темно, загрузив смолой корзину, подожгли. Стало совсем светло. Дно реки, рыба стали белыми. Я сел рулить, отец в середине встал, Митя передовой, стоя на волнорезе. (7/8) Туда-сюда стали колоть Митя с отцом. Отец говорит:

— Сынок, ты маленьких не коли, только больших добывай.

— Ладно, папа. Маленьких острога пополам ломает. Рыба не шарахается.

— Это от рулевого зависит. Смирный рулит, рыба не убегает.

— Аа, это так.

— Да, это так. Если я буду рулить, рыба будет шарахаться. Потому что я не смирный.

Интересно, как так получается? Я что, держу рыбу? Хм, чем держу?

Доехав до длинной протоки, отец говорит:

— Сынок, я буду рулить, а ты иди колоть.

— Как я попаду, если рыба будет шарахаться?

— Ха-ха-ха! Поверил, потому что ещё пацан. Иди коли, не ерепенься.

Я начал колоть. Рыба не убегает. Я, вначале рыбалки, заколов, резко втаскивал, потому рыба срывалась (8/9) с остроги. Отец журит:

— Зачем резко втаскиваешь, разве не видишь, срывается? Раненая рыба, болеет, потом заражает других, потому гибнут. Не дёргай резко, плавно вытаскивай.

— Ладно, папа, буду так делать дальше.

Вдоволь порыбачив, приехали к палатке. Отец говорит:

— Если ваш братик трус, он сейчас не спит. Утром посмотрю, как он проверил залив.

— Ээ, наш мальчик никогда трусом не был, потому он сейчас спит крепко, — ответили мы.

Пристав к косе, выгрузили рыбу, потушили факел, стали звать Павлика. Тишина. Крепко спит. Не просыпается. Отец, открыв накомарник, зажёл спичку, заглянул в лицо. Мальчик повернулся на другой бок, продолжал сон. Согрев чай, попили, после (9/10) этого легли спать. Митя говорит:

— Утром я съезжу на ту сторону проверять залив.

— Поезжай, сынок, может, застанешь, гребни тихо.

— Ладно, папа, слушайте мой выстрел.

— Как так говоришь, заячий сын. Убьёшь, тогда говори, а кто впервые охотиться, никому никогда так не говорит. Грех!

Утром мы долго спали. Когда солнце высоко поднялось, проснулись. Выйдя на улицу, растопил огонь, поставил чайник. Сидя смотрел, откуда Митя должен был ехать. Так и увидел, как он веслил, погрузив на оморочку изюбря. Я быстро разбудил отца, Павлика. Когда Митя подъехал, обрадовались мы. Отец спросил:

— Как подкрадывался? На маленьких вёслах?

— Я, как сейчас веслил, так и веслил. Изюбрь стоял неподвижно. Положив весло на оморочку, выстрелил. Упал сразу.

— Молодец, мальчик. В будущем подкрадывайся малыми вёслами. Твоё счастье, что изюбрь не удрал.

ХХ I

Быстро разделав, вывесили, сделав лабаз. После этого начали чистить рыбу. Отец, попив чаю, поехал посмотреть, как Павлик ездил проверять. Мы, вычистив рыбу, стали варить завтрак. Когда отец приехал, поели, стали собираться домой, загрузили мясо, рыбу, вещи. Отец рассказывал:

— Мальчик вчера хорошо проверил. Сначала веслом двигался, после этого палочками передвигался. Доехав до перекатика, оморочку вытащил на песок, дальше пошёл по берегу. Дошёл до самого конца. Там постоял, оттуда вернулся назад. Очень

боевой мальчик! Он не трусливый. Не боялся, сынок?

— У меня было ружьё, чего должен бояться? Только вот зверя не видел. А жаль!

Мы посмеялись, сели в бат: отец за рулём, я передовой, (1/2) Павлик уселся в середине, Митя поехал на оморочке. Так мы гребли вёслами. Солнце ещё высоко было, когда мы приехали в Сяин. Мясо, рыбы, что мы привезли, должно хватить на полмесяца. Мы снова пропололи, вторично. Потом всё окучили.

После этого отец опять засобирался вверх. Вместе с нами поехали дядя Косой с тётёй Аванка и тётёй Намунка, Миливан с Борей. Так поднимались на трёх батах. Отец и Косой на своих оморочках, я с Митей, Аванка с Намункой, Миливан с Борей поднимались на бату. Миливан и Боря свою оморочку положили на бат. Ко времени обеда, отец с Косым пристали к косе, поджидая нас. Как только мы к ним подъехали, начали спрашивать:

— Сколько ленков надо заколоть на обед? (2/3) Кто сколько съест? — спрашивали у каждого из нас.

— Я одного.

— Я двух.

— Я одного съем сырым, другого ленка сваренного скушаю.

Подсчитав всё, они поднимались на оморочке и кололи ленков, пасущихся возле косы. После этого, остановившись, женщины варили пищу. Дальше, после обеда, толкались до вечера. На ужин также добывали.

Миливан с Борей остановились на Ульме, мы поехали дальше. Косой зовёт отца подняться до Улунги. Сначала поднимались мы вместе. В Метахезе мы отстали, хотели подняться по Дямчугу. Отец давно не ездил по этой протоке, потому не знал, где образовались завалы. Они же недавно ездили, потому знали, где образовались эти завалы. (3/4) Доехав до завала, остановились. Что будем делать? Назад на Бикин спуститься? Очень далеко. Но отец перетянул оморочку через завал. Вернувшись к нам, помог перетащить бат. Только успели перетянуть, как пошёл сильный дождь. Оморочку перевернули, спрятались под ней.

Недолго шёл дождь. Быстро прекратился. Немного подождав, поехали дальше. Отец на оморочке впереди поднимается, мы с Митей толкаем бат. Батом управляю я.

Выйдя из неё, мы увидели палатку. Там Пианка Гягду охотился. Вместе с ним его сын Вася, зять Камандига (он жил на побережье с его дочерью). Мы остановились у них пообедать. Много мяса они добыли. Завтра собираются ехать домой. Гягду говорит:

— Оставайтесь здесь охотиться, зверя много.

— Попробуем, — сказал отец, — после обеда воон там, вверху, переночуем. (4/5)

На Бикин спустились, поднялись немного вверх. Там поставили сетку, натянули палатку. Отец на оморочке поднялся вверх до Китайского ключа, оттуда утром, проверяя заливы, спустится. Вечером, поужинав, уснули. Рано утром поехали проверять сетку. С десятков ленок сняли, одна большая щука попалась. Приехав, начали варить жратву, потом вычистили рыбу, подсолили. Соли взяли много. Отец знал, что поедем далеко, потому захватил две бочки, двадцать килограммов соли. Когда солнце поднялось высоко, приехал отец.

— Пианки уехали, — сказал, — разогнав всех зверей, посылает охотиться Гягду, что за человек такой. Я думал, что он оставит для детей немного мяса. Что за люди? Ведь в тайге делятся, сытый ты или голодный.

— Не удивляйся, мы тоже добудем мясо, но мы не голодные, (5/6) — так сказал Митя.

На другой день, утром, отец повёз нас ещё дальше вверх. Поднимаясь, увидели Сигонку. Там Суанка Диндэ охотился. Вместе с ним его жена, все дети. Толя самый старший, на год старше меня, остальные все младшие. Мне Толю жалко, он один помогает отцу. Что не так сделает, Диндэ бьёт его. Когда мы приехали, у них из продуктов была только кукурузная крупа. Диндэ никак не может добыть мясо. Я слышал, как он рассказывал отцу:

— Как ни подкрадываюсь, не знаю, когда убегают изюбри. Жена каждый день просит удачи. Колю рыбу в заливе и

кормлю детей. Что же такое делается, не знаю.

— Я тоже мучаюсь, отец сына. Когда уходят, не замечаю. Что за чёрт прицепился?

— Сейчас куда поднимаетесь? — спросил Диндэ. (6/7)

— Хочу добраться до Нёоло. Мои сыновья сами передвигаются на бату, по пути рыбача. Ленков на закосках очень много, они их колют, ловят сеткой. Мы не голодаем. Вам оставим рыбу, мы её много поймали сеткой.

— Спасибо, отец сына. Не забуду твою помощь, — говорит Диндэ.

Пообедав там, мы отправились дальше. К вечеру доехали до устья Нёоло. Натянув на косе односкатную палатку, сразу установили накомарник. Покушав, отец поехал по протоке Нёоло. Мы, перед сном, поставили сетку в конце косы. Потом, когда совсем стемнело, легли спать. Наверное, сильно устали, уснули сразу, спали без сновидений. Рано утром Митя разбудил меня, чтобы поехать за сеткой. В сетку попало много ленков. (7/8) Их мы, вычистив всех, засолили в бочку. Через некоторое время, сверху по Бикину спустился отец. Покушав, лёг спать. Мы на бату поехали на противоположную протоку. И там много рыбы. Стали колоть. Митя острой, я зогбом. Митя говорит:

— Коли только крупных.

— Зогбом колют только крупных, — смеюсь я.

Зогбо я бросаю, только так колю.

— Не будем много колоть, — говорю я.

— Аа, не будем. Вечером здесь поставим сетку, — отвечает Митя.

Опять, вычистив всю, засолили. Отец очень долго спит. Мы уже два раза покушали, опять сварили, он всё ещё спит. Мы знаем: он очень устаёт, ночью под дождём, жрут комары, потому все делаем, чтобы он спокойно спал, хорошенько отдохнул. Когда солнце склонялось к закату, отец проснулся. (8/9) Чтобы он поел, мы разогрели еду.

— Рыбы много начистили, я вижу. Посолили? — спрашивает он.

— Аа, положили в бочку, засолили, половина стала, — отвечает Митя.

— Молодцы, молодцы, заполняйте, только после этого режьте без костей, вяльте на солнце, сначала немного подсолите. Вот будет вкусно.

— Ладно, папа, так и сделаем.

— Далеко не ездите. Здесь рыбы хватает, да и зверя можете увидеть.

— Мы так и делаем.

После этого долго разговаривали. Отец рассказывал, как вспугнул изюбря.

— Папа, почему называют Сигонку (гора катания), что, там на лыжах катались? — Кто катался? — спрашиваем мы у отца.

Х Х П

— Давным-давно туда все сильные люди собирались на соревнования. Были здесь и дети, и юноши, и парни, и мужчины, а позднее и женщины соревновались в катании на лыжах. С вершины сопки спускались по два-три раза, по ходу резко останавливались, развернувшись лицом к вершине, после этого снова мчались вниз. Вот так и соревновались в тех местах, потому и назвали горой катания.

— Ты тоже соревновался, пап?

— Нет. Незадолго до моего рождения прекратил. Большая болезнь унесла много жизней. После этого перестали соревноваться. Сейчас известно, что зря прекратили. Очень было интересно.

— А как названия других мест стали называть знаешь? (1/2)

— Почему не знаю? Всё знаю, мне старшие очень много рассказывали. После опять я расскажу. Сейчас, кто знает письмо, всё надо записывать, дети.

— Я стану большим, всё запишу, — говорю я.

— Я всё расскажу, что слышал от старших. Ты потом не забудешь?

— Ничего, я очень хорошо запоминаю, не забуду никогда.

— Ну, дети, я опять поеду в залив ночевать, вы же поставьте сетку в том заливе, где кололи.

Говоря так, отец стал надевать брюки, рубашку, олочи, *пэмпу* (накидку) тоже натянул, чтобы меньше комары кусали. Покушав, поехал вверх по Бикину. Мы, полежав немного, поехали, поставили сетку. Митя говорит:

— Завтра на закосном (2/3) заливе поедem ловить утят кряквы, они стали уже большими.

— Как будем ловить их, очень искусно они прячутся в траве?

— Спрячутся, будем тщательно искать в траве.

— Что будем делать потом?

— Вместе с отцом помолимся, утёнка принесём в жертву богу, будем просить удачи.

— Ладно, брат.

Утром, съездив за сеткой, вычистили рыбу. Очень много попалось. Засолили полную бочку, сверху придавили большим камнем, бочку закрыли ветками. Отец, приехав, рассказывает:

— Большого волка видел, шёл по берегу. Зря не стрелял, знал бы, что зверя нет, выстрелил бы.

— Зачем?

— Сняли бы шкуру, привезли домой. Получили бы премию за это. (3/4)

— Мы бочку заполнили рыбой, пап.

— Спасибо, мальчики. Добудем мясо, сразу уедем домой.

— Помолимся завтра, пап? Хотим поймать утят кряквы мы с братиком, — говорит Митя.

— Правда, если сможете, поймайте, завтра помолимся.

Отец уснул. Мы начали чинить сетку: всюду порвалась, ячейки стали большими. Нитками сшивали сетку. Вечером опять поедem в конце косы ставить. Целый день ремонтировали, к вечеру кончили. Отец, проснувшись, тихо лежал в накомарнике. Наверное, думает, почему опять неудача. Не взял с собой амулет? Если так, завтра непременно надо просить удачи.

Сварив еду, спросили отца, где находится метеостанция.

— Этот проедешь кривун вверх, начнётся длинный плёс, вот на середине и есть. (4/5)

— Поедем туда, посмотрим?

— Сейчас некогда. Когда-нибудь ещё приедем сюда, доедем сразу дотуда.

— Мы сами поднимемся.

— Нет. За кривуном завал и туда сильный бой, сами не успеете его одолеть. Рыбачьте здесь, да за утёнком собирались ехать.

— Ладно, пап. Не будем подниматься туда. Здесь будем рыбачить.

Когда отец уехал, мы поехали в залив за косой. Широкий залив. Утята побежали в разные стороны, ступив на берег, попрятались всюду. Мы, причалив бат, стали гоняться за ними по острову, среди тальников. Вдруг всех потеряли. Тихо-тихо стало. Все попрятались. Стали искать. Нашёл Митя одного, крепко схватил за ноги. Утка стала биться, вырываясь. Телом настоящая утка, только на крыльях перья не (5/6) все выросли, поэтому не могут ещё летать. Доставив к бату, мы только хотели привязать к перекладине, как утка, освободив ноги, прыгнула в воду. Сразу куда-то исчезла. Мы начали искать. На берег не побежала, в воду тоже не нырнула, под батом тоже нет. Где спряталась? Впритирку с батом в воде стоит пень. Стали искать там. Я, наклонившись, увидел на пне отверстие. Заглянув внутрь, увидел, как утка, словно прилипнув, лежала смиренно под пнём.

— Брат, здесь находится утка.

— Подожди, я острогой заколю.

— Зачем? Я руками за крылья крепко-накрепко схвачу, ты сразу завяжи ноги.

Сказав так, я тихонько дотронулся руками к телу утка. Не шевельнулась. (6/7) Пощупав, крепко-накрепко схватил за крылья. Очень сильно стали биться, но вытащил на бат. Митя сразу связал ноги верёвкой, прикрепил к перекладине бата крепко-накрепко. После этого, вытирая пот, мы смеялись.

На устье залива поставили сетку, приехали к палатке. Перед

заходом солнца покушали, дали и утке. Не стала есть. Связав около себя, с наступлением ночи, уснули. Интересно, почему ничего не приснилось? Может, сильно устали мы, потому спали хорошо.

Утром, когда солнце поднялось высоко, приехал отец, мы ещё спали. Затопив очаг, стал греть пищу и чай. Митя проснулся вперёд. Отец, увидев утку, обрадовался. После того, как я встал, мы поехали снимать сетку: (7/8) тоже много ленков попало. Покушав, вычистили рыбу, отец сделал из травы чучело. Рыбу мы засолили в брезентовый мешок. У нас таких мешков было целых три. Мама положила в бат.

Пока мы варили обед, отец в тальниках сделал подобие молельни. Потом мы сразу пошли молиться. Став на колени, мы замерли перед молельней. Отец, говоря что-то, разжег огонь, начал кланяться, Митя тоже бил поклоны, я же поклонился раз и стоял неподвижно на коленях. Затем отец что-то вспорол ножом на шее утки, она сдохла сразу. Ещё раз поклонившись, пищу, кровь утки опустили в огонь. После этого, придя к палатке, быстро ошипали утку. (8/9)

— Живот выпотрошите, сварите целиком утенка, сварится, поджарьте на масле, только после этого будем обедать.

— У тебя же есть немного водки, папа. Забыли налить. Когда будем кушать нальём? — спрашивает Митя.

— Аа, будем есть, вместе с мясом утки нальём богу.

Отец уснул. Мы, сварив мясо, стали ждать, когда проснётся он. Около часа спал отец. Проснувшись, сказал нам:

— Мальчики, я знаю, что вы устали в тайге. Добудем мясо, сразу уедем домой.

— Ничего, пап, привыкли. Интересно. Андрей скоро уедет в Перевал учиться, когда ещё поедет, никто не знает, — отвечает Митя. (9/10)

— Ну, давайте обедать, дети. — После еды отдохнём, только тогда поедем кто на охоту, кто на рыбалку. Я по Нёло спущусь через заход.

— Мы опять поставим сетку.

— Опять на закоске ставьте, чтобы утром быстрее снять,

может быть, домой поедем.

Налив пищи в чашки, мы только собрались есть, как, откуда ни возмись, туча нагрянула, дождь рекой, нас мигом намочило, мы повернули палатку в другую сторону, и дождь следом, мы опять повернули, и оттуда на нас, словно из ведра, опять хлынул дождь, опять повернули как была, дождь и туда повернул. В наших чашках полно дождевой воды. Вот тогда, отец, глядя вверх, начал материться по-русски. По всякому матерился. Дождь также внезапно прекратился. Солнце весело засияло, а тучи разлетались в разные стороны. Что это было, я до сих пор не пойму.

Х Х Ш

После этого наевшись досыта, отец стал рассказывать:

«Давным-давно, в одной деревне один бедняк жил. Без отца, без матери, братья и сёстры все вместе умерли от чёрной оспы. Жившие там мужчины каждое лето уходили искать корень женьшень. Когда исполнилось пятнадцать лет, этот юноша пошёл вместе с мужчинами. Всё лето ходил за мужчинами, но ничего не нашёл, потому пришёл пустой. На следующий год снова пошёл искать женьшень. Опять ничего не нашёл. В третье лето опять пошёл корневать. Вот и лето на исходе, он снова ничего не нашёл. Все уже ушли по домам, выкопав много корней. Маньчжур за эти корни расплачивался серебряными деньгами. Золотыми деньгами ни с кем не расплатился, но проверял тщательно, искал что-то. (1/2) Люди думают: «Какого женьшеня ищет этот маньчжур? Наверное, чудодейственного корня ищет. Какой он, этот чудодейственный корень?» А спросить стесняются.

А бедняк упорно ищет. Каждый день ходит он по склону одной сопки. С наступлением ночи ночует на устье распадка. Раз, перед сном, сказал: «Ещё три дня ищу, уйду домой, после этого никогда не пойду искать женьшень. Я

очень невезучий!». Сказав так, лёг спать. То ли ему приснилось, то ли и вправду наяву видел старика. У него седые волосы видны. Не торопясь, говорит:

— Мальчик, я знаю, что ты очень стараешься, потому помогаю. Завтра, встань не спеша. Поев, поднимись по распадку, дойди до устья другого, там, при слиянии двух ручьёв, образуется озерца. Дно озерца синее, туда (2/3) посмотри.

— Что увижу я на дне?

— Увидишь что-то. Дальше знаешь, что нужно делать, — сказав так, старик моментально исчез.

«Что это было? Приснилось? Правда ли приходил старик? Наверное, всё-таки сон, вправду спал, ночь же прошла, светло стало. Не буду спешить вставать. Ничего, успею что-либо сделать». Думая так, лежал бедняк. «Пойду-ка посмотрю». Одевшись, пошёл по распадку вверх. Шагая, увидел устье другого ручья. Правда, на слиянии двух вод, озерцо есть, на дне камушки видны чётко. Стал смотреть туда. Вдруг увидел на дне женьшень. «Почему расчёт в воде корень?» Долго смотрел на этот женьшень. «Попью-ка воды я немного». Только хотел наклониться, но зачем-то поднял голову вверх. Потому увидел этот женьшень. Ярко-красными (3/4) ягодами смотрел он на него. Тихо подошёл поближе. Не верит своим глазам, что это женьшень. Долго держал в руках красные ягоды. Женьшень был небольшой. Выкопав, увидел, каким был корень. Тело человека, голова, руки, ноги, цвет белый, словно серебро. Завернув его в кору, отправился домой.

Люди смеются: «Бедняк пришёл, большой корень принёс. Сейчас разбогатеет. Ха-ха-ха». Промолчал бедняк. Маньчжур, увидев его, спрашивать начал:

— Мальчик, что принёс?

— Только один маленький корешок, показывать даже стыдно.

— Принеси, чтобы я посмотрел. Наверное, я этого корня жду.

— Ладно. Завтра принесу я тебе, получу хоть немного денег, и то ладно.

Назавтра принёс маньчжур этот женьшень. Когда развернул кору, увидел маньчжур этот корень, да так и (4/5) застыл с широко открытыми глазами, обрадовавшись несказанно.

— Ты даже не знаешь, какой женьшень ты нашёл. Я три года жду этого корня. Что ты именно найдёшь, я знал, поэтому не уехал отсюда, ждал тебя. Тебе за этот корень отдам чемодан с золотыми деньгами, очень богатым станешь ты. А твой корень особо волшебный. Им накормим армию, станет она могучей, никто её не победит никогда, нигде. Таким является твой женьшень. Спасибо, мальчик, очень счастливый ты.

Говоря так, он отдал чемодан, полный золотых денег. Не верит бедняк, переспрашивает:

— Правда, что столько много денег ты отдаёшь мне за этот женьшень?

— Правда, мальчик, правда! Забери чемодан, неси домой, женись, детей много нарожайте. (5/6) До свидания! — говоря так, маньчжур, завернул женьшень, уехал на свою родину.

Не успел бедняк войти в дом, как пришли люди, занимать деньги. Бедняк роздал больше полчемодана. То, что у него осталось, с лихвой хватило на женитьбу на красивой девушке, на хорошую жизнь. Жена родила много детей. Мы потомки одного из них.»

— Папа, а ты говорил, что наш прадедушка был сыном русского.

— Это по линии отца. А это по материнской линии.

— Аа, оказывается так. Интересно это. Мы дети разных людей.

— Да, так. Но, тем не менее, мы удэгэйцы.

— Кто спорит. Удэгэйцы мы, это сущая правда.

После этого долго молчали. Каждый из нас про себя думал о своём. (6/7)

Когда солнце приблизилось к закату, отец опять поднялся по

Бикину. Мы приготовились внизу поставить сетку. Как только отец скрылся, мы полежали, потом поехали ставить сетку. Тихо заехали в залив. Проехав немного, увидели косулю. Митя сразу выстрелил, косуля резко выпрыгнула на берег. Когда попадает пуля, зверь так вспрыгивает. Остановив бат, Митя пошёл смотреть, но вскоре он уже выволакивал косулю. Погрузив в бат, проговорил:

— Попал в сердце, два прыжка зверь сделал, упал. Сегодня будем кушать талу.

— Я немного попробую мяса на ноге, — сказал я.

Поставив сетку, поднялись к палатке. Прибыв, сразу разделали косулю, мясо развесили на лабазе. Митя талаконил печень, я же стал есть (7/8) мяса на ноге, подсаливая. Не стал много есть. Не люблю я ни сырое мясо, ни рыбу. Митя талаконит уже желудок, а мне тошно. Потом, напившись чаю, легли спать.

Утром, сварив завтрак, сняли сетку. Вычистив ленков, засолили в брезентовый мешок. Когда высоко поднялось солнце, приехал отец по Нёло, загрузив до отказа оморочку мясом. Улыбаясь, тихо пристал к косе. Мы ухватились за перекладину оморочки, немного подтянули.

— Пап, бог дал нам удачу, полную оморочку мяса привёз. Большую матку убил, наверное, рогов же нет, — радуемся мы.

— Дети, правда бог помогает. Большую яловую изюбриху убил. После завтрака, засолим мясо в бочку, чтобы не испортилось.

Мы, быстро наломав веток, выгрузили (8/9) мясо, накрыли сверху ветками. Отец, увидев развешенное мясо, говорит:

— Я слышал ваш выстрел, думал, что утку убили. Вы, оказывается, косулю убили. Молодцы, молодцы, мальчики.

Покушав, немного отдохнули. Отец рассказывал:

— Сначала я увидел двухлетку. Не стрелял, она кушала вечером. Знал, что большой изюбрь впервые вышел. Словно бык, пришёл в полночь. Подкравшись вплотную, завалил прямо в воде, чтобы не таскать с берега мясо. Притянув на косу, ободрал, потому быстро не приехал.

— Почему за нами не приехал?

— Далековато до туда.

— Пап, ты знаешь, отдали одолженные деньги этому бедняку?

— Нет! Чем отдадут они все были такими же бедняками. А сам бедняк и не требовал (9/10) у них долги. До сих пор не отдали.

— У нас тоже много денег назанимали сяинцы. Сколько раз ты посылал с фронта деньги, да так много.

— Ээ, дети, забудьте про эти долги. Сяинцы тоже бедно живут. Ничего, мы, работая, снова заработаем много денег. С голоду не умрём. Ты, Андрей, учись дальше, чтобы жить хорошо. Митю я замучился заставлять учиться. Думает только об охоте.

— Я тебя одного не оставлю в заботе. Я тебе буду помогать в охоте, — сказал Митя, улыбаясь.

Попив чаю, засолили мясо в бочке до отказа, заполнили и брезентовый мешок. Остаток не стали солить.

— Дадим детям Динды. Наверное, голодные они. (10/11)

— И ленков дадим на еду, — говорим мы.

После этого, погрузив всё, выехали мы домой. Вода немного прибыла, потому наши бат, оморочка поплыли быстро. В Каялу отец сказал:

— Я здесь с вашей мамой жил. Ты, Андрей, здесь родился осенью. Когда ты родился, я в тайге охотился. Вашу маму, в такую холодину, одну отправила рожать в другом шалаше жена старшего дяди. Везде лёд образовался, снег выпал немного тогда. Как тебя рожала, мама, наверное, рассказывала.

— Немного рассказывала. Я потом хорошенько расспрошу.

Так спускались: Митя на оморочка, мы с отцом на бату. После полудня доехали до Сигонку. Диндэ все ещё был там. (11/12) Есть ничего нет, лишь рыбы немного добыл острогою в заливе. Сейчас, когда вода прибыла, не смог добыть рыбу: не видать её в мутной воде. Отец отдал весь остаток мяса, риса, крупу кукурузы. Оставили и рыбу. Диндэ рассказывает:

— Замучился я охотиться. Никак не удаётся. Когда убегают, не замечаю.

— Ничего, отец сына, после этого удача будет. Чем больше недостатка, тем хуже удача. Оно так, — вот что сказал отец.

— Спасибо, отец сына, если это правда, сегодня ночью, завтра ночью попробую.

— Попробуй, явно убьёшь.

Пообедав, поехали. В районе Гэнгэ образовалось плохое место. Завалы между завалами узкий проход. Остановившись там, отец переправил оморочку, по берегу вернулся, привязав её там. Втроём на бату усевшись, стали (12/13) спускаться задом. Так кормой вперёд проехали по проходу. Дальше опасных мест нет. Доехав до Ульмы, заночевали. Утром спали долго, не торопились, всё равно рано доедем до дому. Все охотники уже разъехались по домам. Наверное, добыли мяса и уехали.

Х Х IV

— Пап, расскажи, как воевал, — просим мы.

— Неохота рассказывать. Что хорошего в войне? Каждый день тысячами погибают. Очень жутко вспоминать это.

— Откуда ты ушёл на войну?

— Сначала долго в Спасске были, обучали нас, как надо воевать. Оттуда в июле месяце нас погрузили в эшелоны, отправили в сторону Москвы. До Москвы осенью доехали. Оттуда отправили в Сталинград, обучив перед этим. На защиту Сталинграда нас отправили осенью, в ноябре. Сначала ехали поездом, потом шли пешком. Всё время ночью шли, а днём, закопавшись, спали. В тех местах одни пески, до самого колена нога проваливается. Сколько ночей шли, не знаю, шагая, (1/2) спали на ходу, уткнувшись лбом в спину впереди идущего товарища. Командир разъяснял нам:

— Друзья, мы остановимся здесь, по этим местам немцы на танках пойдут на Сталинград, чтобы спасти Паулюса. Наша задача не пускать их, хоть погибнем, но не пустим. Сначала самолёты будут бросать бомбы на наши головы, чтобы не погибнуть, надо копать землю глубже, чтобы прятаться внутри.

После самолётов пойдут танки. Их будем уничтожать гранатами, пушками, но и нас погибнет немало. Не пустим! Или погибнем за Родину, или уничтожим немцев!

— Если бомба точно попадёт, что делать?

— Что сделаешь, если так, Сразу всех не убьют, кто останется в живых, тот будет воевать дальше. (2/3)

— Это мы знаем.

На другой день утром самолёты начали бомбить. Если пробежишь к воронке от бомбы и там укроешься, останешься жив, если не спрячешься — другая бомба попадёт. В одну воронку бомбы дважды не попадают. Мы все, приехавшие позже удэгейцы, были вместе: Канчуга Михаил, Канчуга Владимир, Канчуга Цайсун, Канчуга Хайсун, Кукченко Семён, Куенка Владимир, Адян Дмитрий, олонцы, нанайцы из Перевала. Они почему-то надеялись на меня:

— Отец сына, ты много знаешь, жил с русскими, нанайцами. Не бросай нас, без тебя нас всех уничтожат.

— Вы меня хорошо слушайте. Что я скажу, то и делайте. Не пугайтесь, не бегайте панически туда-сюда.

— Хорошо. Ты есть удэгейский командир. (3/4)

Самолёты начали сбрасывать бомбы. Их падение ужасно. Уши гложут от их свиста. Падая там-сям, они грохочут, как гром. Закрыв уши руками, смотрим вверх. В образовавшуюся от бомбы воронку перебежали мы все. Воронка глубокая, широкая, осколки не падают туда. Раз Мишка глянул вверх. Вдруг стал убегать из воронки, едва успел схватить руками за задницу.

— Отец сына, плохо стало, бомба падает прямо на нашу голову, бежим скорей, попадёт точно.

— Сиди смирно, заячий сын, эта бомба упадёт позади нас. Бомба, висящая над головой, никогда не упадёт на нас, в другом месте упадёт. Посмотри, где теперь твоя бомба?

— Правда, отец сына. Позади нас сейчас (4/5) упадёт.

Вдруг, словно рядом громыхнул гром, взорвалась бомба.

— Ты меня спас, отец сына, спасибо тебе.

Много людей погибло от разрывов бомб. Самолёты улетели

на свою сторону. Сразу после них пошли в атаку танки, стреляя из пулемётов и пушек. Мы тоже начали стрелять всеми оружиями: винтовками, гранатами, пушками. Мы в нашем расположении остановили несколько танков, другие не справились. Немцы, обойдя нас, рванулись к Сталинграду. Оттуда наши танки их встретили, сражаясь, повернули назад танки противника. Я же получил ранение, в ногу, попал осколок, кусок железяки. Когда немцев угнали назад, меня санитары положили в телегу, забинтовав мою ногу. Сначала почти не болело. Перед тем, как меня отправить, (5/6) удэгейцы собрались около моей телеги.

— Зачем покидаешь ты нас? Без тебя мы погибнем, — со слезами говорят они.

— Что я могу поделать? Вы хорошенько себя берегите, Дмитрий, ты самый старший, получше за ними присматривай. Я вылечусь, приеду к вам.

Они слезу пускают, я слезу пускаю. Наверное, знали, что никогда больше не увидимся. Меня лечили в Красноярске. Где после этого воевал, потом когда-нибудь ещё расскажу.

— Пап, я видел бумажку, где тебя орденом наградили. Где этот орден?

— Где эта бумажка сейчас, не знаю даже.

— Пап, мы на этой бумажке во время учёбы писали, потом где-то потеряли. Всякие другие бумажки тоже растеряли, порвали. (6/7)

— Ха-хай! Это вы, оказывается, нашкодили, а я ругаю вашу маму. Ничего, я приехал живой, спасибо на том. Был орден "Отечественная война II степени", так говорил замполит. Наверное, меня не нашли. После лечения я воевал в другом месте станковым пулемётом. Об этом когда-нибудь расскажу, а сейчас спать.

— За что должны были наградить тебя этим орденом?

— Я два танка поджёг.

Утром спали долго. Разведя огонь, сварили еду, вскипятили чай. Покушав, поехали. Спускаясь, отец начал петь по-удэгейски. Я, работая веслом впереди, задумался. Обо всём думалось. Как выжил отец, столько воюя? Сколько раз был ранен! Пришёл

живой. Вправду, наш отец оказался счастливым. (7/8) Пока мы так спускались, нас догнал Ульянов Лёня на оморочке.

— Багдифи! — сказал по-удэгейски.

— Здравствуй, мальчик, — ответил отец, — откуда едешь?

— С Улунги. Полмесяца охотился, ничего не убил, сильно измучился. Позавчера ранил сохатого. Сначала, после моего выстрела, упал замертво, немного погодя, начал дрыгаться, потом встал, пошатываясь, пошёл к берегу, поднялся. Я думал: на берегу кончится, обдери спокойно. Пошатываясь, пошатываясь, пошёл, я, причалив оморочку, побежал добивать, но он не подпустил на выстрел. Так гонялся за ним целый день, не смог догнать.

— Ээ, мальчик, таких надо сразу добивать. Задел вскользь позвоночник, так бывает, сначала замертво падает, пройдёт какое-то время, оживает. Потому (8/9) упустил ты его.

Лёня работает в лесхозе, он недавно, прибыв из армии, женился на фельдшерице. Жену звать Раиса Васильевна.

— Сегодня ночью я ночевал у Диндэ. У него узнал, что вы спускаетесь, везёте много мяса и рыбы. Догоню, попрошу, думаю, уделишь мне немного, а то к жене приеду пустой, стыдно.

— Поделюсь, мальчик, почему не поделиться? Я люблю помогать людям. С твоим отцом я дружен.

— Спасибо, отец сына.

Лёня очень хорошо по-удэгейски говорит. Как удэгеец. Доехав до Тохоло, остановились на косе. Отец с Лёней открыли бочку. Оттуда дал ему мясо, а из брезентового мешка — ленков.

Пообедав там, выехали домой. Лёня говорит: (9/10)

— Я вперёд уеду, хочу по протоке спуститься. Счастливо доехать!

— Счастливого плавания!

Мы тоже быстро доехали до дому. Мама, братцы, сестрёнка очень обрадовались. Мы больше десяти дней были вверху. Мясо, рыбу мама аккуратно обработала, людей угостила.

ХХV

Было начало августа. В огороде всё созрело. Живём сытно. Мы играли, купались, загорали на солнце. Вода в это время ещё не прибывала. После первой половины августа, отец, закончив пилить доски, снова засобирался вверх. Мы быстро перенесли на берег вещи, стали ждать отца. Он пришёл вместе с Геонка Хьем на берег. Хый тоже принёс свои вещи. Отец сказал, что он тоже с нами поедет на охоту. Хый поехал на оморочке, мы втроём — на бату. На второй день доехали до Сивантая, сделали ночлег, начали охотиться. Хый и отец попеременно ездили на оморочке, а мы на бату ездили на Амбинскую протоку. Звери все ушли на сопки, следов свежих нет. Погодя, отец говорит (1/2) Хью:

— Ты, сынок, утром рано, поднимись по Сивантаю и спустись по Бикину, а я днём поеду на Ульму.

Я раньше видел, как отец строгает шест кривым ножом. Цэк-цэк, тонкие стружки, скрутившись, падают вниз. Когда заостряет конец, резко-резко тянет ножом. Я тоже стал строгать шест ножом. Дойдя до конца, стал, как и отец, двигать ножом. Сначала вскользь прошёл нож рядом с животом, порезав рубашку, я не обратил внимания. Митя сказал:

— Тише, живот пропорешь.

— Ничего, папа так делает, не пропарывает же.

Сказав так, снова заработал, но вдруг нож соскользнул с шеста, прошёлся по моему бедру, разрезал брюки, нанёс мне рану в бедре. Я не почувствовал боли, сразу сняв (2/3) штаны, увидел, какую рану сделал нож. Зияющая рана. Крови нет, мясо почему-то белое, виднеется красноватая кость.

— Что я тебе говорил? Не верил, теперь калекой станешь.

Разорвав тряпку, приложив табак, забинтовал накрепко.

— Отцу не говори, сама заживёт, — прошу я брата.

— Что будем делать, если начнёт гнить?

— Ничего, быстро заживёт.

Так я стал ходить, прихрамывая. Отец даже не заметил.

Вечером сильно заболела, ночью распухли железы. Я не стонал, лежал молча. Утром Митя сменил лист табака. Боль утихла. Хый, отец ездят на оморочке. Мы с Митей ездим рыбачить. Рана болит. Хый, приехав, говорит: (3/4)

— На протоку вышли рогачи, я рано утром опять поднимусь.

— Езжай, непременно убьёшь.

Я отцу ничего не сказал. Он только к вечеру заметил мою хромоту:

— Почему хромаешь?

— Ножом немного порезал.

— Сильно болит?

— Немного болит, ничего, уже заживает.

Потому отец особо не обратил внимания.

Рано утром Хый уехал на оморочке. Мы с Митей снова заснули. Когда проснулись, приехал Хый.

— Что стрелял?

— Изюбря, конечно.

— Хорошо, молодец, мальчик. Большой?

— Аа, пять концов. Очень жирный.

— Почему не должен быть жирным. Скоро начнут играть свадьбу.

Мы даже не слышали выстрелов Хыя. Отец говорит, пять (4/5) раз стрелял. Покушав, поехали за мясом. Большого быка завалил. Быстро разделав, приехали к месту. Отец говорит:

— Этой ночью я попробую.

— Попробуй, дядя, я отдохну.

Мне стало очень плохо. Митя сказал отцу, что у меня гниёт рана.

— Покажи рану, — сказал отец. Я показал.

— Плохо дело, сегодня же надо ехать домой. В сумерки доедем. Давайте, побыстрее собирайте вещи. У ребёнка нога сгниёт; а ты, мальчик, хочешь, охоться ещё, хочешь, поедем вместе.

— Как скажешь, так и сделаю, дядя.

— Тогда поедем. Мясо есть, зачем ещё охотиться.

— Правда, дядя, поедем, я хочу поехать в Перевал, жену

себе (5/6) привезти.

Всё быстро загрузив, выехали. Доехав до богомола, взрослые, нарезав от сердца и почек изюбря, угостили, говоря:

— Ээ, боженька, спасибо, что дал мяса, немного прими угощения. И дальше давай удачи.

Отсюда мы резко начали грести. Когда доехали до голубичной мари, начало темнеть. Но было уже близко до Сяина, доехали быстро. Дома мама промыла раствором краснотала, смазала медвежьим жиром, забинтовала. Ночью я спал хорошо, даже не болело.

Утром меня отец повёл в медпункт. Я не хотел идти. Когда не болит, зачем хотеть. Но отец, пожурился, подтолкнул к двери, и сам сразу ушёл домой. Я вошёл. Раиса Васильевна, увидев меня, улыбнулась, спросила: (6/7)

— Чем болен? Где болит?

Я, ничего не говоря, снял тряпку, закатав сначала брюки на правой ноге. Лёня, увидев эту рану, улыбаясь, сказал:

— Наверное, арбуз резал, ножом поранил.

Что он такое говорит? Чуть не заплакал, слезу немного пустил. Раиса Васильевна начала ругать мужа:

— Что такое несёшь ребёнку? Уходи отсюда, я сама знаю, что мне делать.

Лёня вышел на улицу после этого, улыбаясь. Раиса Васильевна, увидев рану, говорит:

— Почему сразу не пришёл? Зачем, загноив, пришёл?

— Я в тайге поранился три дня тому назад, отцу ничего не сказал, думая, что само заживёт.

— Аа, так было. Сейчас скрепками стянем края раны. (7/8)

— Не надо, больно будет.

— Поболит маленько. Шрам широкий останется, если не стянуть.

— Пусть будет широкий.

— Смажу мазью, забинтую рану.

— Сделайте так.

Закончив бинтовать, сказала:

— Послезавтра опять приходи ко мне на перевязку.

— Ладно. Спасибо.

— Выздоровливай быстрее.

После этого я ещё три раза ходил в медпункт. Рана зажила широким шрамом красноватого цвета. Наступил сентябрь. Дети уже учатся в школе. Нас, окончивших четвёртый класс, должны отправить на Нижний Перевал учиться в пятом классе. Но до сих пор почему-то молчат. Десятое сентября прошло. Нам говорят, что школа ещё не отремонтирована, потому нас не увозят туда. Пятнадцатого сентября нам сказали: (8/9) послезавтра нас повезут на бат. Мама собрала мои вещи в чемодан, стала ждать моего отъезда. Через два дня мы (я, Кя Боря, Суанка Витя, Санегина Шура), сев к дяде Пакуле в бат, поехали на Нижний Перевал. Там мы будем жить в интернате.

ХХVI

Семнадцатое число было, когда мы выехали в Перевал. Это был сентябрь. Дядя Пакула сидел впереди, Геонка Ята за рулём, в середине ещё одна женщина, мы же расположились впереди и сзади неё. Я только раз ездил в Олон в прошлом году с отцом, поэтому дотуда знал дорогу по реке. Дальше ни разу не ездил. Суанка Витя с Кя Борей возили этим летом груз, на заработанные деньги купили себе одежду. Они старше меня: Борису пятнадцать лет, Виктору четырнадцать лет исполнилось. Мне во время шуги исполнится тринадцать. Я задумался, плывя вниз: Отец с матерью меня жалели, не хотели отпускать. Я же радовался, что буду дальше учиться. Мама снова беременна, родит зимой. Хоть бы не болела ты, мама. Павлик, Зина, Лёва и Митя остаются дома, они будут помогать папе, маме. До свидания! (1/2)

Дядя всё время сильно грёб, нам дал вёсла тоже. Когда проехали Олон, я увидел совсем другие кривуны и плёсы, а также завалы. Проплывали под какой-то сопкой, на её вершину поднималась скала, начиная с самой воды.

— Что за сопка, дядя?

— Это сопка Бахалаза. Хочешь узнать легенду?

— Расскажи.

— Однажды три больших шамана соревновались, кто вперёд взберётся к вершине по этой скале. Я их всех знаю. Два шамана умерли ещё до войны. Один этим летом умер. Ты знаешь его, это Канчуга Тайтун, отец Лянкуя. До вершины добрался только Тайтун, другие остановились. Верёвкой вытащил наверх. Так было. Об этом все в Сяине знают.

— Об этом я слышал, когда Суанка Дуля рассказывал. Он же говорил, что только Тайтун не дошёл, двое других добрались до верха, — сказал Витя. (2/3)

— Ха-хай! Как переврали, ты, Яту, слышишь? Твой отец своими глазами же видел?

— Мой отец, Исула Сигдэ, ещё три человека на противоположной косе были, судили. Вместе с Тайтуном поднимались Кукченко Кундуса, Суанка Чингса. Мой отец не даст соврать.

Я думаю: "Почему был Тайтун? Я слышал другое имя — Инсан Канчуга". Поэтому спросил:

— Дядя, ты почему назвал Тайтуна, ведь говорили Инсан?

— Инсан соревновался после Тайтуна. Это никто не видел. Они сами рассказали людям. Об это тоже по-разному рассказывают. Зимой на каникулах приедешь, сам спроси, этот старик ещё живой, если к тому времени не помрёт. Ха-ха-ха!

Дядя Пакула очень весёлый человек, всё время шутит, подсмеивает, матерится по-удэгэйски, по-русски, по-китайски. (3/4) "Хоть бы жив был дед ко времени моего приезда зимой", — думаю я.

Доехав до Чинтафы, мы заночевали. Солнце ещё не зашло. Дядя задумал колоть рыбу. Гонцы кеты должны уже подниматься. На косе, встав выше переката, он зорко высматривал кету, поднимающегося вверх, держа острогу наготове. Как видит, что кета поднимается? После он рассказал об этом. На перекате вода неглубокая, кета, преодолевая течение, лбом рассекает воду надвое, потому образуются волны клином. По острию этого клина и колют острой, сначала опустив нижний зуб остроги к

самой воде. Попадает точно. В тот вечер ничего дядя не видел, потому утром рано снова караулил, опять ничего не было. После завтрака, поехали дальше. У самого устья Чинтафы на берегу леспромхоз оставил трактор. Суанка Витя говорит:

— Воон трактор видишь? Он на газочурках работает. Бросили его здесь. (4/5)

— Зачем бросили?

— Поломанный вот и бросили.

(Правду о том, что бросили я узнал после, когда зимой шли домой. Я его видел всего в ржавчинах).

Женщины всё время принимались петь. Дядя материт их:

— Еби вашу мать, зверей пугаете вы. Какие песни? Приедете домой, пойте днём и ночью, сукины дети.

— Дети слышат, чего ты материшься. Стыду твоему нет предела.

Мы посмеиваемся. Когда мы не слышали маты взрослых?

Дядя всегда начеку, внимательно осматривает устье проток, заливов, берега реки, вдруг где зверь. Спускаясь, впереди увидел какую-то сопку, где скала поднимается до самой вершины. Где проплывём, не знал. "Наверно, есть дыра посреди сопки", — думал я. Об этом и спросил:

— Что это за сопка? Где протекает река? Есть проход посреди сопки? (5/6)

— Слева течёт река. Скала остаётся справа. Эта сопка Гонгулаза. Там есть камень, похожий на дверь. Если будет ясная погода — сухо, если будет дождь — вода сочится. Его русские называют барометром, — ответил дядя. Так спускаясь, повернули влево, сопка сместилась направо. Издалека кривуна не видно было, потому за ним хорошо не видится, куда течёт вода. Когда проехали кривун, я увидел широкий плёс, протекающий мимо сопки, а на скале, как двойные двери, прилип камень (плоский) к стене. Оттуда не сочилась никакая вода.

— Ээ, барометр показывает ясно. Дождя не будет, вечером и утром я буду рыбачить напротив Перевала, — говорит дядя.

— Когда доедем до Перевала?

— Сначала будет Верхний Перевал, после него — Нижний

Перевал. Там заночуем, утром, позавтракав, пойдёте. (6/7)

Ниже Гонгулазы идёт Лиделаза — верхняя, нижняя. Там пообедали.

— Дядя, почему внизу больше китайских названий?

— Удэгэйские названия тоже есть. Гонгулазу называют Скалистый, Лиделазу — Палаточный, другие места тоже имеют удэгэйские названия. Раньше, когда составляли карту, спрашивали тех, кто в том месте жил. Здесь одинокие китайцы жили на одном месте, потому они называли свои названия, так и записали. Китайские бедняки занимались огородничеством в одиночку, жён не было, детей не было, со своей родины убежали от голода. Перед войной их всех выселили отсюда, а названия мест так и остались.

— Зачем выселили?

— Они сеяли мак и продавали опий курильщикам.

— Что плохого, если его курить?

— Ээ, когда куришь его, голова человека становится пьяной, после — дурацкой, они думают, что становятся сильными. Когда он проходит, (7/8) человек чувствует слабость, становится безразличным, сердце болит. Потому снова закуривает, лечится. Так каждый день курят, пищу не принимают, становятся полусумасшедшими.

— Ты пробовал его покурить?

— Ха-ха-ха! Раз пробовал. Туй-тавае! Чуть не помер. После этого курю только табак.

Ниже Лиделазы есть Модиза. Сопки низкие. Течение несильное, местами есть перекаты. После Модизы начинаются три русла. Дядя говорит женщинам:

— По Бикину спустимся. По Капкану заломы. Вверх по нему поднимемся.

— Капкан — название же русское.

— Аа, русское название. Капкан по-удэгэйски *чаза*. Оно (русло) похоже на капкан, потому русские так назвали.

Оттуда быстро доехали до Верхнего Перевала. Там остановились, пошли посмотреть деревню. Ии, меньше нашего Сяина. Домов двадцать. Людей мало. Побыв немного, уехали.

(8/9) К вечеру доехали до какого-то места. Его называли Ульяновкой. Там заночевали посреди косы. Дядя сразу схватил зогбо и пошёл на перекат рыbachить. Когда наступила ночь, дядя пришёл, ничего не видел.

— Не дошли ещё, — сказал он.

— Утром пойдёшь караулить?

— Аа, пойду обязательно. Сегодня ночью дойдут, утром обязательно я заколю кету. Накормлю головой, перевезу я вас на ту сторону, оттуда три километра пройдёте пешком. Мы же спустимся до Бурлита, там загрузим товары, поднимемся домой.

Встав утром, я увидел дядю на перекате, стоящего в воде с закатанными по колено штанами. Стоя так, вдруг наклонился, шагая по воде, двинулся от косы на глубину. Древо зогбо погрузил в воду, поднял, швырнул, тут же что-то стало барахтаться в воде, разбрызгивая её. Древо зогбо в конце привязано (9/10) верёвкой. С помощью этой верёвки подтянул к себе древо, схватил его руками и потащил к кose кету. Я побежал к нему. Дядя смеётся:

— Что я говорил? Это вторая кета. Первую заколотую женщины вычистили и уже варят. Не видел?

— Нет. Я, проснувшись, смотрел только на тебя. Мастерски колешь ты, дядя, научи меня.

— Сейчас не успеем, потом научу.

— Когда? Я сейчас начну учиться, каждую осень буду в школе.

— Ничего, после успеешь. Сейчас учись. Когда-нибудь научу. Окрепни сначала.

Покушав кетиную голову, переехали на Перевал. Недалеко от устья протоки начинаются домики нанайцев. Оттуда, пройдя по тропе, добрались до магазина, а дальше вглубь пошли по дороге. Через некоторое время дошли до развилки двух дорог.

X X VII

— По какой дороге пойдём дальше? — спросили с Борей у

Вити.

— Если пойдём по левой дороге, мимо колхоза пройдем, там бродом перейдем через речку, по правой стороне пойдём — одну протоку перейдем. По правой длиннее, по левой — ближе.

— Ну, давай, пойдём по ближней. Витя, ты откуда знаешь, что так?

— Я в прошлом году ходил, немного проучился в этой школе. Когда я заболел, меня отправили домой.

Аа, я вспомнил про это. Витя Суанка в прошлом году сюда учиться приезжал. Немного погодя вернулся.

Дальше пошли по левой стороне. По обе стороне дороги колхозные поля: картошка, кукуруза, овёс, ещё какие-то огородные растения.

Дошли до конюшни и коровника, очень длинное здание выстроено. Очень много коров пасётся, щиплют траву. Лошади тоже есть. На двух лошадях, запряженных в телегу, русский мужик что-то везёт. (1/2) Мужчины, женщины лопатой выгребают конский, коровий навоз. Пройдя мимо них, мы перешли на другую сторону. Там на берегу стоял огромный дом, где сложены разные железяки. Его Витя назвал "складом".

— Это колхозный склад, с этой стороны железяки, части для ремонта тракторов, на той стороне складывают картошку, кукурузу, овёс, пшеницу, другие огородные семена.

— Зачем столько много заготавливают? Разве всё смогут съесть?

— Ээ, государство большое, всё свозят на станцию, оттуда поезд везёт во Владивосток, чтобы накормить горожан, они ведь огороды не сажают.

— Есть дорога до станции?

— Нету. По воде возят на катере. Воон дом видите? Это почта.

Дальше пошли мы. У нас вещей немного. У меня один чемоданчик, там брюки, рубашка. У Вити тоже также. Только у Бори чемодан побольше. (2/3) Он туда нагрузил доверху табак. Идя дальше, перешли через мостик. Слева текла вода протоки. По её берегу шла дорога. Немного пройдя, увидели школу,

вокруг неё были ещё дома. Школа находилась на небольшом холмике. Перейдя по мосту, мы влезли на горку. Слева вырыт колодец, справа стоял учительский дом. За этим домом и находился интернат. Там никого не было. По дороге мы встретили Суляндзига Васю. Он был моим дядей. Мы спросили, куда он идёт, он ответил, что идёт в гости на берег. Вася — калека, потому он хромает, опираясь на палку.

Мы вошли в интернат. Там стояли железные кровати — девять-десять штук, постели нигде нет. Как будем спать, мы не знали. Никто нас не встретил. Мы с собой взяли немного еды, поев её, (3/4) пошли посмотреть на свою школу. Ремонтировать только что кончили. Там мы встретили одну женщину. Она расспрашивала:

— Все прибыли из Сяина?

— Девочки не приехали. Они попозже приедут.

— Постель есть в интернате для сна?

— Нету. Ничего, мы своей одеждой постелим, будем спать.

Это была учительница. Её звали Надежда Андреевна. Выйдя на улицу, мы говорили:

— Когда все съедутся? Когда начнём учиться? Что будем делать в эти дни?

Походив туда-сюда, к вечеру мы пошли спать в интернат. Есть хочется. Не поев ничего, легли спать, постелив свои одежды. Сначала, когда Боря курил, мы завидовали, а потом, чтобы не чувствовать голода, мы с Витей тоже закурили. Накурившись досыта, уснули. Ночью очень стало холодно, мы крепко обнялись друг с другом и спали. (4/5)

Проснувшись утром, мы вышли во двор. Почему было ночью холодно, узнали: был сильный заморозок, всё бело. Совсем уже осень. Сегодня двадцатое сентября. Кета уже хорошо поднимается. Умывались у колодца, пошли искать пищу. Зашли в дом напротив колодца, там была одна бабка (потом узнали, что её зовут Кожухарихой). Накормила нас эта женщина. Что делать дальше, не знали. Пошли к директору домой, его не было, уехал в район. Фамилию, имя узнали: Материкин Пётр Кузьмич. Дома была его жена с дочерью. Она нам дала

картошки и огурцов. Мы сварили и пообедали. Вечером, не поев ничего, легли спать, опять накурились. Ночью опять было холодно.

Утром пошли на берег, там одна женщина была замужем за нанайца, его имя Игу. Женщина же наша сяинская была, с моей мамой были в хороших отношениях. Пошли попросить у неё картошки.

— Тётя Катя, мы голодные, (5/6) — говорю я. Женщина молчала, наклонив голову, на нас не смотрела. Мы видели много картошки. Ничего так и не сказала. Мы поняли, что не хочет дать. Ушли в интернат. По дороге много курили. Я закашлял снова. Долго были в пути. Едва мы дошли до интерната. Придя, мы легли спать, шевелиться даже не хотелось. К вечеру жена директора принесла нам поесть. Покушав, мы опять легли спать, проспали до самого утра.

Утром спали долго. Директор приходил к нам, потом мы встали. Он сказал, что учиться начнём завтра. Сегодня все съедутся. Нам еду сварили в столовой. Встав, мы пошли кушать. Сварили суп, бросив туда немного говяжьего мяса, немного картошки, крупы, солёного огурца. Мясо пахнет молоком, потому ели плохо, выкладывая мясо на стол. Мы привыкли есть мясо диких (6/7) животных. Мы никогда не ели говядину. Конину ели во время войны.

Днём все собрались. Нам дали наволочки для матрасов, чтобы набить соломой. Пошли к колхозному полю, набрали соломы, принесли, застелили кровати, белой простыней заправили, накрыли одеялом. Мы, мальчики, в одной половине стали жить, девочки — в другой половине, та была подлиннее. Девочек было больше.

Книги, тетради, ручки, карандаши, чернила были выданы всем. Двадцать второго сентября мы начали учиться. В пятом классе было больше всех учеников, больше двадцати мальчиков и девочек. Всекие были. Волосы белые, чёрные, золотистые. Одна девочка была с белым лицом и волосами. Её учитель называл по фамилии Асман, имя я не запомнил, она недолго (7/8) с нами училась. Переехала в другое место, потому лицо и волосы

этой девочки я всегда помню. Она всё время улыбалась, показывая белоснежные зубы. Мы сначала с Витей Суанка сели за одну парту. В том же день нас рассадили с девочками. Меня посадили с Мамровской Галей, эта девочка жила в Олоне.

Так начали учиться. Каждый день встаём в семь часов, делаем зарядку, умываемся, завтракаем, заправляем постель. Досыта не наедаемся. Особо не едим говядину, мучаемся. Русские-то привыкли, мы же просим мясо дикого зверя. Нету, говорят, ни изюбрятины, ни сохатины. Просите, чтобы родители присылали, тогда досыта наедитесь мяса. Хлеба давали по одному кусочку. Я сейчас понимаю, почему так было. После войны прошло два года, потому много чего не хватало. Тогда мы, дети, привыкли жить впроголодь. Что поделаешь, коли было так? Не умерли же с голоду. Три раза кормили нас. (8/9)

На нашей мальчишечьей стороне самым старшим был Ушаков Володя, ему восемнадцатый год. Он долго не учился, работал. Его братишка закончил семь классов, тогда он сам стал учиться в седьмом классе. Володя — нанаец, живёт на Верхнем Перевале. Ростом небольшой, не вырос больше. Из сяинских Пианка Вася с нами учился в пятом классе, ему шестнадцать лет было. Я рассказывал раньше, как мы с ним в тайге встречались летом. Он тоже привёз много самосада. Его тоже курили мы. Борин кончился, мы и курили Васин табак. Боря проучился недолго, удрал домой, когда кончился табак. Я же совсем бросил курить табак. Какую-то папиросу попробовал, не понравилась, потому, выругавшись, дальше не стал курить. Это был "Беломорканал". После этого ни разу не курил.

Однажды я разговаривал с отцом по телефону. Он от Бори узнал, что мы голодны, потому сказал: (9/10)

— Хочешь, приезжай. Дядя Кузьма привезёт тебя. Он поехал вниз, жди его.

— Ладно, подожду. Хочу домой, всё время думаю о вас.

— Приезжай. На следующий год поедешь снова, подрастёшь маленько.

— Хорошо, пусть будет так.

Услышав это, Суанка Витя чуть не расплакался:

— Зачем хочешь меня одного оставить. Не уезжай, я не хочу один оставаться.

— Я не думаю даже уезжать. Зачем? Чтобы на будущий год сюда опять ехать в тот же пятый класс? Не хочу.

— Во, это хорошо! — Витя обрадовался. «Хоть бы не пришёл дядя Кузьма», — думаю я.

Суляндзига Вася, по-удэгейски Лунгэ, живёт в Олоне, он двоюродный брат моей мамы, мой дядя. Он, когда был маленьким, играл в "кучумалу", повредил ногу, теперь хромает. Он нас учил играть в шахматы. (10/11) Другие мальчики из Верхнего Перевала. Потом один мальчик прибыл из низовая, это Уточкин Вася. Он из Ассекаевки прибыл, там живёт, сейчас учится в седьмом классе, ему шестнадцать лет.

Так жили в интернате, обучаясь в школе. Я почему-то стал плохо учиться, всё время получаю "двойки". Наверное, очень думаю о доме. В конце декабря нас отпускают домой, наступают каникулы. Больше десяти дней продлятся каникулы. К нашему уходу пришёл обоз, чтобы увезти груз. Мы отправимся с этим обозом домой. Три-четыре дня будем шагать. Сложив продукты на дорогу, стали ждать обоза.

ХХVIII

Вчера прибыл обоз, сегодня загрузится, уедет на Верхний Перевал. Нам сказали, чтобы мы во второй половине дня ушли туда пешком. Мы все сяинцы, олонцы, Верхнеперевальцы, — вместе отправились, надев свои котомки, Три часа шагали мы эти двенадцать километров. На Верхнем Перевале заночевали. Ранним утром, затемно, обоз тронулся в путь. Мы шагали за санями, иногда, устав, садились. Так потемну шли. Очень холодно. Лицо всё время закрывали рукавицей, немного помогало. Брови ресницы покрывались инеем, их очищали пальцами, сняв рукавицы. Согнувшись, шагали, потому меньше чувствовали холода. Время от времени лошадей гнали в бег. Когда лошади бегут, мы тоже бежали, так становилось теплее. После этого, (1/2) проехав

немного, дальше опять шли пешком. Когда доехали до Модизы, взошло солнце, поднимаясь выше, стало греть лучше. А днём всё время ехали, сидя в санях. Однажды уросливый конь, освободившись каким-то образом от саней, побежал налегке. Его поймали с трудом. Снова запрягли к саням, привязали дополнительно верёвкой к полозьям.

Пока поили лошадей, мы пошли вперёд сами. По санной дороге кто-то двое уже прошли перед нами. Аа, да это же две девочки домой идут! Их отец, мать недавно переехали жить в Гонгулазе, этой осенью. Так стал жить там Берзиньш Альберт Петрович. Мирта с Айной не стали ждать обоза и вчера ушли сами. Боевые девчата! Конечно, ноги длинные. Шагай да шагай! Скоро и мы будем там. (2/3) Отдельно от Берзинского дома есть другой. Его сделали для ночёвки обозников. Лошади, после питья, бежали, быстро догнали нас. Мы сразу сели в сани. Перед вечером мы доехали до Гонгулазы.

Вечером, сильно уставший, долго не мог заснуть. Мне сказали только недавно, что мая мама родила девочку. Об этом и думал лёжа: «Какая девочка родилась? Как чувствует себя мама? Отец дома или в тайге был? Вообще-то, он и раньше всегда был в тайге, когда рождался у него кто-нибудь, никогда не заставал нас при рождении. Приехав, увижу, какая девочка родилась. Скоро полмесяца, как родилась». С такими мыслями уснул. Снов даже не видел.

Рано утром разбудили. Солнце уже восходило, когда мы, позавтракав, выехали. Сильно не (3/4) спешили: в этот день всё равно до Олона не доехать, ночёвка на Чинтафе, а оттуда завтра сразу до Сяина нужно доехать, пообедав в Олоне. После ночёвки, в тот же день доехали до дому. Мама, папа (он прибыл позавчера), Митя, Павлик, девочка (так мы всегда звали Зину) с радостью встретили меня. Отец, улыбаясь, говорил:

— Ты ведь несколько не похудел, значит, кормили неплохо? Потому учись дальше, не бросай.

Я улыбался, ничего не говорил. Потом увидел девочку в нашей национальной люльке. Щёки пухлые, спит. Очень красивая девочка. Назвали Леной. Родилась в середине декабря,

а отец с Митей были ещё в тайге. Мама сейчас чувствует себя хорошо, всё время улыбается. (4/5) Сваренные мясо, пельмени поел досыта. Потом Павлик мне говорит:

— Завтра в школе встреча нового года возле ёлки, пойдём вместе.

— Конечно, до этого ни разу не встречали новый год. Пойду взглянуть, что это за штука.

На другой день мы с Павликом пошли в школу. В одном классе установлена ёлка, её украсили игрушками красиво. Вокруг неё дети водили хоровод, взявшись за руки.

«В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...»

...Теперь она нарядная на праздник к нам пришла».

Так поют они. После этого дети ножницами разрезают подвешенные игрушки, конфеты, пряники, предварительно закрыв глаза. (5/6) Когда осталось немного, мой братик, взяв ножницы, разом перерезал все остатки. Потом поделился со мной конфетами, пряниками. Побыв ещё немного, пришли домой. Я тогда впервые увидел, как встречают новый год.

Все каникулы мы: я, Митя, Павлик заготавливали дрова и вывозили домой. Катались и на лыжах, втроём. Митя уже мастерски катался. Он, конечно, охотясь, ходит по сопкам. Я тоже стал хорошо бегать. Павлик ещё мал, поэтому не был на равных с нами.

Когда сроки каникул прошли, нас никто не увёз. Все дети уже учились в школе, мы же ещё не уехали. Семнадцатого числа нас наконец повезли обозом. Я не хотел ехать. Очень хорошо было дома: тепло, сытно, никуда (6/7) не надо торопиться. Двадцатого января мы уже учились в школе. Это был 1948 год.

Мы живущие в интернате, каждую неделю мылись в бане, потому были чистыми. Если у кого-нибудь обнаружатся вши, меняют одежду, моют в бане.

Я не стал понимать арифметику. Почему так стало, не знаю. Я, когда заканчивал четвёртый класс, очень хорошо разбирался. Сейчас же всё время получаю "двойку". Учитель Фёдор Иванович говаривал мне: «Ты очень слаб в арифметике,

потому ничего не понимаешь».

В третьей четверти опять проучился на "двойку".

Однажды два русских мальчика разъяснили мне, как надо записывать в тетради. Я же всё считал в уме, а (7/8) на бумаге не записывал. Потому плохую оценку получал. С этими русскими мальчиками учились в одном классе, потом вместе закончили семь классов: это Бахаев Толя, Костюченко Шурик. Благодаря им я по арифметике стал соображать, экзамен сдал нормально, поэтому буду учиться на следующий год в шестом классе.

После окончания занятий мы на бату уедем домой. Мой отец приехал за мной, попутно повезёт груз. Он поедет дальше, до Бурлита, а потом до Пожарского, чтобы отвезти какой-то пистолет. Я видел этот пистолет, когда ночевал в палатке.

— Что за пистолет, папа?

— В Сяин приехал жить один русский, его фамилия Шляпин, бывший офицер во время войны, потому он оставил его у себя. Кто-то увидел, а потом и отобрали у него. (8/9) Сейчас попросили меня привезти в милицию. Ты подождёшь в интернате три дня, я приеду снизу, заберу тебя и Суанковского пацана.

Подождав три дня, мы ушли на берег с Витей. Отец с Канчуга Валентином приехали из Бурлита. Валентина почему-то дразнят пузатым. Он впереди, отец за рулём, а мы на середине толкаем шестом. С Перевала мы доехали до Сяина на четвёртый день.

Лена стала большая, Лёва, матерясь, бегал за солдатами. Они ребёнка научили материться, радуются очень, убегают от него, когда он хватает палку и догоняет их. Дитя матерится, не сумев догнать. Солдаты жили во второй половине нашего дома. Отец отдал капитану, чтобы весной, летом пожили. Огромные русские парни. Я (9/10) до сих пор помню их по фамилиям, а имена у некоторых подзабыл. Они питались очень хорошо. Всегда угощали Лёву, нас.

В это лето было сильное наводнение. В эту пору все дети болели корью. Мы с Митей не болели. Болели раньше.

Сейчас болеют и Павлик, и Зина, и Лёва, и Лена. Мама едва успевала ухаживать за ними. Мы с Митей как могли — помогали. Отец, чтобы не уплыл дом, забрасывал землёй берег. Вода доходила до самого крыльца. Когда перестал дождь, вода стала убывать. И дети выздоравливали.

А когда убыла вода, я поехал на оморочке половить чебаков сеткой. Как быстро ушла вода? Все заливы обмелели. Поднявшись по Бикину, спустился по Дадунге. Нигде не нашёл, где ставить сетку. Так и спускался, не намочив сетку. Намерился (10/11) попасть на Бикин по ближнему устью. Вдруг услышал, как кто-то с острова спускается на берег. Из травы на косу медведь, выпрыгнув, зашагал по косе к воде. Я испугался. Что делать? Идёт прямо, где я еду. Давай отпугну! Стал веслом плашмя бить по воде. Звук раздавался, как ружейный выстрел. Белогрудый остановился, встал на задние ноги, посмотрел на меня. Я опять стал шлёпать веслом, медведь издал какой-то звук, тихонько побежал на остров. Я, видимо, сильно испугался, потому охватила дрожь меня. Так я проплыл дальше, до самого устья протоки. Оттуда через Майтан поднялся до дому. Дома рассказал. Отец говорит:

— Сильно, пожалуй, испугался? Потому лицо бледное. Ничего, не бойся, в воде не догонит, белогрудый медленно плавает.

ХХІХ

В конце августа мы снова уехали в школу. Нас повёз Пианка Динзай до Перевала. Он не бикинский был, жил везде, кочевал: на берегу моря, на Хору, на Анюе, на Имане. Сейчас стал жить на Бикине, возил груз со своей женой. Спускаясь, он всё время пел, иногда материл жену. Так, заночевав по дороге один раз, доехали до Перевала. На второй день получили книги, чтобы послезавтра начинать учёбу.

Так снова стали учиться. Три новых учителя приехали, все девушки. Та, что попопней, начала учить нас русскому и немецкому языку. Её фамилия Жирова, имя Елена Петровна.

Другая девушка нас начала учить по географии. Фамилия Прокопьева, звать Татьяна Павловна. (1/2) Третья девушка в младших классах учила. Как зовут её, сейчас не помню. Всем девушкам было по двадцати одному году.

Только изучая географию, узнал, как американец сбросил атомные бомбы на два японских города: Хиросиму и Нагасаки. Много людей погибло. И после будут умирать долго. Что плохого они сделали, чтобы проклятый американец бомбил? Много женщин, детей, дедушек, бабушек уничтожил. Почему так бывает? Что, никто ничего не может сделать? Кто отомстит? Об этом учительница ничего не сказала — только рассказала о всеобщем возмущении. Долго мерещились в глазах эти бомбы, страшные взрывы, ураганные волны сметают дома, деревни, давя людей разрушенными обломками. (2/3) Жаль ни в чём не повинных людей! Когда прекратятся войны? Чего не хватает? Почему не могут все люди жить мирно между собой? Тогда я ещё многого не знал в истории жизни людей. Потом узнал: люди, сколько живут, столько и воюют.

Я, учась в шестом класса, вступил в комсомол. Декабрь это был. Я, когда получал билет, написал там своё имя. Вместо фамилии написал К., имя полностью Андрей. Потому получилось так: К. Андрей. Пётр Кузьмич спрашивал:

— Ты понимаешь, что написал? Фамилию лучше полностью писать. Исправь, напиши так: А. Канчуга.

Я покраснел от стыда. Расписался, как он показал. Получилось так (3/4) в билете: А. Канчуга. С таким билетом я и закончил седьмой класс. После вступления в комсом стал лучше учиться. Стыдно плохие оценки получать.

На каникулы мы ушли без обоза домой. С почтальоном вместе ушли.

Дойдя до Олона, мы, отдохнув с час, ушли в Сяин втроём: Суанка Витя, я, Канчуга Витя — двинулись перед закатом солнца. Сначала шли очень быстро, дорога по тайге была отличная. Пятнадцать километров от Олона до Сяина. Мы уже добрались до Сигова, как Канчуга Витя стал останавливаться.

— Ты что делаешь? — спрашивает Суанка Витя.

— Я устал. Немного посижу, встану. А вы идите вперёд, я, немного отдохнув, догоню вас, — отвечает Витя, (4/5) ложась на снег.

— Вставай, сукин сын, замёрзнешь, нас обвинят, — говоря так, пинаем мы ему по заднице. Он же всё-таки хочет лежать. Мы с двух сторон пинаем ему по заднице. Не хочет вставать. Мы, схватив его за руки, подняли, толкая вперёд, раскачивали. Проснулся наш Витя.

— Ничего, сейчас я сам пойду, не бейте меня больше.

Держась за спину, толкаем вперёд. Так добрались до Майтана, оттуда видны огни домов. Добрались до Сяина. Мы тоже очень устали. Я сейчас думаю: хоть и пацаны, а знали: мы бы оставили его, замёрз бы. Когда бы добрались до дому: оттуда около трёх километров. За это время и замёрз бы этот пацан. (5/6)

Когда я вошёл в дом, мама ещё не спала. При ламповом свете, она шила олочи. Увидев меня, удивилась:

— Ти-тавае. С кем пришёл?

— Сами, втроём пришли: я, Витя, Витя.

— Какие упрямые вы дети. Зачем ходите ночью, неужели не успели бы завтра прийти? Ну, быстрее грейся, потом накормлю я тебя, — говоря так, мама обнимала меня, — эе, ты же сильно вспотел, сынок, быстрее снимай всю одежду, олочи.

Дома очень тепло. Дети все спят, даже не проснулись, а я не стал их будить. Покушав, лёг спать.

Проснулся утром, когда солнце поднялось высоко. Ноги, тело — всё болело. (6/7) Младшие, вставшие все, тихо играли в другой половине дома. Отец с Митей всё ещё не приехали из тайги. В скором времени придут. Я с Павликом снова ходил встречать новый, 1949, год в школе.

31 декабря, вечером, отец с Митей прибыли. Привезли полные нарты мяса. Мама налепила очень много пельменей. 1 января целый день ели их. Очень вкусные пельмени варит мама, мы тоже помогали лепить. Отец с матерью тогда даже не пили водку. Другие люди, выпив водки, пели: так встречали новый год.

Раз, множество ребят собралось кататься на лыжах с сопки. Мы с Митей тоже поехали. Кататься поехали по распадку у лесопилки. Вперёд (7/8) начали кататься парни. Сначала, когда лыжня ещё не проторена, лыжи сильно не разгонялись. При повторном спуске многие попадали. Мы тоже катались. Чтобы лыжи не скользили, тормозили палкой. Парни же любили быструю езду и радовались этому, потому они падали: кто-то, стукнувшись о дерево, кубарем летел в снег, только зад торчал оттуда, другие, разведя ноги в разные стороны, ныряли головой в снег до самых ног.

Я упал только один раз. В снег не нырнул, сел задницей на лыжи, потому не кувыркнулся, так как особо не разогнались мои лыжи. Митя не упал ни разу, он в тайге научился мастерски спускаться с сопки каждый день, да и отец, видимо, учил его. Мы, очень уставшие, вечером вернулись домой. (8/9)

По окончании каникул мы снова уехали в школу. На этот раз отправились вместе с обозом. Весной быстро растаял снег. Мы, после занятий, играли на улице во всякие игры.

После праздника мне по телефону сообщили, что Митю чуть не убили. Кто-то во время драки ударил его по голове, потому увезли на самолёте в Иман, где сейчас и лечат его. Я очень нервничал. Кто нахулиганил так? Об этом мне мама потом рассказала: мужчины стали драться с солдатами из-за того, что жёны с ними гуляли. Митя спал дома, проснувшись, вышел на улицу, в это время кто-то камнем ударил его по голове. Когда он упал, его стали бить палкой солдаты. Мама прикрыла его (9/10) собой, потому попадало по её телу. Отец в это время спал дома. Проснувшись, вышел на улицу и увидел, как бьют маму и Митю. Вскрикнув, забежал домой, чтобы взять ружье и стрелять. Увидев отца, солдаты разбежались. А отцу женщины не дали ружья. Тогда он схватил палку и побежал за ними. Солдаты сразу убежали в тайгу. В тот же день вывезли Митю в Олон, вызвали по телефону самолёт. Самолёт прилетел сразу и увёз моего брата в Иман. После я узнал, как Митя, придя в себя, спросил у отца:

— Папа, что плохого ты сделал Шалаеву, почему он хотел

убить меня?

— Так это Шалаев сделал? Мы его посадим в тюрьму.
(10/11)

Этот Шалаев раньше был солдатом. Теперь, женившись на Надежде Афанасьевне, жил в Сяине, у него родились две дочки, ещё маленькие. Почему так опростоволосился? Зачем он проломил голову пацану? Не знаю я. Приеду домой, обо всём узнаю.

В середине мая был урок географии. Я, глянув в окно, увидел шагающего Митю. Меня Татьяна Павловна отпустила на улицу. Я встретил брата. Живой! Улыбается.

— Как ты, брат?

— Ничего, выздоровел. Только голова немного побаливает. Скоро пройдёт.

— Иди в интернат, ложись на мою кровать, отдохни.

— Да, мы с Володей подождём, когда закончишь занятия, потом пойдём на берег, там есть бат, сегодня же уедем на Верхний Перевал. (11/12)

Отдохнув, ушли Митя с Володей на берег.

Когда закончился май, сдав экзамены, я тоже уехал домой, сев в бат Сундига Гены и Кукченко Василия. Я никогда не сидел на бату без дела, всё время работал шестом. Вася взрослый. Одна его дочка уже большая, другой около одного года или больше. Сейчас остался без жены. В прошлом году умерла. Вася воевал с немцами, находился в Четвёртом Украинском Фронте, потому говорит хорошо о мадьярских женщинах, румынских девушках, о других. Очень смешные истории рассказывает. Мы всё время смеёмся с Геней, он двумя годами старше меня. Он не захотел дальше учиться, сейчас работает, возит груз на бату. А Васю почему-то называют старшиной.

— У всех женщин пизда нормальная, а у немок — поперёк.
(12/13)

— Что ты треплешь, а? Как такое может быть, что, немцы другие люди?

— Так и есть, сам проверил, не зная, что я стану трепать.

Мы крепко смеялись, даже толкать как следует не толкаем. Вот так и добрались до дому. Много ещё чего рассказывал. Сейчас позабыл. Летом, когда Митя хорошо выздоровел, отец сказал:

— Чтобы в школу пойти в обновках: рубашка, брюки, ботинки, — нужно возить груз из Бурлита.

— Хорошо, папа. А Мите хорошую одежду, чтобы ходил и девушкам.

— Предполагаю именно так.

Дважды мы ездили за грузом. Мы на свой бат загружали по 800 килограммов и поднимались. Когда вторично ездили, по дороге к вечеру у отца голова сильно разбалывалась. Едва пристанем (13/14) к берегу, натягиваем накомарник, укладываем его. Не ужиная, он спал до самого утра. Так было три раза. Потому мы поднимались медленно. Мы возили водку в чекушках, предлагали отцу выпить, чтобы лучше стало, но он не выпил. Что это было? Голова болела, словно раскалывалась. Я после узнал: это его рана болела. Контузия ещё давала знать. Потому раскалённая на солнце голова сильно болела опять. После этого мы больше не ездили за грузом.

Да и мне уже пора было в школу. В этом году буду заканчивать седьмой класс. Пожелав всем доброго здоровья, выехал в Перевал. Митя мне говорил:

— Ты очень худой. В эту зиму убью медведя, буду тебя салом поить я.

— Ничего, брат, когда-нибудь разжирею. (14/15)

Не знал я, что его больше никогда не увижу. Его в ту зиму гималайский медведь загрыз. Восемнадцатого декабря ушли на охоту с одним мужиком. Этот мужик, увидев медвежьи следы, удрал. Митя, догнав сам, ранил медведя. Стреляя в нападающего зверя, промазал, поэтому медведь прогрыз ему всю голову. Отец относил ружьё военным в Амбу. Скоро уже домой ехать. Наказал строго, чтобы никуда не ходили. Этот мужик обозвал Митю трусом, натравив, сам удрал. Митя трусом не был, потому один пошёл на медведя. Наверное, судьба такая. Отец, вернувшись, утром рано пошёл по следу. Нашёл Митю

уже застывшего. Чуть не прикончил этого мужика. Так не стало моего брата, любимого брата.

Узнав об этом, я стал как умалишённый. (15/16) Что бы ни делал, всегда Митя перед глазами. Каждую ночь снится: я с братом толкаюсь вверх, он впереди, я — за рулём. И во время учёбы думал о нём. Едва закончил седьмой класс.

Жаль, брат, что тебе не выпало счастья жить дальше, пошёл навстречу смерти.

Домой приехал с дядей Пакулой. Даже не задумывался, где буду дальше учиться. Почему-то разболелась поясница. Полечился в медпункте, немного полегчало.

Я становлюсь юношей. Кончилось детство! Расти хорошо, мальчик, скорей окрепни!

Из-за переживаний я не написал о том, что мама осенью родила сына. Назвали Ефремом.

Х Х Х

Об этом мне на покосе снова рассказывал Сигдэ Исула (зоркий) дед. Ему тогда было уже очень много лет. По правде сказать — восемьдесят три года. Мне однажды он во время отдыха говорит:

— Мальчик, я тебе сейчас расскажу о том, чей внук твой отец.

— Я слышал про это. Мне дедушка Арсё рассказывал в детстве.

— Ты хорошенько всё это запиши, потому что устный рассказ забывается, всё до подробностей помнить трудно, поэтому сразу запиши.

— Ничего, однажды услышанное я никогда не забываю.

— Тогда слушай.

«Давным-давно наши предки жили у моря. Когда они там стали жить, никто не знает. Только потом переселились сюда. Таких, как наша река, было четыре. Переселившись,

(1/2) сразу дали им названия. Это Иман, Бикин, Хор, Анюй. Потом ваши Канчуговские переселились на Хунгари. Они первыми нашли эти реки (имеются в виду Канчуги). Как это было?

В долину реки, впадающей в море, пошли охотиться два брата Канчуга. Они недавно женились. Старшего брата звали Гангакту (стальной), жены имя — Бэле, младший — Хабагу (грудной), имя Жены — Пуди. Они были молоды.

Выпало много снега. Они все ходили на лыжах. Так и охотились. Однажды к их жилищу пришли двое русских без лыж. Откуда они пришли, никто не знает. «Ну, пришли и пришли. Живите у нас, перезимуйте, весной снег растает, дальше пойдёте.» С этого времени и стали жить. Днём ходили в тайгу, ночью спали. Волосы у русских беловато-золотистые (2/3) были. Борода на всё лицо. Раз Хабагу говорит:

— Старший брат, плохие сны я вижу. Выгоним русских. Они ночью точат свои ножи и топоры. Очень острыми делают. Наверное, хотят нас убить.

— Что ты шумишь понапрасну. Острыми делают, чтобы что-нибудь делать. Спи ты, не бойся, — ответил Гангакту.

Русские же смотрят искоса на мужчин, а на женщин посматривают блестящими глазами. Младший это заметил. Старший же в этом ничего плохого не нашёл. Он никогда никому плохого не делал, потому всем доверял. Ночью, спящим отрубили топором головы братьям русские. Женщины страшно испугались, когда проснулись. Русские говорят: (3/4)

— Не бойтесь, мы вас убивать не думаем. Станьте нашими женами.

Очень испуганные, ничего не ответили женщины. Лишь потом Пуди сказал Бэле.

— Сестра старшая, ты соглашайся, я же в это время пойду за нашими мужчинами, чтобы отомстили.

— Хорошо. Сделаем так. Я их заставлю обоих со мной спать. Сможешь вернуться через полмесяца?

— Хватит десяти дней.

Надев лыжи, отправилась к берегу моря, туда, где жили Канчуговские. Три дня бежала на лыжах, по дороге рассказывая всем людям об этом. А в это время Бэле уже спала с русскими. Она сразу забеременела. Пуди, добравшись, рассказала всё. Мужчины все были в тайге на охоте. За ними (4/5) отправилось несколько юношей. Собравшись, отправились мстить. Увидев прибывающих удэгейцев, русские побежали в тайгу. Пешком далеко не убежали. Быстро настигли их на лыжах, держа копья в руках. Русские, словно медведь, бросились на них. Удэгейцы быстро перекололи их копьём.

Старейшина (его имя было Цобо — коготь) сказал после этого:

— Плохо, людей убили. Грех! Что будем делать с женщиной? Она спала с русскими, родит ребёнка.

— Убьём! — выкрикнул кто-то.

— Грех убивать беременную женщину. Она ни в чём не виновата. Родится ребёнок, у нас ещё одним человеком больше станет. Нашим ребёнком будет, — старейшины так предположили.

(После, по закону (5/6) удэгейцев, самый младший из братьев женился на ней. Бэле ему родила сына. Кожа лица, тела белая, волосы светло-жёлтые были, золотистые. Крупный родился мальчик, глаза зелёные. Очень обрадовались старейшины. Вот, у Канчугов родился русский. Он станет сильным человеком, много детей породит).

— Плохо, убили людей. Что будем делать дальше? Другие русские, узнав, придут мстить. Бежим в другое место! Перевалим через исток ключа, скроемся в тайге, — так предположили старейшины. Для этого собрали всех своих: женщин, детей, стариков, старух, — только тогда двинулись подальше от моря. Вывершив исток ключа на перевал, от истока противоположного начали спускаться вниз. Море осталось за горами. (6/7) Спускаясь вниз по ключу, по устью вышли на большую реку. Эта река была покрыта толстым слоем снега, на льду образовался крепкий наст.

Самый старший сказал:

— Эта река питается снежной водой.

Позже эту реку так и стали называть: Има — снежная. Потому стала Иманом. До сих пор её так называют.

Остановившись там, старший дед сказал:

— Другие места дальше тоже есть, идите по противоположной речке, вывершив, проверьте, куда впадает другая речка. Есть ещё за хребтом река, такая же, как эта. Пожалуйста, ищите. Мы всех удэгейцев переселим сюда.

Двинулись дальше. Двигаясь так на лыжах, добрались до какой-то реки. Самый старший спустился первым на лёд. Очень обрадовался, увидев эту реку. — Моё счастье! Моё счастье! Моё счастье! (7/8) — начал восклицать, кланяясь. Другие, встав на холмике, любовались этой рекой.

— Моё счастье! — сказал каждый из них. Так получила это название та река: Бикин.

— Ну, наш род будет жить здесь в дальнейшем. Здесь остановится. Другие остались на Имане. А вы, Гээнтэ, Кугдима, опять идите дальше. Тайга очень большая. Наверное, на северо-востоке есть такая же река. Отдохнув, отправляйтесь воон по той речке к её истоку. Там найдёте начало другой речки, по ней спуститесь вниз, — так напутствовал старейшина. Дальше отправились вшестером. Вывершив ключ, на северо-востоке вышли на начало другого. По нему спустились вниз мужчины. Дойдя до устья, увидели большую реку, пошире Бикина. (8/9) Пройдя далее, увидели поворот реки в сторону заката солнца. Потом и стали называть Хуу.

Там никого не обнаружили.

— Мы сюда пришлём Кимонков и Кялунзигов. Пусть живут на этой реке, — решил Гээнтэ, — мы же пойдём ещё дальше. Пойдём и через перевал попадём на другую реку.

Так и сделали. Через исток Хора перевалили. Опять, добравшись до устья другой речки, вышли на какую-то реку. Воды её текли на северо-восток. Кугдима заявил:

— Я со своей семьёй поселюсь здесь. Кто хочет, тот

пусть живёт вместе с нами. Эта река течёт по теневой стороне хребта. Потому называю её Анюй.

Так нашли эти реки. Гээнтэ вернулся на Иман. Оттуда послали к берегу моря Чингуму, чтобы он привёл сюда других удэгейцев. (9/10) Кто где хотел, тот там и оставался. Пусть и живут. Канчуги переселились на Бикин. Вместе с ними ушли многие люди. Остались жить на Имане Кялунзиги, Кя, Суляндиги и другие. Кимонки, Кялундиги. Сигдэ осели на Хору. На Анюе зажил Канчуга Кугдима, с ним поселились и Кялунзиги. Почему Кялунзиги везде поселялись? Их было очень много. На Бикине обосновались Канчуги, Суляндиги, Геонки, Амулинки, Аянки, Сундиги, Кя, Суанки и другие. На побережье моря остались те, кто не захотел перебираться.

Так было! Давным-давно!»

Х Х Х I

«Эта Бэле родила, мальчика принесла. Русский мальчик. Кожа лица, тела белая. Волосы серебристо-золотистые были. Глаза зелёные. Так он и вырос Канчугой. Всеми острогами научился мастерски колоть рыбу, а глаза у него зоркие. И на охоте удачно промышлял зверя. Ходил по тайге быстро, далеко преследовал любого зверя, ночуя по три-пять ночей, возвращался домой. Летом на оморочке, на бату ездил ловко. Летом удэгейцы спускались до самого устья Бикина. В Китай ездили, чтобы купить или обменять что-либо. Так доставляли котёл, материю, одежду, чашки, ложки, кастрюли, другие вещи, ружья, покупали и обменивали всякие продукты. (1/2) Недалеко от устья Бикина начали жить русские. Они недавно прибыли. У них тоже покупали разные разности, обменивались. Так и жили.

Однажды пришла на берег реки одна женщина с мужем, приведя с собой дочь свою. Там были наши Канчуговские. Голова девочки обвязана материей. Ей было шестнадцать лет.

Мать с отцом рассказали, почему замотана голова их ребёнка. Растут чирики, наросты, долгие годы не заживают. Бесполезно лечили всеми лекарствами.

— Помогите, хорошо отплатим, у вас, наверное, есть хорошее лекарство, — просят они. Этот парень (его имя Луса — русский) полюбил эту девочку. И девочка влюбилась в него. Русский сказал:

— Я девушку увезу (2/3) с собой вверх, там я вылечу её.

Жалея, не хотели отпускать отец с матерью. А девочка сказала:

— Я здесь так и сгнию. Парень заверяет, что вылечит мои болячки. Я поеду с ним.

Старейшины подтверждают:

— Мы вылечим вашу красавицу. Здесь нет такого лекарства.

Плача согласились родители. Увёз к себя эту девочку Русский, имя её было Вера. Стали жить у Тохолинцев. Русский добыл изюбря. Надел желудок зверя на голову девушки, замотал материей. Сколько дней так держал, никто не знает. Все эти дни русский ухаживал за девушкой. Кормил лучшей пищей: мясом, рыбой, зонтиком, черемшой и другом едой. Однажды снял этот желудок с головы девочки. (3/4) Сняв, позволил вымыть голову. Никаких болячек не было. Стали отрастать волосы: с золотистым блеском. Прошёл один год. Девочка превратилась в девушку. Красавица. Отказалась уезжать к матери с отцом. Так и осталась с удэгейцами. Вышла замуж за Русского. Счастливо жили они! Родили много детей. Девять мальчиков. Все выросли.»

Мне об этом многие старейшины всё время рассказывали. Арсё Пианка родился в один год с одним из внуков Русского. Самого его немного не застал. Его детей видел уже стареющими. Дед Исула моложе моего деда на три-пять лет, потому хорошо знал его. Его борода, красновато-тёмная, покрыла густо всё лицо. Правнуки это Русского (4/5) и со временем

смахивали на Русского. Их матери, бабушки были все удэгейцами.

— Потому со временем вы становитесь удэгейцами, хотя рождаетесь похожими на русских. Ваш отец, дядя Гулино имеют ещё густые бороды, у вас уже их не стало, но в то же время кожа ваша ещё белая. Ваши прадеды все были крепкими, сильными. Детей много рождалось, потому Канчуговских стало много.

Дед Сигдэ долго рассказывал мне об этом. Отец, дядя Гулино, дядя Косой рассказывали точно так же. Косой говорил:

— Я потомок седьмого сына Русского (сын его внука), ваш отец — от третьего. Чем современнее, тем дальше отдаляемся. Не жили вместе, потому перемешались с другими родами. (5/6)

Старые удэгейцы все об этом знали, потому не удивлялись, когда у наших отцов и дедов росли красноватые густые бороды. Потому и я немного русский. Мои старшие братья, младшие, сёстры тоже немного русские. Но мы всё-так удэгейцы!

Я рассказал об этом так, как мне рассказывали, ничего я ни слова не придумал сам. Я предполагаю другое, о том пишу. Временами думаю: откуда пришли русские. Я и удивляюсь. Тогда какие могли быть русские на побережье? Ни одного русского не было, ещё не пришли туда. Когда они прибыли? Русскими, думаю, удэгейцы называли всех, кто имел белое лицо, густую бороду на всём лице. (6/7) Раз я прочитал газету. Тогда вспомнил, что в это время по морю, Японскому морю, француз путешествовал один. У него был большой корабль, команда многочисленная, исследовал побережье, где проживали удэгейцы. Это был Лаперуз. Я, читая, узнал, что некоторые члены его команды, убегали в тайгу по одному, по двое. Предполагаю, наверняка, эти двое русских и были из команды Лаперуза. Много людей у него терялось во время его курсирования по этим местам. Нынешний городок Терней назван Лаперузом. Его командиром был де Тернье. Вот и назвал этим именем морскую бухту. С тех пор прошло более двухсот лет. Я считаю, что так и было. (7/8) Я потом проверю, так это было или не так.

Пианка Арсё родился в 1855 (тысяча восемьсот пятьдесят пятый) году, так записано в паспорте. Почему он мне рассказывал всё это? А потому, что я всё время играл с Олегом в их доме. Моя одежда была всегда вся рваная. А Арсё то ли в шутку, то ли всерьёз говаривал мне, не знаю до сих пор:

— Ты эту вату вымой и съешь. Выкакаешь, снова вымоешь и съешь. Повторишь несколько раз, станешь очень сильным, как твои прадедушки.

Я поинтересовался, что это за прадеды?

— Разве ты не знаешь?

— Немного слышал.

— Кто рассказывал?

— Никто не рассказывал, просто слышал немного от разговоров. (8/9)

— Ээ, я подробно расскажу об этом. Я очень хорошо знал твоего прадеда. Слушай.

Когда он рассказывал, слышали все дети, которые были с нами. Да и взрослые были. Они знали об этом, но снова слушали. Я уже записал этот рассказ.

Позже всех об этом рассказал дядя Косой, только недавно.

— Ты не всё знаешь, мой рассказ хорошенько запиши, — говоря так, начал рассказывать. Ему тогда было восемьдесят три года. На следующий год он умер. Почему он получил прозвище Косой? Когда преследовал раненого медведя, тот напал. Дорезал ножом, но медведь когтями успел вырвать глаз. (9/10) С тех пор у него не стало левого глаза. Потому и Косым прозвали. Он пояснил, откуда мы приобрели фамилию Канчуга. К морю из больших сопок течёт множество рек. Одна из рек называлась Кау. Наши предки жили в долине этой реки. Их удэгейцы называли Каудига. После, когда получали документы, по-русски записали Канчуга, вот и стали Канчуга. А до этого мы все были Кя, Кяса, что значит орёл.

Так и было.